

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

Юридический факультет

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

*Научно-теоретический и информационно-практический
межрегиональный журнал
Основан в 2004 году*

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук*

**№ 1 (51)
2018**

УДК 34
ББК 67

**Ленинградский юридический журнал
№ 1 (51)**

Редакционная коллегия:

*С. Г. Еремеев (гл. редактор),
И. С. Кокорин (зам. главного редактора), Ю. М. Литвинова (отв. секретарь),
Н. В. Бугель, М. Ю. Павлик, В. Г. Павлов, С. А. Роганов,
Е. В. Силина, О. Э. Старовойтова, А. В. Стремоухов, М. В. Рыбкина*

Редакционный совет:

*Н. А. Васильчикова, С. Б. Глушаченко, А. В. Егоров (Республика Беларусь),
В. П. Очередько, И. Ф. Покровский, В. Ф. Попондопуло,
М. Прохазга (Чехия), Р. А. Ромашов, Ю. Б. Шубников*

Журнал издается четыре раза в год.
Подписной индекс ЗАО «Агентство подписки и розницы»: 46786.

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС 77-69774 от 18 мая 2017 г.

Адрес редакции:
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., 10
тел. (812) 470-56-74; e-mail: lenjurmag@lengu.ru
Сайт журнала: <http://lengu.ru/pages/izdaniya-lgu-im-aspushkina/leningradskiy-yuridicheskiy-jurnal.php>

Полнотекстовая версия номеров журнала,
а также аннотации статей и ключевые слова на рус. и англ. яз.
доступны на сайте www.elibrary.ru

© Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина, 2018
© «Ленинградский юридический журнал»

ISSN 1813-6230

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

М. О. Акишин

Исследование В.М. Сырых о ленинской теории
пролетарского государства..... 9

В. С. Бялт, А. В. Демидов

Правовая культура общества: теоретико-правовая характеристика..... 19

К. А. Грандонян, А. А. Шаповалов

Институт юридической ответственности за коррупционные
правонарушения в России: история становления и современное состояние.. 26

Л. К. Манакова

Правосознание как творческая воля к цели права
(на основе концепции правосознания И. А. Ильина)..... 34

Д. Н. Парганаева

Внутренние и внешние функции государства:
исследование основных проблем..... 43

К. В. Петров

Проблемы использования метрических книг
и актовых книг отделов ЗАГС 1920-х гг. как средств доказывания
при установлении фактов в порядке гл. 28 ГПК РФ..... 49

И. В. Скрябин

Волостной суд в русской деревне во второй половине XIX в. 58

М. Г. Смирнова

Влияние культуры на социальные притязания в условиях глобализации 64

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Ц. Тотров

К вопросу о законодательном регулировании процедуры изменения
границы между субъектами Российской Федерации 70

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Ю. С. Алексеева, Е. В. Воскресенская

Особенности возложения субсидиарной ответственности
на участника общества с ограниченной ответственностью
в механизме восстановления нарушенных прав кредиторов 77

Е. Д. Власова

Институт отказа от права: применение в российском праве
и в зарубежных правовых системах..... 85

<i>В. А. Максимов</i>	
К вопросу о соотношении «права» и «интереса» в гражданском праве	98
<i>Р. В. Макарова</i>	
К проблеме соотношения взаимности, возмездности и английского встречного предоставления (consideration).....	108
<i>Ю. Б. Шубников</i>	
О периодизации истории становления законодательства торгового мореплавания России	119
ТРУДОВОЕ ПРАВО	
<i>Р. В. Северцев</i>	
Судебная защита трудовых прав работника	127
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ	
<i>Г. А. оглы Агаев, Ю. И. Степанов</i>	
Новый взгляд на институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.....	138
<i>В. В. Колениченко, В. В. Шумский</i>	
Роль дежурных частей территориальных органов МВД России в обеспечении правопорядка и противодействии терроризму (на примере Белгородской области)	145
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
<i>И. И. Лодыженская, Д. Д. Малышева</i>	
Противоречия в вердикте присяжных заседателей как основание для отмены приговора суда.....	153
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	
<i>А. В. Прозванченков, Р. А. Шахбазов</i>	
Договорная система в авиакомпании	164
<i>С. Р. Оганезова</i>	
Особенности юрисдикции МЦУИС по урегулированию инвестиционных споров.....	171

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Л. С. Булгакова

Административная деятельность таможенных органов Российской Федерации в области охраны окружающей среды и природопользования.. 180

И. В. Бородушко, И. С. Кокорин

Эволюция нормативно-правовой базы прямых иностранных инвестиций в Российской Федерации 190

С. А. Нефедова

Участие частных медицинских организаций в реализации программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи как механизм государственно-частного взаимодействия в сфере здравоохранения 200

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

А. В. Стремоухов

Политико-правовой дискурс по проблеме депутатского мандата и его видах 206

АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Е. А. Нахова

Особенности определения предмета доказывания и распределения обязанностей по доказыванию по отдельным категориям административных дел в административном судопроизводстве..... 216

Сведения об авторах..... 228

**LENINGRADSKIY
JURIDICAL
JOURNAL**

Scientific-theoretical and informative-practical journal

**№ 1 (51)
2018**

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF THE STATE AND LAW

M. O. Akishin

Research of VM. Syrykh about Lenin's theory of proletarian state..... 9

V. S. Byalt, A. V. Demidov

Legal culture of society: theoretical and legal characteristics 19

K. A. Grandonyan, A. A. Shapovalov

Institute of legal responsibility for corruption offenses
in Russia: the history of formation and the current state 26

L. K. Manakova

Legal awareness as the creative will to the purpose of law
(on the basis of Il'in's concept of sense of justice)..... 34

D. N. Panganaeva

Internal and external functions of the state: study of the main problems 43

K. V. Petrov

The problems of using metric books and the act books of the registrar offices
of the 1920s as evidence in establishing the facts in the order of Ch. 28
of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation 49

I. V. Scriabin

Volost court in the Russian village in the second half of the XIX century 58

M. G. Smirnova

The influence of culture on social claims in the context of globalization 64

CONSTITUTIONAL LAW

Ts. Totrov

On the question of legislative regulation of the procedure for changing
the border between the subjects of the Russian Federation..... 70

CIVIL LAW

Yu. S. Alekseeva, E. V. Voskresenskaya

Features of the assignment of subsidiary liability for a participant in a limited liability company in the mechanism for restoring the violated rights of creditors . 77

E. D. Vlasova

Waiver: application in Russian law and in foreign law and order..... 85

V. A. Maksimov

On the question of the relationship between "law" and "interest" in civil law 98

R. V. Makarova

To the problem of reciprocity, retribution and English counter consideration..... 108

Yu. B. Shubnikov

About the formation of the law of merchant shipping Russia 119

LABOR LAW

R. V. Severtsev

Judicial protection of the employee's labor rights 127

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

G. A. ogly Agaev, Yu. I. Stepanov

A new look at the institution of exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim 138

V. V. Kolenichenko, V. V. Shumsky

The role of the duty units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in ensuring law and order and countering terrorism (on the example of the Belgorod region)..... 145

CRIMINAL PROCESS

I. I. Lodyzhenskaya, D. D. Malysheva

Contradictions in the verdict of jurors as a ground for repealing a court judgment 153

INTERNATIONAL LAW

A. V. Prozvanchenkov, R. A. Shakhbazov

Contract system in the airline..... 164

S. R. Oganezova

Features of ICSID jurisdiction on settlement of investment disputes 171

ADMINISTRATIVE LAW, FINANCIAL LAW

L. S. Bulgakova

Administrative activities of customs authorities of the Russian Federation in the field of environmental protection and nature management 180

<i>I. V. Borodushko, I. S. Kokorin</i>	
Evolution of the regulatory framework of foreign direct investment in the Russian Federation	190
<i>S. A. Nefedova</i>	
Participation of private medical organizations in the implementation of the program state guarantees for free provision of citizens medical care as a mechanism of public-private interactions in health care	200
ELECTORAL LAW	
<i>A. V. Stremoukhov</i>	
Politico-legal discourse on the problem of the deputy mandate and its forms	206
ADMINISTRATIVE PROCESS	
<i>E. A. Nakhova</i>	
Features of the definition of the subject of proof and distribution of proving obligations for certain categories administrative cases in administrative proceedings.....	216
<i>About authors</i>	228

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.128:342.31(091)(470)

М. О. Акишин

Исследование В.М. Сырых о ленинской теории пролетарского государства

В работе проводится анализ новой монографии В.М. Сырых, которому удалось реконструировать основные положения государственно-правовой теории В.И. Ленина о диктатуре пролетариата, включая основные принципы, определяющие его социальную сущность, форму, соотношение пролетарского государства и коммунистической партии. Несомненным достижением автора стала его интерпретация «политического завещания» Ленина. Думается, оценка В.М. Сырых типа правовопонимания Ленина и его роли в становлении террора в отношении сил контрреволюции является дискуссионной. Важной проблемой, которую поставил и в значительной мере решил ученый, является исследование влияния теории пролетарского государства 1917–1923 гг. на последующее строительство социализма в СССР и причины его краха в 1985–1991 гг.

In a peer-reviewed monograph by V. Syrykh was able to reconstruct the main provisions of the state law theory of Lenin on the dictatorship of the proletariat, including the basic principles defining its social identity, the form, the ratio of the proletarian state and the Communist party. An undoubted success of the author was its interpretation of the "political Testament" of Lenin. I think the rating of V. Syrykh type of legal consciousness Lenin and his role in the formation of terror against the forces of counterrevolution is debatable. An important problem which is set and to a large extent decided by the scientist, is the study of the influence of the theory of the proletarian state 1917 – 1923 on the subsequent construction of socialism in the USSR and the causes of its collapse in 1985 – 1991.

Ключевые слова: В. И. Ленин, государственно-правовая теория, диктатура пролетариата, основы социализма, пролетарская культура.

Key words: V. Lenin, the state and legal theory, the dictatorship of the proletariat, the foundations of socialism, proletarian culture.

Исследование о государственно-правовом учении Ленина известный методолог права В.М. Сырых опубликовал к 100-летию юбилею Великого Октября [7]. Это исследование является важной вехой в изысканиях ученого в сфере материалистической теории права [8]. В.М. Сырых четко определяет основную задачу своего труда: анализ учения В.И. Ленина с целью выявления ее достижений и «устранения из нее ошибочных, проблематичных положений» [7, с. 5, 513].

В.М. Сырых отказался от традиционного анализа историографии проблемы, так как, по его мнению, советские работы являлись апологетикой, а цель зарубежных и российских критиков социализма – «...замазать нагусто дегтем советский строй и его достижения» [7, с. 421]. Последнее утверждение он подкрепляет разбором сочинений бывшего зам. начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота Д.А. Волкогонова, назвавшего Ленина «научным дилетантом и прагматическим проходимцем» [4, кн. 1, с. 103], и Э.Д. Розина, считающего, что труды Ленина – «это малокомпетентная, противоречивая и в значительной мере назойливая ... популяризация марксистских идей» [6, с. 21–22].

Возможно, В.М. Сырых прав, не признавая научными работы многих своих предшественников. Однако источниковой основой труда В.М. Сырых стало «Полное собрание сочинений» В.И. Ленина и издания нормативно-правовых актов 1917–1922 гг., т. е. он доверяет уровню их археографии, что неудивительно. Напомним, проект правил издания трудов Ленина (1926), тома 1–7 «Декретов Советской власти» (1957–1974) были подготовлены выдающимся археографом С.Н. Валком. Большой вклад в изучение учения В.И. Ленина внесли Л.И. Антонова, В.Н. Кудрявцев, О.И. Чистяков, И.Я. Фроянов и др. Думается, В.М. Сырых стоило упомянуть об их трудах.

В.М. Сырых пишет, что Ленин не создал «отдельного фундаментального труда, излагающего теорию социалистического государства». Однако это «...не означает, что такой теории вообще не существовало. Она была разработана В.И. Лениным, существовала в его сознании, активно и постоянно применялась в решении теоретических и практических вопросов государственно-правового строительства» [7, с. 101].

Для реконструкции ленинской теории В.М. Сырых обращается к его дореволюционной работе «Государство и революция», оценивая ее как труд, основанный на «методологии и логике научного познания» [7, с. 89]. Исследование новаций в теории социалистического государства, которые Ленин сделал после революции, затрудняется, во-первых, тем, что идеи Ленина получили отражение в многочисленных работах, стенограммах докладов и

т.д., а он сам «...не очень высоко ценил стенографические записи своих выступлений» [7, с. 101]. Во-вторых, ученый «...не может абстрагироваться от конкретно-исторических условий написания ... работ Ленина» [7, с. 102]. В.М. Сырых считает, что эти трудности преодолимы.

В.И. Ленин считал важнейшим теоретическим достижением К. Маркса учение о диктатуре пролетариата. Именно к нему он обратился в работе «Государство и революция» и доказывал, что после захвата власти пролетариату необходима диктатура, которая сохранится в течение «целого исторического периода, отделяющего капитализм от ... коммунизма». Диктатура пролетариата – это новый, более высокий тип демократии, который является «по-новому демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и по-новому диктаторским против (буржуазии)» [5, т. 33, с. 26, 35].

В начале 1918 г. В.И. Ленин сформулировал принципы, отличающие Советы как органы диктатуры пролетариата от представительных органов буржуазного государства. Во-первых, Советы формируются из представителей трудящихся. Во-вторых, «...Советы сосредоточивают в своих руках не только законодательную власть и контроль за исполнением законом, но и непосредственное осуществление законов через всех членов Советов, в целях постепенного перехода к выполнению функций законодательства и управления государством всем трудящимся населением». В-третьих, «...Советы свободно объединяются, на началах демократического централизма, в единую, федеральным союзом скрепленную общегосударственную Советскую власть» [5, т. 36, с. 481].

Анализ ленинского учения о Советах приводит В.М. Сырых к выводу о том, что «...обвинения буржуазных идеологов и современных исследователей партии большевиков и лично В.И. Ленина в создании авторитарного режима, лишившего народ права демократического пути развития ... не соответствуют действительности... В.И. Ленин придавал основополагающее значение реальному осуществлению народовластия, максимально полному вовлечению трудящихся масс в государственное управление» [7, с. 138]. Однако В.М. Сырых указывает, что идея Ленина о выборности должностных лиц не была реализована: партия с момента революции пользовалась правом назначения руководящих кадров советских органов. Возможности пролетариата по охране общественного порядка были преувеличены Лениным: «Советскому государству пришлось в самый короткий срок заменить вооруженные отряды рабочих профессиональной армией, ВЧК» [7, с. 80–81]. Усиление бюрократизации советского аппарата произошло в годы Гражданской войны.

В начале 1920-х гг. В.И. Ленин в качестве основополагающего компонента формы пролетарского государства называет диктатуру, осуществляемую организованным в Советы рабочим классом. Авангардом рабочего класса является коммунистическая партия. Озабоченность Ленина вызывала фракционность в партии. Он стал инициатором резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии», которой запрещалась фракционность. Этот запрет лишил партию ее основного качества – демократического стиля деятельности. После смерти Ленина «каждый вновь избранный лидер коммунистической партии тщился представить как единственно правильную линию партии собственное априорное представление о путях и способах социалистического строительства» [7, с. 183].

Второй темой исследования В.М. Сырых является деятельность В.И. Ленина по созданию основ социалистической экономики. В «Государстве и революции» он писал, что в условиях диктатуры пролетариата управление экономикой сохраняется лишь в части контроля за мерой труда и потребления. Эту ленинскую идею В.М. Сырых признает методологической ошибкой так как «управление народным хозяйством не ограничивается только этой сферой, а включает в себя управление процессами расширенного воспроизводства, планирования хозяйственной деятельности, распределения материальных потоков между хозяйствующими субъектами, разработки и внедрения новой техники и технологий и др.» [7, с. 83–84].

После революции формирование основ социалистической экономики проводилось посредством «кавалерийской атаки на капитал». В условиях Гражданской войны советская власть перешла к политике «военного коммунизма». Как и К. Маркс, В.И. Ленин считал, что после социалистической революции произойдет отмирание товарно-денежных отношений. Было национализировано до 80 % предприятий; введена продразверстка; установлен запрет на ведение частной торговли продуктами питания и введена система их распределения через потребкооперацию. Государство провело ряд мер по сокращению сферы денежного обращения.

Анализируя политику «военного коммунизма», В.М. Сырых критикует позицию авторов, уподобляющуюся мерам, которые использовались буржуазными государствами в аналогичных условиях. Напротив, В.М. Сырых считает, что эта политика была вызвана желанием Ленина «...ускорить процесс построения коммунизма введением коммунистического производства и распределения» [7, с. 235]. Отказ от политики «военного коммунизма» произошел только в условиях восстаний 1920–1921 гг.

В.М. Сырых считает, что «практически все основные достоинства и недостатки советской социалистической системы имеют своим истоком, началом новую экономическую политику» [7, с. 263]. В основе ленинской постановки вопроса о нэпе лежит представление о нем как форме диктатуры пролетариата, ориентированной на строительство социалистического общества мирным путем, посредством экономического соревнования с капиталистическими странами.

В.И. Ленин увидел в российском крестьянстве источник восстановления экономики страны и средств для развития промышленности. Он допустил рыночные отношения, разрешив крестьянам выносить на рынок излишки сельхозпродуктов, после того как они уплатили продналог, а предприятиям – произведенную ими продукцию. В.М. Сырых считает: «...величайшая заслуга В.И. Ленина состоит в том, что он... нашел оптимальный путь смычки интересов рабочих и крестьян и тем самым создал надежную социальную, экономическую и политическую базу советского государства» [7, с. 290].

Задачей пролетарского государства было развитие промышленности на основе введения хозрасчета на социалистических предприятиях и государственного капитализма. По замыслу В.И. Ленина, рационализация деятельности социалистических предприятий обеспечивалась введением хозрасчета. По замечанию В.М. Сырых, хозрасчет оказался настолько действенным стимулом рациональной хозяйственной деятельности, что он применялся на всем протяжении истории Советского государства.

Наибольшие надежды В.И. Ленин возлагал на концессию, под которой он понимал договор пролетарской государственной власти с иностранными или российскими капиталистами. Однако В.М. Сырых констатирует: Ленин, «...не видел ничего зазорного в том, что советское государство будет нарушать свои обязательства под тем или иным благовидным формальным предлогом, если ему это будет выгодно материально». В результате ленинская теория концессий подтвердилась, но наиболее ярко – не в РСФСР в 1920-х гг., а в Китае 1990-х – начале 2000-х гг. [7, с. 300].

Разработка и реализация под руководством В.И. Ленина плана ГОЭРЛО, по мнению В.М. Сырых, имела основополагающее значение для формирования основ социалистического общества. Во-первых, на его примере советское правительство нашло эффективный способ рационального управления экономикой и социальной сферой – планирование. Во-вторых,

благодаря применению электроэнергии удалось восстановить старые и создать новые промышленные предприятия. В-третьих, применение электричества существенным образом преобразовало быт советского народа [7, с. 249].

Характеризуя особенности строительства социализма в условиях нэпа, В.И. Ленин писал, что если первоначально центр тяжести борьбы за социализм был связан с политической борьбой за власть, то в условиях нэпа он «переносится на мирную организационную "культурную" работу». Он писал: «Пролетарская культура = коммунизм». В.М. Сырых устанавливает, что понятие «культура» Ленин толковал как синоним общественно-экономической формации. Сущность пролетарской культуры определялась принципами верности марксизму, партийности, соответствия современным достижениям научно-технического прогресса и общественно-практической деятельности, преемственности с лучшими образцами, нормами прошлой культуры.

Третьей проблемой, которую рассматривает В.М. Сырых, было использование террора В.И. Лениным. По мнению В.М. Сырых, «государственный террор, легализованный действующим законодательством и осуществляемый органами государственной власти, представляет собой государственно-организованный террор, который является законным, ... но является неправовым» [7, с. 213]. Он считает, что «социальная основа террора характеризуется неравенством социальных групп, классов, из которых состоит общество... В обществе возникает конфликт, в процессе разрешения которого обе стороны нередко прибегают к насильственным мерам» [7, с. 211]. В.М. Сырых выделяет следующие функции террора: «...частнопревентивную, общепревентивную и физической расправы» [7, с. 214].

Эти положения В.М. Сырых применяет при анализе «красного террора», «чтобы вынести научный вердикт о степени его законности и справедливости» [7, с. 214]. Он считает, что большевиками террор применялся только в период Гражданской войны [7, с. 185]. Это утверждение плохо согласуется с признаваемыми им фактами о присвоении ВЧК еще до начала Гражданской войны полномочий «квазисудебного и правотворческого органа» с правом расстреливать контрреволюционеров. Но В.М. Сырых продолжает утверждать: «...представлять подобные правозащитные действия советского государства, как террор, может лишь тот, кто недостаточно четко отличает террор, как чрезвычайные меры против классовых врагов государства, от ординарной юридической ответственности» [7, с. 193].

Начало «красного террора» В.М. Сырых связывает с Постановлением СНК от 5 сентября 1918 г. о его введении. Он считает, что «красный террор

справедлив, потому что был объективно необходим, во-первых, для защиты завоеваний рабочего класса России, во-вторых, в целях скорейшего вывода страны из экономической разрухи, в-третьих, для создания условий для построения социалистического... общества» [7, с. 217]. По его мнению, террор перестал использоваться советской властью после окончания Гражданской войны. Но при этом он пишет о высылке по инициативе Ленина осенью 1922 г. 225 представителей интеллигенции за рубеж и признает, что эта акция была проведена не в полном соответствии с советскими законами [7, с. 400].

Думается, теория террора В.М. Сырых не убедительна. Государственные репрессии – это применение к индивидам наказаний с нарушением норм материального и процессуального права. Они не имеют функций уголовного и административного наказания, а являются актами политической расправы и нагнетания обстановки массового ужаса. Но при любой трактовке понятия «террор» остается вопрос о его объективной причине. Считаем, причина в том, что в результате февральского переворота законодательство, основанное на суверенитете самодержца, потеряло свойство легитимности, а практика применения права была дискредитирована. Создать новое право Российской республики Временное правительство не смогло. Отсюда и февральские заговорщики, и большевики, и деятели белого движения вынуждены были осуществлять свою политику в неправовых формах.

Сказанное придает актуальность исследованию правотворческой деятельности первых лет советской власти. По мнению В.М. Сырых, «основная и принципиальная особенность законотворческой деятельности В.И. Ленина состояла в том, что он... право понимал и интерпретировал как ординарный позитивист» [7, с. 403]. В.М. Сырых пишет: «...отождествив закон с правом, он (Ленин – М.А.) инициировал, принимал участие, поддерживал и одобрял законы, закреплявшие субъективную волю советского государства, вопреки основному принципу марксистской теории права об обусловленности права экономическими отношениями» [7, с. 493].

При этом В.М. Сырых признает, что Ленин конкретизировал положение марксизма о соотношении формального и фактического аспектов права и приходит к выводу: «...В.И. Ленин правомерно предстает в качестве основателя теории конституционных и иных прав и свобод трудящихся масс... Его несомненной исторической заслугой является законодательное закрепление равноправия женщины с мужчинами, внебрачных детей с детьми, родившимися от лиц, состоящих в законном браке, перечень трудовых прав рабочих и др.» [7, с. 157]. В.И. Ленин поставил вопрос о возможностях и

пределах использования буржуазных политических прав и свобод в социалистическом обществе. Он считал, что «чистой демократии» не бывает. В частности, Ленин стал инициатором лишения бывших эксплуататоров избирательных прав, ограничил их права на свободу собраний и печати.

В.М. Сырых признает, что в первые три года нэпа завершается процесс приведения законодательства в соответствие с экономическими и политическими реалиями, а также задачами социалистического строительства. Была проведена судебная реформа 1922 г., кодифицированы конституционное, гражданское, земельное, трудовое, семейное, уголовное, процессуальное право. В.М. Сырых констатирует: «...все дальнейшее развитие советского законодательства уже осуществлялось не на голом месте, а путем совершенствования, изменения действующих нормативно-правовых актов» [7, с. 266].

Представляется спорным тезис В.М. Сырых о том, что В.И. Ленин «...не уделял достаточного внимания проблеме подготовки качественно совершенного законодательства, отвечающего требованиям правовой теории и законодательной техники» [7, с. 487]. Считаем, что Л.И. Антоновой удалось доказать положение о том, «что высокое качество советских законов явилось результатом правильности ленинских идей... Уже в первые годы Советской власти были заложены научные основы правотворчества социалистического государства, были выработаны главные принципы организации и деятельности его законодательных органов, основные правила законодательной техники» [1, с. 20]. Этот вывод она в последующем обосновала в целом ряде своих трудов [2; 3 и др.].

Согласимся с В.М. Сырых только в том, что ленинское понимание принципа законности было позитивистским [7, с. 405–406]. В связи с прекращением политики «красного террора» Ленин считал, что «суд должен не устранить террор... а обосновать, узаконить его». Ленин рекомендовал формулировать в УК РСФСР понятие контрреволюционного преступления «как можно шире». Выступал за проведение «образцовых (по быстроте и силе репрессии; по разъяснению народным массам, через суд и через печать значения их) процессов» [5, т. 44, с. 396; т. 45, с. 189–191]. В 1922 г. был проведен такой процесс над эсерами.

Достижением В.М. Сырых является новая трактовка «политического завещания» В.И. Ленина – комплекса работ, написанных в декабре 1922 – марте 1923 гг. В.М. Сырых доказал, что оно имеет «единую целостную основу, суть которой сводится к поиску путей повышения пролетарской культуры в условиях советского государства в целом и в ее конкретных

основополагающих сферах: сельском хозяйстве, образовании, государственно-партийным строительстве» [7, с. 422].

В заключение В.М. Сырых делает вывод о том, что «ленинская теория социалистического государства в полной мере обладает всеми свойствами теоретического знания» [7, с. 508]. Ленин выявил основные принципы, определяющие сущность пролетарского государства: «1) диктатура пролетариата как новый исторический тип государства...; 2) наличие рабочей партии...; 3) союз рабочего класса с ... трудящимися слоями населения, при руководящей роли рабочего класса; 4) общность коренных политических и экономических интересов рабочего класса и трудящихся..., отрыв крестьянства от буржуазии, вовлечение его в процесс социалистического строительства» [7, с. 509].

В.М. Сырых размышляет о тех ошибочных положениях теории Ленина, которые выявило социалистическое строительство. По его заключению, не подтвердился прогноз классиков марксизма о изживании бюрократии при социализме. Напротив, «...бюрократизм ... вошел в плоть и кровь советской политической системы». Однако В.М. Сырых утверждает, что эта «...практика советского государства не может выступать критерием истины относительно проблем бюрократизма при социализме за полным отсутствием социализма» в СССР [7, с. 80].

Отказ от многопартийности, произошедший в результате мятежа левых эсеров в 1918 г., являлся результатом конкретно-исторических условий. В.М. Сырых доказал, что Ленин не был противником многопартийности при условии доминирования коммунистов. Он пишет: «...в том, что партия большевиков выступала единолично в качестве ведущей и направляющей силы общества, большой беды нет, беда состояла в другом – в ее неспособности обеспечить научно-обоснованное руководство ... ходом социалистического строительства» [7, с. 181].

В.М. Сырых считает, что «ленинский позитивизм в области науки, правовой идеологии и карательной политики остался не устраненным и сыграл весьма злую шутку в генезисе как советского государства, так и советской юридической науки. Легкость, с которой был законодательно закреплён и реализован сталинский произвол, повлекший массовые репрессии, во многом была обусловлена тем, что В.И. Ленин не изложил своей позиции относительно природы, сущности и содержания советского права» [7, с. 493].

В.М. Сырых утверждает, что эти проблемы не свидетельствуют о неверности учения Ленина. Напротив, ученый доказывает, что отказ от социализма и распад СССР произошли по тому пути, который критиковал Ленин.

В 1985 – 1991 гг. была отменена руководящая роль КПСС, что запустило «...процесс реставрации капитализма в СССР. Буржуазная демократия... конституированная советским государством, заметно облегчила процесс распада СССР и легализации капиталистических отношений... Все вопросы были решены узкой группой заговорщиков без участия КПСС и вопреки решениям народных референдумов... Средства массовой информации активно поддержали реставрацию капитализма, выдав решения узкой группы заговорщиков за выдающийся успех народной демократии» [7, с. 323–324].

Подведем итоги. В.М. Сырых удалось реконструировать основные положения государственно-правовой теории В.И. Ленина о диктатуре пролетариата, включая основные принципы, определяющие его социальную сущность, форму, соотношение пролетарского государства и коммунистической партии. Несомненным достижением автора стала его интерпретация «политического завещания» Ленина. Думается, оценка В.М. Сырых типа правопонимания Ленина и его роли в становлении террора в отношении сил контрреволюции является дискуссионной. Важной проблемой, которую поставил и в значительной мере решил ученый, является исследование влияния теории пролетарского государства 1917–1923 гг. на последующее строительство социализма в СССР и причины его краха в 1985–1991 гг.

Список литературы

1. Антонова Л.И. Правотворческая деятельность высших органов государственной власти РСФСР в 1917–1922 гг.: Организационные формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1965. – 20 с.
2. Антонова Л.И. В.И. Ленин об организационных формах правотворчества // Правоведение. – 1970. – № 2. – С. 51–62.
3. Антонова Л.И. Революционная кодификация законодательства РСФСР (1920–1930-е гг.) // Управленческое консультирование. – 2008. – № 4. – С. 136–155.
4. Волкогонов Д.А. Ленин: в 2 кн. – М.: Новости, 1994. – Кн. 1. – 477 с.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1967–1975. – Т. 33. – 434 с.; Т. 36. – 584 с.; Т. 37. – 748 с.; Т. 44. – 726 с.; Т. 45. – 730 с.
6. Розин Э.Л. Ленинская мифология государства. – М.: Юрист, 1996. – 320 с.
7. Сырых В.М. Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия). – М.: Юрлитинформ, 2017. – 520 с.
8. Чернобель Г.Т. В.М. Сырых – методолог, теоретик, социолог и историк права. – М.: Изд-во РАП, 2011. – 428 с.

Правовая культура общества: теоретико-правовая характеристика

В статье раскрывается понятие и сущность правовой культуры общества. Показывается значимость правовой культуры для общества на современном этапе развития человечества. Кроме этого, формулируется и обосновывается вывод о том, что правовая культура тесно связана как со всем обществом в целом, так и с каждым человеком по отдельности.

The article reveals the concept and essence of legal culture of society. Shows the importance of legal culture for the society at the present stage of human development. In addition, formulates and substantiates the conclusion that the legal culture is closely concerned with society as a whole and with each person individually.

Ключевые слова: правовая культура; общество; личность; правовой нигилизм.

Key words: legal culture; society; personality; legal nihilism.

XXI век – это период интенсивного процесса становления и формирования правового общества. И именно правовой культуре в данном процессе отводится большое значение. Во многом такая ситуация объясняется тем, что правовая культура является наиболее многосторонним, многогранным явлением, при этом существуют и определенные сложности в ее понимании (на данное обстоятельство указывают многочисленные дискуссии, проводимые в научных кругах).

Несомненно, правовая культура – это аспект общечеловеческой культуры. Она нашла свое отражение в праве, юридической практике, стала базисным элементом гражданского общества, включая в себя правовую культуру как населения, так и государственных органов власти и их должностных лиц, а соответственно и правовую культуру всего государства в целом.

Правовую культуру необходимо воспринимать в качестве внутренней, ментально-духовной стороны всей правовой системы общества. Именно данный вид культуры пронизывает и присутствует в правосознании, праве,

возникающих правовых отношениях, правопорядке, законности, в различной юридической деятельности и т. д. Бытует мнение, что именно посредством правовой культуры возможно достичь социальной стабильности в обществе и государстве, что имеет огромную практическую значимость.

На сегодняшний день, когда идет интенсивный процесс построения и разработки правовой культуры, можно столкнуться с целым рядом существенных трудностей, одна из которых заключается в том, что до сих пор отсутствует единое понимание категории «правовая культура». В большинстве случаев анализ правовой культуры происходит в параллели с такими категориями, как «политическая культура», «служебная культура» и т. д., в то время как единая концепция правовой культуры до сих пор отсутствует.

Так, согласно представлениям юридической науки 60–70 гг. XX в. правовая культура рассматривалась в двух самостоятельных аспектах:

– идейно-правовое состояние, характерное для всего общества в целом на конкретном этапе его развития;

– совокупность имеющихся знаний, представлений о праве, способности надлежащим образом применить закон в конкретной ситуации, обеспечить надлежащее исполнение требований права.

В. И. Иванов полагал, что правовая культура – это не что иное, как ответственность деятельности субъектов прав наивысшим его достижениям при осуществлении регламентации существующих общественных отношений. Правовая культура общества представляет собой один из базисных основополагающих элементов, который характерен для любого государства.

На сегодняшнем этапе развития права существует весьма значительное количество подходов, посредством которых можно объяснить понятие и сущность правовой культуры общества, ее значимость для всего человечества в целом. Так, одним наиболее верных подходов был предложен В. И. Каминской и А. Р. Ратиновым. Согласно позиции данных исследователей, правовая культура общества рассматривается в качестве системы определенных элементов, имеющих идеальный характер, относящихся к сфере права и отражающихся в сознании, а также поведении людей и всего общества в целом [6, с. 55–61]. Ряд ученых придерживается мнения о том, что правовая культура общества является составной частью общей культуры [7, с. 221]. Правовая культура – это весьма многозначительная характеристика, присущая жизни общества. Фактически ее необходимо понимать в качестве высокой, а также емкой формы правосознания. Необходимо учитывать то обстоятельство, что правовая культура общества имеет весьма сложную

внутреннюю структуру. Тем не менее, такая особенность не вызывает особого удивления, поскольку, являясь частью общей культуры общества, правовая культура также претерпевает различные воздействия извне и постоянно меняется.

Среди исследователей до сих пор отсутствует единое мнение, которое бы позволило сформулировать и выделить основные элементы правовой культуры. Так, по мнению А. Р. Ратинова, в качестве таких основных элементов необходимо обозначить: право; правоотношения; различные государственные органы, а также организации, посредством которых происходит реализация правовых норм; правосознание; правовое поведение [6, с. 57].

Согласно позиции Р. А. Ромашева, в структуру правовой культуры общества входят четыре основных элемента: различные уровни правосознания; законность; совершенство законодательства; юридическая практика [8, с. 7].

Интересным представляется то обстоятельство, что в России на процесс становления и развития правовой культуры общества весьма негативное воздействие оказывает так называемый правовой нигилизм (т. е. отрицание различных ценностей, морали и т. д.) [4, с. 51]. Именно поэтому государство должно предпринять все необходимые меры, направленные на минимизацию нигилизма в российском обществе. Правовая культура общества – это специфическое социальное явление, которое в некоторых случаях может восприниматься как качественное правовое состояние личности, а соответственно, и всего общества в целом.

Материалы исследований, касающиеся правовой культуры, накопленные к XXI в., необходимы для того, чтобы в полном объеме понять сущность категории и ее значение для общества, а соответственно, и всего человечества в целом. Вместе с тем в каждом конкретном случае на первый план выходит строго определенный критерий в понимании данной разновидности культуры. С позиции повышенной роли человека в правовой жизни общества является весьма целесообразным сделать акцент на функционально-содержательном аспекте правовой культуры общества. В данном контексте правовая культура общества рассматривается в качестве самостоятельной разновидности общественной культуры, в которой как раз и отражается уровень правосознания, законности, процесса совершенствования правовых норм и т. д.

В соответствии с позицией Г. И. Балюк (придерживалась так называемой деятельностной концепции), правовая культура – это не что иное, как совокупность ценностей, которые формируются людьми в сфере права. Иначе говоря, правовая культура подразумевает включение в себя таких

составляющих, как само право (как объективное, так и субъективное); правосознание; правовые отношения; состояние законности; уровень совершенствования всей законотворческой деятельности; правоприменительную практику [2, с. 126].

В. П. Сальников придерживается мнения о том, что при таком понимании правовая культура – это не что иное, как определенная юридическая надстройка. Фактически, это социальное явление, которое включает в себя компоненты юридической реальности, что имеет огромную практическую значимость [9, с. 98].

При таком подходе либо может возникнуть сомнение относительно существования правовой культуры общества, либо должно быть более детально обозначено содержание правовой культуры, которое придаст ей индивидуальность.

Данный вывод можно сделать как из вышеприведенного перечня ценностей правовой культуры (принципы, формы и институты народовластия, структура, механизм политической и правовой системы общества и пр.), так и из прямого его указания на то, что существует «особая система правовой культуры, включающая основные правовые (и не только правовые) ценности...».

Правовая надстройка рассматривается совместно с правовой культурой в связи с тем, что понятия, характерные для данных явлений, соответствуют различным теоретическим уровням: философскому (исторический материализм); конкретно-социологическому.

Предполагается, что правовая культура общества может быть объектом изучения исторического материализма, а также изучаться и на конкретно-социологическом уровне.

Правовая культура общества должна быть в обязательном порядке подвержена и анализу с позиции философии, поскольку является составным элементом всей культуры в целом. Но такой подход не указывает на то, что правовая культура общества должна быть приравнена к юридической надстройке.

Правовая культура общества – это уровень, посредством которого возможно определить качественное состояние всей правовой системы, состояние правосознания, правового поведения отдельно взятой личности [14, с. 88].

Получается, что правовая культура общества – это не что иное, как уровень правосознания, а также правовой активности общества. Соответственно, наиболее полно структуру правовой культуры можно обозначить в виде таких элементов, как уровень правосознания и правовой активности

общества; степень прогрессивности юридических норм; степень прогрессивности юридической деятельности.

Поскольку правовая культура общества выступает как составная часть общей культуры, то для нее характерны такие факторы, как наличие реальной потребности в праве, правовых нормах; наличие состояния законности в государстве; весьма интенсивное развитие в обществе юридических наук, а также юридического образования; постоянное совершенствование законодательства; соотношение внутригосударственного права с международным правом; эффективная деятельность государственных органов; осуществление защиты прав личности.

Для современной юридической науки правовая культура – это неоднозначная категория. А. Б. Венгеров в своих трудах придерживается позиции о том, что правовая культура – это наиболее всеобъемлющая форма правосознания. При этом необходимо учитывать, что правосознание охватывает только духовную сторону общества, тогда как правовая культура подразумевает включение как духовных характеристик, так и различных юридических учреждений, их организацию, отношения, возникающие внутри таких учреждений [5, с. 221].

Согласно позиции Т. В. Синюкова, правовая культура – это определенная сфера человеческой практики, которая подразумевает включение в себя ценностей, норм, различных правовых институтов, процессов. Именно правовая культура должна надлежащим образом сформировать и оформить правовую ориентацию людей в конкретном обществе [10, с. 118].

Интересной представляется позиция С. С. Алексеева. Так, по его мнению, правовая культура – это состояние правосознания, состояние, для которого характерно совершенствование имеющегося законодательства, практического применения такого законодательства, развитие права как определенной социальной ценности [1, с. 54]. Иными словами, получается, что правовая культура является неким «юридическим богатством» всего общества.

А. Ф. Черданцев выдвинул точку зрения о том, что правовая культура – это сложное, многогранное понятие, а соответственно ее необходимо рассматривать с двух позиций:

1) согласно «широкому подходу» правовая культура – это все то, что было создано человеком в правовой сфере (сюда, например, необходимо отнести само право, правовую науку, правосознание и т. д.). Соответственно, уровень правовой культуры определяет состояние юридической науки, уровень разработанности различных нормативно-правовых актов, состояние законности и правопорядка, которое присуще для государства;

2) сторонники «узкого подхода» правовую культуру рассматривают в качестве уровня знаний права различными членами общества, поэтому она воспринимается как развитие у них уважительного отношения к праву и закону [13, с. 341].

В России, к сожалению, уровень правовой культуры еще не достаточно высок [11, с. 19]. Это объясняется не только наличием элементов криминализации российского общества, но и тем, что даже законопослушные граждане не всегда считаются с действующим законодательством.

Так, можно указать несколько основных требований, предъявляемых к правовой культуре и которые пока не в полном объеме реализованы в Российском государстве. Во-первых, это уважение к закону. Отсутствие такого уважения – это одна из главных бед России [2, с. 40]. Даже если обратиться к истории, право понималось как некий приказ, который необходимо исполнять в обязательном порядке для того, чтобы избежать возможного наказания, а не как норма, которая призвана положительно сказаться на обществе и государстве. Такой подход к закону был характерен для разных этапов истории России. Было время, когда процветал правовой нигилизм, основанный на полном неуважении к закону [12, с. 83].

Во-вторых, знание законов – законы необходимо знать. Это во многом объясняется тем, что незнание законов не освобождает от ответственности, что необходимо учитывать. Невысокая юридическая грамотность населения, к сожалению, положительно сказывается на деятельности мошенников, а также недобросовестных чиновников. На сегодняшний день найти различную юридическую литературу не составляет проблемы, но юридическая грамотность населения по-прежнему остается на весьма низком уровне. Именно поэтому население весьма часто ощущает себя юридически незащищенным.

В-третьих, все возникающие конфликты и споры необходимо разрешать в рамках «правового поля», а не за его пределами. В России же лишь значительно небольшой процент дел доводится до судебного разрешения.

Движение в направлении правовой культуры в России происходит весьма медленно. И до сих пор мы продолжаем жить не по нормам правовой культуры. Поэтому можно говорить о своеобразном кризисе права. Пока нет порядка в юридической системе государства, не могут быть успешно решены ни экономические, ни политические задачи общественного развития.

Таким образом, подводя итог, можно сказать о том, что правовая культура общества – это залог успеха и дальнейшего эффективного развития государства, поддержание и совершенствование положений национального

законодательства. Именно поэтому правовая культура общества является необходимым составным элементом любого развитого государства.

Современные этапы развития правового государства должны быть тесно связаны с процессом формирования правовой культуры. Поскольку именно данные категории определяют качественное состояние всей правовой жизни общества. Для российского общества все еще характерно наличие неких элементов правового нигилизма, который негативно сказывается на процессе формирования правовой культуры в стране. Правовая культура будет сформирована только в том случае, когда общество начнет использовать правила, способы, методы в своих целях, во блага общества и государства. Именно тогда можно будет говорить о правовой культуре как существующем явлении.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Теория права. – М.: БЕК, 1995.
2. Балюк Г. И. Взаимосвязь правовой культуры и социалистической демократии. – Киев, 1984.
3. Бялт В. С., Демидов А. В. Разделение властей в историко-правовой мысли России // Ленингр. юрид. журн. – 2017. – № 1 (47).
4. Бялт В. С., Демидов А. В. Перспективы становления гражданского общества в Российской Федерации // Ленингр. юрид. журн. – 2017. – № 2 (48).
5. Венгеров А. Б. Теория государства и права. – М., 1998.
6. Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. – М., 1994.
7. Немов Р. С. Психология: в 3 кн. Кн. 1: Общие основы психологии: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 5-е изд. – М., 2008.
8. Ромашев Р. А., Шукшина Е. Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История гос-ва и права. – 2006. – № 2.
9. Сальников В. П. Правовая культура. – М.: Наука, 2000.
10. Синюкова Т. В. Правовая культура // Теория гос-ва и права: курс лекций. – Саратов, 1995.
11. Смоленский М. Б. Правовая культура и идея государственности // Гос-во и право. – 2009. – № 4.
12. Хамитова Г. Ш. Правовой нигилизм молодежи: причины. Пути преодоления // Право и управление. XXI век. – 2011. – № 1.
13. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. – М., 1999.
14. Шаповалов И. А. Некоторые теоретические аспекты формирования российского правосознания // Гос-во и право. – 2005. – № 4.

Институт юридической ответственности за коррупционные правонарушения в России: история становления и современное состояние

Исследование истории становления и современного состояния института юридической ответственности за коррупционные правонарушения в Российской Федерации имеет особое значение для юридической науки. Цель статьи заключается в комплексном анализе юридической ответственности за проявления коррупции по российскому законодательству. Акцентируется внимание на уголовной, административной, гражданско-правовой, дисциплинарной ответственности. Устанавливается, что отечественное законодательство в исследуемой области весьма динамично. Так, по законодательству РФ физическое лицо, совершившее коррупционное правонарушение, может быть привлечено к уголовной, административной, гражданско-правовой, дисциплинарной ответственности, а юридическое лицо – к административной и гражданско-правовой. Аргументируется, что законодательством Российской Федерации предусматривается конституционно-правовая ответственность за коррупционные правонарушения, например в виде отмены судом регистрации кандидата за подкуп избирателей.

The study of the history of formation and the current state of the institution of legal responsibility for corruption offenses in the Russian Federation is of particular importance for legal science. The purpose of the article is to comprehensively analyze the legal responsibility for manifestations of corruption under Russian law. Attention is focused on criminal, administrative, civil law, disciplinary responsibility. It is established that the domestic legislation in the field under investigation is very dynamic; under the legislation of the Russian Federation, a natural person who has committed a corruption offense may be brought to criminal, administrative, civil law, disciplinary responsibility, and a legal entity to administrative and civil law. The authors argue that the legislation of the Russian Federation provides for constitutional and legal liability for corruption offenses, for example, in the form of a court revoking the registration of a candidate for bribing voters.

Ключевые слова: коррупция, юридическая ответственность, утрата доверия, взяточничество, национальная безопасность, коммерческий подкуп, подкуп избирателей.

Key words: corruption, legal responsibility, loss of trust, bribery, national security, commercial bribery, bribery of voters.

Проблема коррупции должна называться в числе первоочередных. Одна из причин существования коррупции – это несовершенство законодательства. Ежедневно разрабатываются и принимаются новые нормативные правовые акты (НПА), которые требуют изучения на предмет наличия в них коррупциогенных факторов. Многие уже применяемые на практике нормативные правовые акты также требуют анализа и обобщения. Вопрос эффективности НПА, регулирующих вопросы юридической ответственности за коррупционные правонарушения, и поиска эффективных средств оценки законодательной базы с целью выявления и устранения нормотворческих ошибок был и остается актуальным.

Коррупционная проблематика многогранна. Рассмотреть весь спектр проблем в рамках настоящей статьи не представляется возможным. Однако в числе общетеоретических исследований по вопросам коррупции можно назвать работы В. В. Астанина, А. В. Евсеева, В. А. Затонского, Е. В. Каменской, Д. В. Кокорикова, З. П. Колесниченко, И. Н. Коновалова, М. А. Костенко, Н. В. Мамитовой, А. В. Малько и др. Отраслевой уровень представляют работы Н. Ю. Колофидиной, М. В. Костенникова, А. В. Куракина, А. В. Марьяна, А. А. Шевелевича, К. В. Харабета и др. Уже это обстоятельство может привести к мысли, что правовое регулирование противодействия коррупции в современной России весьма и весьма многогранно, ибо вызывает неподдельный интерес со стороны научного сообщества.

Действительно, проблема коррупции в России по-прежнему остается актуальной. Для наиболее всестороннего понимания исследуемого института необходимо обратить внимание на историю развития правового регулирования противодействия коррупции.

Начиная с IX в. одним из первых проявлений «узаконенной коррупции» был древнерусский институт, именуемый «кормлением». «Кормление» заключалось в направлении князьями своих воевод, наместников в провинцию без какого-либо денежного довольствия, т. е. они содержались, «кормились», за счет населения соответствующей территории, что, как правило, приводило к взяткам.

С XV в. коррупция в России приобретает системный характер. Первые действия коррупционной направленности были ограничены на законодательном уровне Иваном III, а несколько позднее Иваном Грозным была введена смертная казнь за взяточничество. Кроме того, Ивану Грозному принадлежит отмена системы «кормления», которая во второй половине XVI в. была заменена системой содержания должностных лиц, проходивших службу на местах.

В XVIII в. коррупция вновь приобретает массовый характер. Существенные изменения в области предотвращения коррупции были предприняты Петром I. В декабре 1714 г. им был издан Указ «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное», который предусматривал более строгую ответственность за подобные деяния. Одна из основных причин такого увеличения взяточничества и казнокрадства была связана с тем, что в результате реформ Петра I сложился разветвленный бюрократический аппарат, т. е. управление страной через многочисленных чиновников, что также поощряло развитие взяточничества.

Екатерина II за годы своего правления также стала уделять большое внимание борьбе с таким явлением, как взяточничество. Борьба с должностными преступлениями велась путем установления строгой дисциплины и предоставления отчетности, а также замены материально-ответственных лиц по истечении одного года.

Далее, в 1845 г. при поддержке Александра III было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, в котором получили развитие нормы, устанавливающие ответственность за взяточничество, и нормы, которые предусматривают лишение свободы в качестве наказания за данное деяние. Наибольшего расцвета коррупция достигла в последние годы правления Николая II, а попытки ужесточить борьбу с ней были вызваны превращением коррупции в отлаженную мобилизованную систему.

В период построения и развития советского социалистического государства также не удалось избавиться от проявлений коррупции, хотя в СССР тема коррупции до начала 1980-х гг. открыто не поднималась, так как считалось, что такое явление для социалистического строя не характерно и присуще лишь буржуазному строю. Масштабное распространение коррупции получила как раз в 1970–1980 гг., когда этим негативным явлением были затронуты в разной степени практически все государственные и партийные органы и учреждения.

Начиная с 2000-х гг., Россия присоединилась к ряду международных документов по борьбе с коррупцией. В настоящее время в России борьба с коррупцией продолжается: реализуются организационно-правовые, экономические, идеологические мероприятия.

Так, в соответствии с российским законодательством за совершение коррупционных правонарушений граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность, а юридические лица – административную и гражданско-правовую.

Рассмотрим особенности применения каждого вида юридической ответственности за совершение коррупционного правонарушения.

1. *Уголовная ответственность* применяется в судебном порядке к лицу, виновному в совершении преступления. Уголовная ответственность за совершение коррупционных преступлений предусмотрена соответствующими статьями Уголовного кодекса РФ [6], большинство из них объединено в гл. 30 (преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления), в том числе ст. 285 (злоупотребление должностными полномочиями), ст. 286 (превышение должностных полномочий), ст. 290 (получение взятки), ст. 291 (дача взятки), ст. 292 (служебный подлог) и др. Коррупционные правонарушения также могут быть сопряжены и с другими уголовными составами, например ст. 201 (злоупотребление полномочиями). За совершение коррупционных правонарушений уголовным законодательством предусмотрены различные виды санкций: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, лишение свободы на определенный срок. К примеру, получение взятки в особо крупном размере (т. е. более 1 млн р.) наказывается штрафом в размере от 80 до 100-кратной суммы взятки (но не более 500 млн р.) с лишением права занимать определенные должности на срок до 3 лет либо лишением свободы на срок от 8 до 15 лет.

Сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных стран показал, что наиболее радикальные меры по борьбе с коррупционными правонарушениями предпринимаются в странах Азии. Например, в Китае за взятку предусмотрена смертная казнь. В китайском уголовном кодексе подобное наказание появилось в начале в начале 1980-х гг. Смертная казнь проводится публично, в виде расстрела. Подобных приговоров может быть тысячи в год, в том числе в отношении как довольно высокопоставленных чиновников, так и менеджеров крупных корпораций. Смертная казнь за взысканность предусмотрена и на Кубе. Также в Арабских Эмиратах коррупционеры подвергаются высшей мере наказания путем отрубания руки.

Особый интерес вызывают положения международного законодательства по вопросу ответственности государственных гражданских служащих за коррупционное поведение. Так, модельный Уголовный кодекс стран СНГ 1996 г. в ст. 305 ч. 2 регламентирует, что «не является преступлением в силу малозначительности и преследуется в дисциплинарном порядке получение публичным служащим имущества, права на имущество или иной имуще-

ственной выгоды в качестве подарка при отсутствии предварительной договоренности за уже совершенное действие (бездействие), не нарушающее служебных обязанностей данного лица, если стоимость подарка не превышала однократного минимального размера заработной платы, установленного законодательством» [3]. Важным критерием здесь выступает не столько стоимость получаемых благ, сколько отсутствие предварительной договоренности. Мы видим, что и региональное международное законодательство стремится урегулировать отношения, связанные с коррупционными проявлениями на государственной гражданской службе.

2. *Административная ответственность.* Кодексом РФ об административных правонарушениях закреплено порядка двадцати различных составов административных правонарушений коррупционного характера. В их числе: подкуп избирателей, участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах (ст. 5.16); отказ в представлении гражданину информации (ст. 5.39); незаконное вознаграждение от имени юридического лица (ст. 19.28); незаконное привлечение к трудовой деятельности государственного служащего (ст. 19.29) [2]. На примере последней статьи к административной ответственности могут быть привлечены физические, должностные, а также юридические лица, незаконно привлекающие к трудовой деятельности бывших или действующих государственных, муниципальных служащих.

При этом срок давности, т. е. срок, в течение которого может быть вынесено постановление, составляет 6 лет со дня его совершения. Практически это положение превосходит по строгости положения относительно сроков давности, предусмотренных УК Российской Федерации за преступления небольшой и средней тяжести (2 года и 6 лет соответственно).

В отличие от уголовной, административная ответственность возлагается и на юридические лица. Так, в соответствии со ст. 19.28 КоАП РФ в отношении юридического лица может быть применена следующая санкция: наложение административного штрафа в размере до 3-кратной суммы денежных средств, стоимости ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, незаконно переданных или оказанных либо обещанных или предложенных от имени юридического лица, но не менее 1 млн р. с конфискацией денег, ценных бумаг, иного имущества или стоимости услуг имущественного характера, иных имущественных прав [2].

3. *Гражданско-правовая ответственность* предполагает применение к правонарушителю установленных законом либо договором мер воздействия, влекущих отрицательные последствия имущественного характера, которые выражаются в возмещении убытков, уплате неустойки, а также в возмещении вреда в интересах другого лица либо государства.

В соответствии с гражданским законодательством к правонарушениям коррупционной направленности, за которые предусмотрена гражданско-правовая ответственность, относятся нарушения правил дарения и порядка предоставления услуг, имеющие признаки коррупционного характера, не являющиеся при этом преступлениями.

Так, ст. 575 Гражданского кодекса РФ [1] установлен запрет на дарение государственным служащим в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей, за исключением обычных подарков, под которыми подразумеваются подарки стоимостью менее трех тысяч рублей.

Важно отметить, что для определения того, является ли подарок «обычным», применяется критерий стоимости. Из данного положения следует, что предметы роскоши, коллекционные изделия, иные дорогостоящие предметы под данное определение не подходят. Помимо стоимости, «обычность» подарка подразумевает традиционность обстановки, при которой он дарится, а именно: в качестве повода для подарка могут выступать исключительно общепринятые обстоятельства, такие как юбилей, успешное завершение определенного этапа жизненного пути, либо иное торжественное событие.

Гражданскому служащему в соответствии с законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [4] запрещается получать подарки стоимостью менее трех тысяч рублей. Такие подарки признаются федеральной собственностью и собственностью субъекта Российской Федерации и передаются гражданским служащим по акту в государственный орган, в котором он замещает должность гражданской службы. Но впоследствии гражданский служащий, сдавший подарок, имеет право его выкупить.

4. *Дисциплинарная ответственность* – одна из правовых форм воздействия на нарушителей дисциплины труда, заключающаяся в наложении дисциплинарных взысканий. Применяется только к физическим лицам. Существует два вида дисциплинарной ответственности: общая, предусмотренная Трудовым кодексом РФ, и специальная, которую несут отдельные категории работников (служащих). Дисциплинарная ответственность государственных служащих относится к специальной, т. е. предполагает наличие иных мер взыскания, предусмотренных специальными законами.

Дисциплинарными коррупционными проступками признаются нарушения порядка исполнения своих профессиональных обязанностей, обладающие характерными чертами коррупции, за которые установлена дисциплинарная ответственность.

К числу дисциплинарных взысканий, например на государственной гражданской службе, относятся замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии (ст. 59.1). Однако наиболее строгим дисциплинарным взысканием за допущенные коррупционные правонарушения является увольнение в связи с утратой доверия. Данная мера ответственности применяется к государственным служащим за непринятие мер по урегулированию конфликта интересов, непредоставление или недостоверное предоставление сведений о доходах и расходах служащего, его (ее) супруга (супруги), несовершеннолетних детей, осуществление предпринимательской деятельности и иные случаи, предусмотренные ст. 59.2 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Федеральный закон устанавливает четкий алгоритм и порядок применения названных ранее взысканий. Взыскания налагаются доверенным лицом нанимателя на основании результатов проверки, которая проводится подразделением кадровой службы соответствующего государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Фундаментальным же законом в области противодействия коррупции является Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который устанавливает основные принципы противодействия коррупции, правовую основу противодействия коррупции, организационные основы противодействия коррупции, меры по профилактике коррупции, основные направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции и т. д.

В рамках настоящего исследования вполне резонно возникает вопрос: предусматривается ли законодательством Российской Федерации конституционно-правовая ответственность за коррупционные правонарушения? Полагаем, что да. В доказательство сказано приведем следующий аргумент. Например, согласно ст. 76 ч. 7 п. «в» и «г» Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» регистрация кандидата может быть отменена судом по заявлению зарегистрировавшей кандидата избирательной комиссии, кандидата, зарегистрированного по тому же избирательному округу, в случаях:

– неоднократного использования кандидатом преимуществ своего должностного или служебного положения;

– установления факта подкупа избирателей кандидатом, его доверенным лицом, уполномоченным представителем по финансовым вопросам, а также действующими по их поручению иным лицом или организацией и др. [5].

Суммируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы: ответственное законодательство в исследуемой области весьма динамично; по законодательству РФ физическое лицо, совершившее коррупционное правонарушение, может быть привлечено к уголовной, административной, гражданско-правовой, дисциплинарной и конституционно-правовой ответственности, а юридическое лицо – к административной и гражданско-правовой. Мы понимаем, что существующих мер борьбы с коррупцией, видимо, недостаточно, и преодоление этой ключевой угрозы национальной безопасности предполагает не только оптимизацию правотворческой и правоприменительной деятельности органов государственной и муниципальной власти, но и целенаправленную, регулярную деятельность и мобилизацию всех имеющихся ресурсов всего общества в рамках обеспечения реализации принципа неотвратимости юридической ответственности за коррупционные правонарушения.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410; 2017. – № 50 (Ч. III). – Ст. 7550.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // СЗ РФ. – 2001. – № 1. – Ст. 1; 2018. – № 11. – Ст. 1577.
3. Модельный уголовный кодекс стран СНГ от 17 февраля 1996 г. / рекомендательный законодательный акт. – URL: <http://www.cisatc.org/135/154/241> (дата обращения: 10 марта 2018 г.).
4. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004. № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // СЗ РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215; 2018. – № 1 (Ч. I). – Ст. 7.
5. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12.06.2002. № 67-ФЗ (ред. от 05.02.2018) // СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253; 2018. – № 7. – Ст. 961.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2018. – № 9. – Ст. 1292.

Л. К. Манакова

**Правосознание как творческая воля к цели права
(на основе концепции правосознания И. А. Ильина)**

В статье рассматривается концепция И.А. Ильина о правосознании, анализируются основные идеи формирования правосознания личности. Определены этапы формирования правосознания, цели, которые стоят перед личностью на каждом этапе, перечислены проблемы и методы их решения. Подчеркивается актуальность концепции И.А. Ильина для повышения уровня правосознания в современных условиях реформирования правовой системы. Выводы, полученные в статье, могут быть применены на практике правового воспитания.

The article is devoted to the concept of legal awareness of I.A. Ilyin. The author analyzes the basic ideas of the formation of the legal awareness of the individual. The author has determined the stages of formation of the legal awareness, the goals that face the individual at each stage, lists problems and methods for their solution. The author emphasizes the relevance of the concept of I.A. Ilyin to raise the level of legal awareness in the current circumstances of the legal system reformation. Conclusions obtained in the article can be applied in practice of legal education.

Ключевые слова: правосознание, формирование правосознания личности, отечественная правовая концепция, естественное право, положительное право, цель права, творческая воля.

Key words: legal awareness, formation of the legal awareness of the individual, Russian legal theory, natural law, positive law, goal of law, creative will.

Правосознание как форма общественного сознания возникло и развивалось на протяжении всей истории человечества. Под влиянием исторических событий и само правосознание, и его доктрина претерпевали многочисленные изменения. «Человеку невозможно не иметь правосознания; его имеет каждый, кто сознает, что кроме него на свете есть другие люди» [1, с. 314].

Помимо исторических факторов, в России на теорию правосознания большое влияние оказали западноевропейские идеи. Однако, объединившись с традиционными духовно-культурными ценностями, они сформировали доктрину, кардинально отличную от европейской.

Можно выделить следующие этапы развития отечественной теории правосознания: дореволюционный (до 1917 г.), советский (с 1917 г.), современный (с 1991 г.). В научной литературе дореволюционного периода не было единого толкования правосознания. Оно рассматривалось под разными углами зрения: в психологической плоскости [5], в связке с правовым государством [4], как морфологически сложный феномен с разветвленной структурой [2]. Ученые того времени наблюдали кризис правосознания и отмечали, что «...общественный прогресс связан с развитием личности, а, следовательно, и вытекает из ее задач» [4, с. 129].

Советский период характеризуется единым подходом к толкованию правосознания, имея в виду правосознание социалистическое. Это «правосознание нового, высшего исторического типа, коренным образом отличающегося от всех предшествующих ему исторических типов правосознания» [6, с. 11]. Провозглашенная идея социалистического правосознания на практике полностью обесценила правосознание личности.

Правосознание начинает приобретать ценность самостоятельного, самодостаточного явления в постсоветский период. Углубленно изучается сущность правосознания, его природа, структура, виды, роль в правотворчестве и правоприменении, вновь поднимаются вопросы личности. На сегодняшний день эта тема находит все больший отклик в работах ученых-юристов. Существует множество определений термина «правосознание». Например, «правосознание – это исторически сложившаяся в конкретном обществе система взглядов, идей, теорий, оценок, чувств, эмоций, отражающих субъективно-психологическое отношение людей к действующему и желаемому (идеальному) праву и практике его реализации» [3].

С уверенностью можно сказать, что научный и практический вклад, внесенный классиками и современниками юридической мысли в категорию правосознания, огромен. Однако, пока существует проблема и не достигнута практическая цель исследований, тема не исчерпает своей актуальности. А проблемой, на наш взгляд, является отсутствие единого учения о правосознании, написанного доступным языком, логически систематизированного и обоснованного. Которое, говоря словами Б.А. Кистяковского, «имело бы общественное значение».

Практическая же цель, которая стоит перед российским обществом – формирование правосознания личности. И задача, которая стоит перед нами в рамках настоящей статьи – определить основные этапы формирования правосознания личности и дать им характеристику.

Практическая значимость данного исследования обусловлена тем, что выводы, полученные в ходе его проведения, могут быть положены в основу методики по правовому воспитанию, формированию правосознания личности, повышению его уровня.

Классическими работами на тему правосознания являются труды выдающихся ученых-исследователей: Л.И. Петражицкого, Б.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева, И.А. Ильина и др., чьи идеи не потеряли своего теоретического и практического значения. Обращение к классическим работам ученых-правоведов позволяет сохранить преемственность в развитии отечественной правовой мысли. Наследие, полученное нами от великих предшественников, поможет возродить эти идеи сегодня: воспринять, адаптировать к нашим дням, найти им практическое применение.

Особая заслуга в разработке комплексной доктрины правосознания принадлежит Ивану Александровичу Ильину (1883–1954) – великому российскому философу-правоведу, который посвятил свою жизнь исследованиям права и правосознания, воспитания и духовного роста, сопутствующим проблемам и путям их решения. В своем труде «О сущности правосознания» И.А. Ильин утверждал, что правосознание присуще всем людям, независимо от возраста, интеллекта, образования, однако имеет различный уровень развития. И.А. Ильин выделяет четыре категории правосознания: естественное, позитивное, нормальное (здоровое) правосознание и то, которое им предшествует (правовой инстинкт).

Вопросы релятивизма, нигилизма оставим за рамками данной статьи. Остановимся подробнее на указанных категориях. По сути они являются этапами формирования нормального правосознания и содержат в себе те шаги, которые необходимо предпринять для его развития.

С самого раннего детства человек имеет правосознание, но это еще не правосознание в привычном для нас, современном понимании. «Наивное, полусознательное, непосредственное убеждение в том, что не все внешние деяния одинаково допустимы и “верны”» [1, с. 314], еще не знающее о разделении права и морали, является отправной точкой в формировании правосознания. Это неосознанное переживание естественного права, которое присуще каждому человеку, существует в душе как данность изначально и

неотчуждаемо. Это правовое чувство или убеждение И.А. Ильин назвал «инстинктом правоты», который предшествует естественному правосознанию.

Но это чувство может так и остаться инстинктом, если его естественно-правовая природа не будет осознана, если человеком не будет сделан первый, самостоятельный шаг. Осознать эту природу невозможно без напряжения воли и внимания. Только подлинный внутренний опыт, основанный на волевом акте, откроет существование справедливого и духовно верного (естественного) права. Осознание того, что «во внешнем отношении человека к человеку есть некая единая и объективная правота» [1, с. 315] позволит раскрыть содержание естественного права. Общечеловеческая ценность, лежащая в его основе – это внутренне самостоятельная и внешне свободная жизнь каждого индивида.

По словам И.А. Ильина: «Осознать содержание этого естественного права и раскрыть его значит положить начало зрелому естественному правосознанию» [1, с. 315]. Чтобы развить в себе естественное правосознание необходимо сделать естественное право предметом собственной воли. Таким образом будет осуществлен переход от осознания естественного права к его целенаправленному познанию. Однако истинное познание невозможно без глубокой приверженности изучаемому предмету, вот почему познание естественного права должно стать не только предметом воли, но и целью жизни. Это следующий необходимый шаг на пути развития правосознания.

И.А. Ильин считал, что именно естественное правосознание должно лежать в основе всякого суждения о праве, а главное – в основе положительного права.

«Чем развитее, зрелее и глубже естественное правосознание, тем совершеннее будет в таком случае и “положительное право”» [1, с. 316]. И наоборот, неразвитое естественное правосознание формирует несовершенное и несправедливое положительное право. В дальнейшем и само положительное право начинает формировать правосознание. Формируемое таким положительным правом уже положительное правосознание противоречит имеющемуся естественному, и личность приобретает два различных правосознания.

Возникает внутренний конфликт, который может стать началом искажения правосознания (правовой релятивизм), если воля к праву недостаточно сильна и деятельна. Чтобы разрешить этот внутренний конфликт и восстановить единство личности, необходимо продолжить познание права, несмотря на внутреннее сопротивление. При этом напряжение воли и вни-

мания должно сосредоточиться на предметном исследовании, которое позволит получить верное знание положительного права.

Конечно, нормальное правосознание не сводится к одному только знанию положительного права, но без него оно невозможно. «Нормальное правосознание знает свой предмет; оно есть знающая воля к праву, признающая его в его объективном значении и обязательности, и признающая его потому, что она признает его целью» [1, с. 316]. При этом имеется в виду не пассивное знание, а волевое и творческое – жизненное осуществление права.

Именно жизненно активная творческая воля и систематическое мышление являются необходимыми инструментами формирования нормального правосознания. Одним из его показателей будет адекватное понимание объективно данного содержания положительного права.

Положительное право всегда имеет «объективно данное содержание, имеющее свой законченный и определенный смысл; этот смысл ранее кем-то (законодателем?) продуманный и облеченный в слова и фразы, должен быть теперь точно выяснен и неискаженно понят» [1, с. 320].

«Право принимает форму объективного смысла для того, чтобы внести в общественную жизнь начало разумного, мирного и справедливого порядка» [1, с. 323], и в этом состоит главная цель права.

Для раскрытия объективного смысла положительного права необходимо придерживаться теоретического подхода, так как преследование практической цели ограничивает исследователя рамками положительного права. В историческом разрезе положительное право постоянно меняется. В отрыве от цели права данное наблюдение убеждает исследователя в том, что «право есть нечто “относительное” – и по содержанию своему и по обязательности» [1, с. 317]. Это убеждение может послужить новым основанием для деформации правосознания.

Чтобы не впасть в правовой релятивизм в борьбе за единое, «правое право», нормальное правосознание проводит разграничение между основной сущностью права и его историческими осуществлениями.

«Основная сущность права – это объективно значащее правило внешнего социального поведения» [1, с. 345], это его естественно-правовая основа. Очевидно, что сущность права не исчерпывается его содержанием. В историческом разрезе содержание права было и менее, и более приемлемым и соответствующим человеческому достоинству. Кроме того, «... историческое осуществление права не исчерпывает собою всех возможных форм его, не определяет его нормального строения и не устанавливает само по себе его достойного, идеального облика» [1, с. 346].

В процессе познания положительного права нормальное правосознание отмечает, что наряду с объективно данным содержанием, положительное право всегда имеет объективное значение. Это означает, что положительное право указывает людям объективно лучший, объективно верный способ внешнего поведения. Это указание, единожды получившее правовую силу и достоинство права, сохраняет свою обязательность, независимо от ее осознания, признания или согласия.

Однако на пути признания объективного значения права возникают определенные трудности. Идея объективного значения права в процессе осознания мыслью и проверки внутренним духовным опытом наталкивается на ощутимое сопротивление воли. Это происходит, когда уровень правосознания не позволяет признать существование предмета с объективным значением, отвлекаясь на поверхностные наблюдения. Таким наблюдением становится фактическая «нарушаемость» права, т. е. невозможность положительного права самостоятельно защитить собственный авторитет. Возникает вопрос: «в чем сила этого закона, если в порядке внешнего, вещественно-телесного существования он так часто бывает бессилён?» [1, с. 329].

И только нормальное правосознание, используя интуитивный метод, приходит к убеждению в действительном наличии предмета с объективным значением.

«Объективность этого значения состоит в том, что оно поистине ненаруσιμο и непоколебимо от самого установления нормы до самой ее отмены» [1, с. 334]. Человеку фактически предоставлена «возможность неповиновения, но нет средств для того, чтобы изменить или погасить противоправную природу его поступка» [1, с. 334].

Объективное значение права не стоит смешивать с его жизненной силой и эффективностью. Эффективность права всецело зависит от уровня правосознания. Мотивы, по которым человек соблюдает право, заключают в себе самый корень правосознания. Поэтому уровень правосознания измеряется не только знанием права, но и его признанием. Нормальное правосознание, как отмечалось ранее, не сводится к одному только знанию права. Оно признает положительное право и это признание осознанное и добровольное.

«Признание положительного права состоит в том, что человек, усмотрев с очевидностью его объективное содержание и его объективное значение, добровольно вменяет себе в обязанность соблюдение его правил и воспитывает в этом направлении не только свои сознательные решения, но и свои непосредственные, инстинктивные хотения и порывы» [1, с. 338].

Для того чтобы признать положительное право, человек должен совершить его духовное приятие. И.А. Ильин подчеркивает, что приятие права требует особой зрелости ума и воли. Оно должно быть свободным от идеализации права и потому творческим. Именно творческая, преобразующая сила приятия, позволяет личности примириться с глубокими несовершенствами положительного права.

Признание права должно быть добровольным. Только свободное признание права не унижает достоинства личности. Чтобы добровольно признать положительное право как необходимое, человек должен его обосновать. Обосновать право – значит осознать его основную функцию: «Общественному животному необходимо представление о строгом пределе допустимого и недопустимого, дабы не впасть в борьбу всех со всеми, и мысль эта стара и неизбежна как мир» [1, с. 340].

Признавая это правило верным и по отношению к себе самому, человек добровольно вменяет себе в обязанность соблюдение права. Таким образом, он находит естественно-правовые пределы для своих притязаний. Личность самостоятельно управляет своим поведением, но согласно положительному праву.

Следующим шагом на пути формирования нормального правосознания будет преодоление положительного права. Добровольное соблюдение положительного права через свободное признание его необходимости делает положительное право как бы несущественным. Автономное самообязывание не нуждается в угрожающей санкции, поскольку черпает свои силы из достоинства естественного права, лежащего в основе права положительного. Соблюдая положительное право, нормальное правосознание переживает его как несовершенное проявление естественного права. «Положительное право имеет объективное значение потому, что в глубине его скрыта духовная правота и естественное право человека; его значение основывается на его достоинстве, а достоинство его определяется достоинством естественного права» [1, с. 361].

И.А. Ильин отмечает, что автономное самообязывание вырастает в душах с чрезвычайной медлительностью. Именно поэтому положительное право берет на себя первостепенную задачу – приучить человека к элементарному самоограничению. Однако дальнейшая цель положительного права состоит в воспитании автономного самообязывания. И чем больше свободы, справедливости и автономии в его нормах, тем легче совершается добровольное и творческое признание положительного права.

Таким образом, общественное самоуправление вполне может воспитать в душе человека истинное правосознание. И наоборот, добровольное свободное признание права рождает истинное самоуправление, которое вырастает только из глубины свободной и уважающей себя воли.

Вкратце процесс формирования правосознания можно свести к следующим тезисам.

Только при наличии творческой воли к цели права удастся формирование нормального правосознания. В основе нормального правосознания всегда лежит правосознание естественное. Нормальное правосознание должно знать положительное право. Конфликт между положительным и естественным правом преодолевается путем творческого преобразования положительного права.

Творческое преобразование необходимо при изучении, приятии и усовершенствовании положительного права. В первом случае, нормальное правосознание осуществляет творческое преобразование несовершенной формулы естественного права с целью раскрытия объективного содержания и объективного значения положительного права. Во втором случае, творческий акт позволяет личности избежать идеализации положительного права.

Главное творческое преобразование совершается правосознанием на этапе правотворчества и правоприменения. При усовершенствовании положительного права нормальному правосознанию доступен акт художественной справедливости, который покоится на созерцании безусловной цели права. По словам И.А. Ильина, «применение правовых норм требует предметного разумения того, ради чего право вообще создается, применяется и поддерживается».

В настоящей статье были проанализированы основные идеи формирования правосознания личности в концепции И.А. Ильина. При этом под развитым правосознанием личности мы имели в виду нормальное (здоровое) правосознание. Нами определены этапы формирования правосознания: правовой инстинкт, естественное правосознание, положительное правосознание, нормальное правосознание. Мы убедились, что указанные этапы редко встречаются в чистом виде и могут иметь двойственную природу, которая была описана выше. Кроме того, такое разделение в силу ряда причин является ориентировочным. Также были выделены цели, которые стоят перед личностью на определенном этапе: осознание естественного права и раскрытие его содержания, поиск объективного смысла и объективного значения положительного права, обоснование естественного и положительного

права, признание положительного права, его преодоление и усовершенствование. Перечислены возникающие при формировании нормального правосознания проблемы и методы их решения.

В процессе формирования нормального правосознания личность должна придерживаться подлинности в опыте и предметности в исследовании. Руководствуясь этим принципом, считаем, что выбранная тема требует дальнейшего, более углубленного изучения.

Поскольку практической целью российского общества является формирование нормального (здорового) правосознания, актуальность идей, раскрывающих этот процесс, очевидна. Полагаем, что концепция И.А. Ильина может быть положена в основу современного правового воспитания, правового обучения, самостоятельного повышения уровня правосознания, которое играет важную роль в построении государства и достижении социальной гармонии.

Список литературы

1. Ильин И.А. Теория права и государства. – М.: Зерцало, 2008. – 550 с.
2. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1916. – 708 с.
3. Малько А.В. (ред.) Большой юридический словарь. – М.: Проспект, 2011. – 703 с.
4. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: КРАСАНД, 2010. – 512 с.
5. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. – СПб., 1908. – 265 с.
6. Сырцев В.А. Социалистическое правосознание в СССР. – М.: Госюриздат, 1958. – 131 с.

**Внутренние и внешние функции государства:
исследование основных проблем**

В данной статье анализируются современные проблемы реализации функций государства в Российской Федерации. Рассматриваются основные внешние и внутренние функции Российского государства, эффективность их реализации и перспективы развития.

This article is devoted to modern problems of realizing the functions of the state in the Russian Federation. The main external and internal functions of the Russian state, the effectiveness of their implementation and prospects for development are considered.

Ключевые слова: внешние функции государства, внутренние функции государства, международное сотрудничество.

Key words: external functions of the state, internal functions of the state, international cooperation.

Функции государства показывают его сущность, предназначение, а также структуру самого государства, иными словами, его внутреннее строение, которое прежде всего определяется той деятельностью, которую оно осуществляет. В свою очередь, предназначение государства определяется его функциями, которые и необходимы для выполнения полезной для общества деятельности.

Сами функции направлены на достижение определённых целей, имеющих на современном этапе развития Российского государства, и выполнение чётко установленных задач.

На сегодняшний день основными функциями Российской Федерации являются следующие: экономическая, функция налогообложения, обеспечения народовластия, социальная, экологическая, которые являются внутренними функциями, а также функция обороны страны, интеграции в

экономику мира, борьбы с терроризмом, сотрудничества с другими странами в вопросах о решении глобальных проблем на мировом уровне, поддержания мирового правопорядка, которые относят к внешним [1].

Рассмотрим каждую из функций более подробно.

Экономическая функция обеспечивает нормальное развитие и функционирование экономики. Государственная программа по развитию экономики предусматривает финансирование исследований в сфере науки и промышленности, особенно в области тех направлений, которые наиболее приоритетны для государства. Однако стоит заметить, что недостаточно внимания было уделено развитию именно отечественного производства, что является важной проблемой сегодня. Кроме того, ещё одной проблемой является зависимость экономики от сырьевого и топливного рынков. Несмотря на то что опыт некоторых стран показывает, что выживание экономики страны может обеспечить всего одна отрасль, Россия находится в иной геополитической и демографической ситуации, поэтому данная проблема непременно требует скорейшего решения с помощью оптимизации топливно-энергетического комплекса Российской Федерации. Исходя из практики реализации функции можно сделать вывод, что реформы как в финансовой, промышленной, так и в хозяйственной жизни России, способные обеспечить нормальное функционирование экономики страны, напрямую связаны с дальнейшим усилением роли государства в экономической сфере жизнедеятельности страны [3].

Функция налогообложения тесно связана с экономической функцией. В новых условиях развития России налоговая система является одним из важнейших экономических регуляторов, основой финансово-кредитного механизма государственного регулирования экономики. От правильности построения системы налогообложения зависит эффективное развитие народного хозяйства в целом. В содержание функции налогообложения входит формирование казны государства, а также её пополнение с помощью любых видов налогов. Из-за кризисных явлений в экономике, имеющих сегодня, перед данной функцией особо остро стоит задача наиболее оптимального сбора налогов в государственную казну, что является крайне существенной проблемой. Однако по мере стабилизации ситуации все сильнее и целесообразнее должна проявить себя функция налогообложения в роли механизма, имеющего регулирующее воздействие на экономику. Такое назначение данной функции является немаловажным.

Касаясь функции обеспечения народовластия, стоит отметить, что в политической области действует целая система политических институтов,

учреждений, государственных органов и прежде всего тех представительных органов, которые народ выбирает и наделяет полномочиями от своего имени осуществлять власть. Функция обеспечения народовластия проявляется в том, что государство защищает и охраняет права, интересы граждан и организаций, обеспечивает как правовой, так и общественный порядок, а также защищает конституционный строй от противоправных вторжений с чьей-либо стороны [5].

Социальная функция очень масштабна по объёму тех видов деятельности, которые она охватывает. Её главным назначением является создание равных условий и возможностей для всех граждан страны и обеспечение общественного благополучия. Содержание этой функции многообразно: от охраны государством здоровья и труда людей до установления размера пенсий. Кроме того, преодоление, смягчение роста безработицы, бедности, стабилизация уровня жизни являются одними из важнейших прерогатив социальной функции государства. К сожалению, осуществляется эта функция так, что не может отвечать предъявляемым ей требованиям. Выражается это, например, в частых задержках заработной платы на многих предприятиях, задержках различных пенсий и пособий, а также в росте цен. Всё это приводит к сильному снижению уровня жизни населения. Именно поэтому борьба с подобными негативными явлениями и их устранение – одна из главнейших задач государства, собственно определяющая саму роль его социальной функции.

Экологическая функция тесно связана с социальной, так как именно государство обеспечивает экологическую безопасность граждан. Основное содержание экологической функции – это государственная деятельность по обеспечению охраны окружающей среды и улучшение её качества. Необходимость данной функции обусловлена тем, что на сегодняшний день в стране происходит научно-техническая революция, последствия которой могут неблагоприятно повлиять на окружающую среду и самого человека. Кроме того, Россия, обладая огромными природными ресурсами, пока не имеет достаточного опыта, чтобы грамотно эти ресурсы использовать, что является одной из основных проблем, касающихся экологической функции [7].

Далее рассмотрим внешние функции Российского государства.

Согласно функции обороны, вооруженные силы России служат для вооруженной защиты целостности государства, отражения агрессии, которая может быть направлена против неё и для сохранения неприкосновенности территории. Реализуется данная функция посредством выполнения ряда

мероприятий (военных, экономических, правовых, идеологических, организационных и иных), обеспечивающих военную безопасность государства. Она носит комплексный характер и осуществляется экономическими, политическими, идеологическими, дипломатическими, военными и иными средствами. Несмотря на то что международная обстановка улучшается, у России все ещё существуют внешнеполитические проблемы. Также в связи с возможным расширением НАТО на Восток остаётся возможность неблагоприятных для России геополитических изменений [2].

Функция интеграции в мировую экономику основывается на том, что в современном мире признается экономическая взаимозависимость. Её осуществление стало возможным в связи с тем, что ослабла напряженность между государствами. Экономическая интеграция предполагает установление стабильных отношений между государствами и сохранение порядка во всем мире. Именно поэтому Россия стремится к интеграции в мировую экономику, что привело к созданию нового механизма внешнеэкономической деятельности. Государство отказалось от приоритета внешнеполитических интересов перед экономическими, так как это мешало нормальному развитию экономических и торговых отношений.

Функция борьбы с терроризмом очень важна сегодня, так как стремительно развивается международный терроризм, приобретая все более широкие масштабы. Терроризм – один из наиболее опасных видов преступлений на международном уровне. Ни одно из государств не способно самостоятельно справиться с этой проблемой, поэтому государствам необходимо действовать вместе. Одной из мер по борьбе с терроризмом является создание международных организаций по борьбе с ним. Планирование деятельности по предупреждению терроризма и обмен информацией позволяет государству действеннее бороться с этой проблемой [4].

Наиболее значимая функция взаимодействия с другими государствами в разрешении глобальных проблем возникла в постконфронтационный период отношений между странами всего мира. Точкой опоры этой функции является более выгодный способ решения проблем, которые актуальны для каждой страны и требуют незамедлительного международного отклика. К первоочередным проблемам можно отнести повсеместную заинтересованность мирового сообщества в предотвращении экологических катастроф большого масштаба, например таких, как авария на Чернобыльской АЭС, которая вышла за рамки территориальных пределов одного государства. Все мировые страны заинтересованы в вопросе о всеобщей охране природных ресурсов и окружающей среды. Взаимодействие России с другими

государствами на международном уровне определено исключительно взаимозависимостью всех стран мира и признанием общечеловеческих ценностей в качестве главных ориентиров в межгосударственном общении [6].

Функция поддержки мирового порядка влияет и на сферу участия мирового сообщества в регулировании межнациональных распрей. Эти действия обусловлены тем, что характер таких конфликтов сопровождается нарушением прав человека, в особенности отношения к национальным меньшинствам, исходя из этого и требуется международное вмешательство [8].

Таким образом, на разных этапах развития государства на первый план могут выдвигаться разные функции. Сегодня в современном мире совершенствуется функция по защите человека и его прав. Стоит заметить, что содержание функций любого государства может изменяться из-за различных факторов, таких как опасность экологических катастроф, обстановка политической нестабильности, эпидемии и пр.

Список литературы

1. Альмухаметов Ф.Д., Таймасов А.Р. Государственное управление инвестиционным развитием региона // Воспроизводственный потенциал региона: проблемы количественных измерений его структурных элементов: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 2–4 июня 2016 г. – Уфа: Ак Идель Пресс, 2016. – С. 321–324.
2. Ахунов Р.Р., Токтамышева Ю.С., Мухаметова А.Д. и др. Интегральный показатель риска как инструмент анализа развития экономических подрайонов региона // Инновационное развитие российской экономики: сб. науч. тр. IX Междунар. науч.-практ. конф., 25–28 окт. 2016 г. Т. 2. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – С. 12–15.
3. Ахунов Р.Р., Токтамышева Ю.С., Мухаметова А.Д. и др. Проблемы формирования сбалансированного пространства Республики Башкортостан // Экономика и управление: науч.-практ. журн. – 2016. – № 6. – С. 9–15.
4. Бухтерева М.А. Формы реализации функций государства. – М., 2014. – 202 с.
5. Камалова Г.Т., Петров А.В. История отечественного государства и права: учеб. пособие. – Челябинск: ЮУрГУ, 2016. – 409 с.
6. Климова Н.И., Макаров А.Н., Мусаев Р.А., Хубиев К.А. и др. Проблемы формирования воспроизводственного потенциала Республики Башкортостан: моногр. – Уфа: Аркаим, 2014. – 232 с.
7. Морозова Л.А. Функции российского государства на современном этапе // Гос-во и право. – 2017. – № 6. – С. 37–40.

8. Рабцевич А.А. Возможности работодателей и государства в инновационном ориентировании рынка труда // Актуальные вопр. науч. и науч.-пед. деятельности молодых ученых: сб. науч. тр. Всерос. заочн. науч.-практ. конф., 20 окт. 2014 г. – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – С. 96–106.

9. Рабцевич А.А. Механизм инновационной ориентации трудовых ресурсов в экономике региона // Науч. ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – № 8. – С. 58–70.

10. Чиркин В.Е. Государствоведение: учеб. – М.: Юристъ, 2017. – 400 с.

11. Юсупов К.Н., Рафиков Р.И., Уразаев Р.А. и др. Социально-экономическое положение Республики Башкортостан в условиях неопределенности: моногр. – Уфа: БашГУ, 2016. – 186 с.

**Проблемы использования метрических книг
и актовых книг отделов ЗАГС 1920-х гг.
как средств доказывания при установлении фактов
в порядке гл. 28 ГПК РФ**

В данной статье на основании изучения 32 метрических книг за 1866–1919 гг. и 16 актовых книг органов ЗАГС за 1920–1924 гг., делается вывод, что метрические и актовые книги 1920-х гг. содержат сведения, которые сами по себе не позволяют установить достоверность фактов. Это связано с ошибками, которые допускались при внесении записей. Оптимальным решением в данной ситуации является назначение судебной экспертизы, которую должны проводить историки-источниковеды, лица, профессионально владеющие приемами критического анализа исторических документов.

Based on the study of 32 metric books for 1866–1919, and 16 books of acts of the registry office for 1920-1924, the author comes to the conclusion that the metric books and books of acts of the 1920s contain information that by itself does not allow us to establish the reliability of the facts. This is due to errors that were allowed when the introduction of records was made. The optimal solution in this situation is the appointment of a judicial examination, which should be carried out by historians of source criticism, persons with professional skills of the critical analysis of historical documents.

Ключевые слова: метрические книги, актовые книги органов ЗАГС, средства доказывания, судебная экспертиза, установление фактов, гражданское процессуальное право.

Key words: metric books, books of acts of the registry office, means of proof, judicial examination, fact-finding, civil procedural law.

В практической жизни людей нередко возникает необходимость установить факты. Зачастую это относится к лицам старшего возраста при установлении пенсионного обеспечения, принадлежности к льготным категориям граждан и т. п. В этих случаях граждане вынуждены обращаться за подтверждением своих персональных данных (возраста, места и даты

рождения, фамилии и т. п.), иных фактов своей биографии. В соответствии с ст. 265 ГПК в случае невозможности установить факт в обычном порядке, путем обращения в компетентный орган власти, граждане могут обратиться в суд.

В соответствии с ч. 2 ст. 264 ГПК РФ в особом производстве суды рассматривают заявления об установлении фактов, имеющих юридическое значение: 1) родственных отношений; 2) факта нахождения на иждивении; 3) факта регистрации рождения, усыновления (удочерения), брака, расторжения брака, смерти; 4) факта признания отцовства; 5) факта принадлежности правоустанавливающих документов (за исключением воинских документов, паспорта и выдаваемых органами записи актов гражданского состояния свидетельств) лицу, имя, отчество или фамилия которого, указанные в документе, не совпадают с именем, отчеством или фамилией этого лица, указанными в паспорте или свидетельстве о рождении; 6) факта владения и пользования недвижимым имуществом; 7) факта несчастного случая; 8) факта смерти в определенное время и при определенных обстоятельствах в случае отказа органов записи актов гражданского состояния в регистрации смерти; 9) факта принятия наследства и места открытия наследства; 10) других имеющих юридическое значение фактов.

При рассмотрении дел данной категории суды, помимо прочего, в части, не противоречащей действующему законодательству, руководствуются разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 21 июня 1985 г. № 9 [55], с учетом положений постановления Пленума Верховного суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 8 [54]. Тем не менее, отдельные проблемы, возникающие при рассмотрении дел не нашли свое отражение в указанном постановлении.

При установлении фактов, относящихся к периоду 1900–1920-х гг. и предусмотренных п. 1, 3, 8 и 10 ч. 2 ст. 264 ГПК, суды используют метрические книги и актовые книги органов ЗАГС. В настоящее время метрические книги находятся на постоянном хранении в архивных учреждениях. В течение последнего времени актовые книги органов ЗАГС за первую половину 1920-х гг. передаются на хранение в архивы по результатам экспертизы ценности документов. При этом архивные учреждения выдают справки о сведениях, внесенных в метрические книги и актовые книги ЗАГС на основании федеральных законов № 125-ФЗ от 22.10.2004 [57] и № 59-ФЗ от 2 мая 2006 г. [53] и в порядке, предусмотренном административными регламентами, утвержденными приказами Министерства культуры № 25 от 28.04.2012 г., № 566 от 31.05.2012 г., № 1216 от 22.12.2011 г.

Однако при разрешении судом дела об установлении факта, имеющего юридическое значение, при оценке документов (справок), поступивших из архивных учреждений, следует иметь в виду особенности, характерные для ведения метрических книг в каждом конкретном случае, и специфику делопроизводства 1920-х гг.

Метрические книги велись, начиная с 1720-х гг. и использовались для фиксации фактов крещения, отпевания и брачного венчания. В силу этого обстоятельства в них указаны также даты рождения, смерти и брака, и сведения о брачующихся. Метрические книги составлялись в двух экземплярах, один из которых оставался в приходской церкви, другой передавался в органы управления епархией (консисторию).

Несмотря на принятие Декрета Совета народных комиссаров от 18 декабря 1917 г., которым вводилась государственная регистрация актов гражданского состояния, а затем – Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 г., метрические книги сохраняли правовое значение вплоть до 1919 г. и продолжали вестись в церковных организациях.

В исторической науке достоверность данных метрических представляется не всегда очевидной. Хотя по сравнению с иными видами документов, достоверность сведений, которые в них содержатся, более высокая [51; 52]. В первую очередь это относится к данным о дате рождения.

Нами было проведено изучение 32 метрических книг, находящихся на постоянном хранении в Государственном архиве Новосибирской области: метрические книги церкви села Дубровина Ояшинской вол. Томской губернии за 1866 [10], 1894 [28], 1896 [11], 1900 – 1907 [12, 13, 17, 31, 14, 15, 16, 29], 1909 – 1911 гг. [18, 19, 20]; метрические книги церкви села Барлак Ояшинской вол. Томской губернии за 1898 – 1904 [26, 27, 3, 4, 6, 7], 1911 [8], 1914 гг. [9]; метрические книги церкви села Ново-Поросс Алексеевской вол. Томской губернии за 1912 – 1916 [21, 22, 23, 24, 25], 1918 гг. [30]; метрические книги церкви села Алексеевка Алексеевской вол. Томской губернии за 1910–1911 гг. [1, 48], выписки из метрической книги церкви села Алексеевка Томской губернии за 1919–1920 г. [2].

В результате изучения были сделаны некоторые наблюдения относительно достоверности содержащихся в них сведений, связанных с порядком ведения и внесения в них записей.

Так, наиболее частыми являются изменения в написании украинских фамилий путем добавления частицы «-ов»: вместо Гайдук – Гайдуков [23, л. 8 об.-9], правильность написания «Гайдук» определяется по подписи

отца, в сравнении со списком жителей населенного пункта [49, л. 1-4] и иными актовыми записями [25, л. 13 об.-14; 30, л. 57 об.; 36, л. 295]¹. То же наблюдается в написании иных фамилий: вместо «Капуста» – «Капустин» [17, л. 18 об.-19]², вместо «Ходан» [19, л. 5 об.]³ – «Ходанов» [30, л. 44 об.], вместо «Войнич» – «Войничев» [6, л. 22 об.-23]. Правильность написания «Войнич» подтверждается записями других книг [18, л. 48 об.-49, 70 об.-71 и др.] и сведениями списка жителей села [49, л. 1-4].

Однако далеко не всегда ошибки связаны с русификацией украинских фамилий. Многие ошибки, по всей видимости, обусловлены грамотностью псаломщика или иных лиц, производивших запись в метрической книге. Очевидно, с этим связано неправильное написание «Кашевутов» [20, л. 64 об.] (запись, судя по почерку, выполнена псаломщиком), вместо «Кашеутов» (запись сделана священником К. Лавровым) [20, л. 119 об.]; ошибочным является написание фамилии «Хромский» [21, л. 14 об.-15, 23 об.-24; 25, л. 1 об.-2, 21 об.-22; 30, л. 32 об.-33, 61 об.], вместо правильного «Кромский» [30, л. 50 об.-51]. В записях 1900 г. Федор Григорьевич Зорин [12, л. 44 об.-45] в метрической книге другой церкви записан с ошибочной фамилией «Зорев» [3, л. 16 об.-17].

Фамилия Ельков, которая зафиксирована в списке жителей села [49, л. 1-4] и в метрических книгах [20, л. 60 об.-61; 22, л. 18 об.-19, 41 об.-42; 23, л. 10 об.-11], в ряде случаев передается как «Елинов» [23, л. 12 об.-13], или как «Елькин» [25, л. 1 об.-2, 3 об.-4; 30, л. 2 об.-3, 17 об.-18, 20 об.-21, 32 об.-33]. Елькины действительно проживали на территории волости, но в другом населенном пункте и в другом приходе [2, л. 19 об.]. Ошибка выявляется путем изучения состава обеих семей [24, л. 3 об.-4].

Важно отметить, что, по нашим наблюдениям, количество ошибочных чтений увеличивается в книгах 1916 – 1918 гг., по сравнению с книгами предшествующего периода.

Ошибки метрических книг в написании имен по документам не определяются. Однако не является редкостью разное написание имен, допустимое в тот период. Например, разные варианты в написании имени одного и того же лица – В.И. Таракановой: «Васса», «Василиса» и «Васения» [24, л. 26 об.-27]. В другом случае, Викентий Афонасьевич Зорин, неоднократно фиксирующийся под таким именем в метрических книгах [29, л. 61 об.-62;

¹ Запись № 295, подпись отца – Гайдук.

² Антон Иванович Капуста, уроженец Черниговской губ.

³ Отец новорожденного, житель поселка Вятский Ходан Егор Моисеев.

17, л. 31 об.-32; 19, л. 13 об.-14, 62 об.-63; 1, л. 54 об.-55], с 1918 г. начинает фиксироваться с измененным именем – Иннокентий [30, л. 51 об.-52, 72 об.].

Актовые книги органов ЗАГС. Вплоть до 1919 г. ведение записей о рождениях, смертях и браках не было упорядочено и нормативно регулировалось лишь в отдельных административных единицах России. С 1920 г. метрические книги как юридически значимое средство фиксации определенных фактов заменяются актовыми записями, ведение которых и осуществление регистрационных действий было возложено на исполнительные комитеты волостных советов рабочих солдатских и крестьянских комитетов (официальные сокращения: ВИК, Волисполкомы). С 1924 г. указанные полномочия вошли в компетенцию поселковых и сельских советов депутатов. Актовые книги составлялись в 1920-х гг. в двух экземплярах [58].

Было проведено изучение 16-ти актовых книг ЗАГС по Алексеевской волости, переданных на постоянное хранение в Государственный архив Новосибирской области, за 1920–1924 гг. и сделаны некоторые наблюдения относительно достоверности содержащихся в них сведений, связанных с порядком ведения актовых книг и внесения в них записей.

В актовых книгах в написании фамилий встречаются гаплографические ошибки (описки). В частности, запись № 749 от 17 декабря 1921 г. – о рождении 6 декабря 1921 г. Василия Ильича Постова, жителя д. Ново-Пороской [32, л. 59]. Но во втором экземпляре актовой книги за 1921 г. (полная копия) в записи № 749 от 17 декабря 1921 г. о рождении 6 декабря 1921 г. содержится иная фамилия – Постоев [47, л. 109]. В этом случае для выяснения правильной записи необходимо обращаться к иным документам, в частности к списку жителей д. Новый Порос [49, л. 1-4], из которого следует, что среди жителей д. Новый Порос лиц с фамилией Постова не значились, но были семьи с фамилией Постоев.

Встречаются ошибки при написании схожих фамилий «Елькин» вместо «Ельков» [36, л. 159, 319], притом, что члены обеих фамилий проживали на территории административной единицы (волости). Ошибка выявляется путем изучения состава обеих семей [24, л. 3 об.-4].

Наиболее частыми являются изменения в написании украинских фамилий путем добавления частицы «-ов»: вместо Гайдук – Гайдуков [36, л. 54]⁴, правильность написания «Гайдук» определяется по подписи отца,

⁴ Запись № 54 от 31 января 1922 г. о рождении 30 января 1922 г. Агафьи Федоровны Гайдуковой, дочери Федора Никифоровича; л. 55 Запись № 55 от 31 января 1922 г. о рождении 8 декабря 1921 г. Матрены Леонтьевны Гайдуковой, дочери Леонтия Никифоровича.

сравнении со списком жителей населенного пункта и иными актовыми записями [36, л. 295]⁵. То же: вместо «Ермаченко» – «Ермаченков», вместо «Капуста» – «Капустин», вместо «Шабуня» – «Шабунин», вместо «Рябой» – «Рябов» [36, л. 110, 303, 392 и др.]⁶.

В некоторых случаях порядок номеров актовых записей не соблюден. Например, в книге актовых записей о рождении по Алексеевской волости за 1924 г. после записи № 641 от 30 сентября 1924 г. следует запись № 687 от 1 октября 1924 г. (ГАО. Ф. Д-2189. Оп. 2. Д. 500. Л. 12, 13), или после записи № 864 от 6 декабря 1924 г. следует запись № 877 от 9 декабря 1924 г. (ГАО. Ф. Д-2189. Оп. 2. Д. 500. Л. 192, 193). Поскольку в данном случае нет оснований полагать изъятие листов, единственным объяснением данной ситуации является предположение о том, что подобным образом повышалась статистика рождаемости.

Таким образом, сами по себе записи метрических и актовых книг не обладают бесспорностью при установлении фактов, имеющих юридическое значение (в частности, фамилий). При фиксации сведений часто допускались похожие гаплографические ошибки. Однако в ходе исследования доказательств по делу, при отсутствии иных доказательств, установить данное обстоятельство практически невозможно. Для разрешения данной ситуации представляется целесообразным назначать судебную экспертизу. Оптимальным решением является назначение экспертами историков, которые являются специалистами по источниковедению, т. е. профессионально владеющими приемами критического анализа исторических документов.

В этом случае в результате проведенной экспертизы и ее оценки представленные доказательства могут считаться удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, а решение суда обоснованным в смысле ч. 1 ст. 195 ГПК РФ с учетом разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 [56].

Список литературы

1. ГАО. Ф. Д-156. Д. 2535. Метрическая книга церкви села Алексеевка Алексеевской вол. Томской губернии за 1911 г.
2. ГАО. Ф. Д-156. Д. 2549. Выписки из метрической книги церкви села Алексеевка Алексеевской вол. Томской губернии за 1919-1920 гг.

⁵ Запись № 295 от 13 июля 1922 г. о рождении 12 июля 1922 г. Петра Федоровича Гайдук. Подпись отца Гайдук.

⁶ На 303 об. см. подпись отца.

24. ГАНО. Ф. Д-156. Д. 2661. Метрическая книга церкви села Алексеевской вол. Томской губернии за 1915 г.
25. ГАНО. Ф. Д-156. Д. 2663. Метрическая книга церкви села Алексеевской вол. Томской губернии за 1916 г.
26. ГАНО. Ф. Д-156. Д. 3035. Метрическая книга церкви села Барлак Ояшинской вол. Томской губернии, 1898 г.
27. ГАНО. Ф. Д-156. Д. 3036. Метрическая книга церкви села Барлак Ояшинской вол. Томской губернии, 1899 г.
28. ГАНО. Ф. Д-156. Д. 3039. Метрическая книга церкви села Дубровина Томской губернии, 1894 г.
29. ГАНО. Ф. Д-156. Д. 3040. Метрическая книга церкви села Дубровина Томской губернии, 1907 г.
30. ГАНО. Ф. Д-156. Д. 3044. Метрическая книга церкви села Алексеевской вол. Томской губернии за 1918 г.
31. ГАНО. Ф. Д-156. Д. 4778. Метрическая книга церкви села Дубровина Томской губернии, 1903 г.
32. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 1. Д. 100. Книга ЗАГС, 1921 г. Т. 4.
33. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 1. Д. 262. Книга ЗАГС, 1921 г. Т. 1.
34. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 1. Д. 263. Книга ЗАГС, 1921 г. Т. 2.
35. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 1. Д. 335. Книга ЗАГС, 1921 г.
36. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 1. Д. 389. Книга ЗАГС, 1922 г. Т. 1.
37. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 1. Д. 390. Книга ЗАГС, 1922 г. Т. 2.
38. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 1. Д. 438. Книга ЗАГС, 1923 г.
39. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 1. Д. 464. Книга ЗАГС, 1922 г.
40. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 1. Д. 844. Книга ЗАГС, 1924 г.
41. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 1. Д. 97. Книга ЗАГС, 1921 г. Т. 1.
42. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 1. Д. 98. Книга ЗАГС, 1921 г. Т. 2.
43. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 1. Д. 99. Книга ЗАГС, 1921 г. Т. 3.
44. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 2. Д. 490. Книга ЗАГС, 1920 г.
45. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 2. Д. 491. Книга ЗАГС, 1921 г. Т. 1.
46. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 2. Д. 492. Книга ЗАГС, 1921 г. Т. 2.
47. ГАНО. Ф. Д-2189. Оп. 2. Д. 493. Книга ЗАГС, 1921-1922 гг.
48. Государственный архив Новосибирской области (далее: ГАНО). Ф. Д-156. Д. 2534. Метрическая книга церкви села Алексеевка Алексеевской вол. Томской губернии за 1910 г.
49. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3494. Списки крестьян с. Новый Порос на 1901 г.
50. Гражданский процессуальный кодекс РФ: федер. закон № 138-ФЗ от 14 нояб. 2002 г.

51. Маркова М. А. Метрики Карелии. Достоверность книг кон. XVIII – нач. XX в. // Тез. докл. XI Всерос. конф. «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI – XX вв.: проблемы изучения монастырей и монастырской культуры», посвящ. памяти Я. И. Бередникова. – Тихвин, 1999. – С. 47–49.

52. Маркова М. А. Некоторые наблюдения за полнотой фиксации младенческой смертности в метрических книгах Олонецкой губернии // Компьютер и историческая демография. – Барнаул: АГУ, 2000.

53. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон №59-ФЗ от 02.05.2006 г.

54. О применении судами Российской Федерации постановлений Пленума Верховного Суда Союза ССР: постановление Пленума Верховного суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 8 // Консультант плюс: справ.-правовая система.

55. О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение: постановление Пленума Верховного суда СССР от 21 июня 1985 г. № 9 // Консультант плюс: справ.-правовая система.

56. О судебном решении: постановление Пленума Верховного суда РФ от 19 дек. 2003 г. № 23.

57. Об архивном деле в Российской Федерации: федер. закон № 125-ФЗ от 22.10.04 г.

58. Тычинин С.В., Юрченко О.Ю. Цивилистическое исследование актов гражданского состояния. – М.: Юрлитинформ, 2016.

Волостной суд в русской деревне во второй половине XIX в.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью волостных крестьянских судов, которые возникли в русской деревне после отмены крепостного права. На основе большого фактического материала проведен анализ состояния крестьянского правосудия, отмечены его плюсы и недостатки в работе. Уделено внимание правовому обычаю, который являлся основным источником права в крестьянском суде. Показан рост недовольства решениями крестьянских судов среди состоятельных слоев деревни.

The author of the article considers the questions connected with Volost peasants' courts, occurred in the Russian village after the abolishment of the serfdom. The analysis of the state peasants' justice was done on the basis of the large real material, also pluses and errors were marked. The author paid attention to the legal custom, which was the main source of law in the peasant's court. The growth of displeasure with decisions of peasants' courts among well-off sections of population was shown in the article.

Ключевые слова: волостной крестьянский суд; судопроизводство; безграмотность судей; упущения судей; местный обычай; решение дел по совести; примирение; наказание.

Key words: volost peasant's court; judiciary; the illiteracy of judges; omissions of judges; local custom; the fair decision of cases; conciliation; punishment.

После реформы 1861 г. миллионы крепостных крестьян России получили не только личную свободу, свободу передвижения и занятий, но и добились возможности перейти к самоуправлению. Существенной стороной этого переустройства явилась организация крестьянского правосудия. Вместо помещичьего суда и надзора согласно «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» в деревне наряду с крестьянским сходом появился волостной суд из избираемых крестьян, решающий львиную долю своих дел не на базе государственного законодательства, а на основе местных обычаев [11].

Следует сказать, что в преддверии реформирования в кругу авторов преобразований велись долгие дискуссии о наилучшем образце крестьянского правосудия. Одни представители редакционных комиссий придерживались мнения, что селяне все свои тяжбы смогут разрешать на обычном сходе общины. Другие творцы реформы предполагали, что споры односельчан надо перенести в мировые суды, которые работают на базе официального права. Остальные участники дискуссий считали, что следует создать сословно обособленные крестьянские суды, которые будут действовать на основе обычного права. Этот проект и был утвержден, так как разработчики крестьянского правосудия были убеждены в том, что в деревне уже издавна возникла система норм обычного права [15, с. 486–487].

Естественно, что эта модель не распространялась на серьезные уголовные преступления. «Положение» разрешало самим крестьянам рассматривать споры только на сумму до 100 р. как движимого, так и недвижимого имущества. В сфере крестьянского правосудия оказались вопросы о наследстве, займах, опеке, договорах и совсем малозначительные уголовные дела [8, с. 58]. Крестьянские судьи сами вершили суд над своими односельчанами. Для этого от 4 до 12 человек ежегодно избирались на волостном сходе. Специальных помещений для заседаний не было, обычно собирались два раза в месяц в волостном правлении. Процесс вели не менее трех крестьянских судей, которые делали это по очереди [19, с. 261.] Практиковали четыре вида санкций: содержание под арестом, общественные работы, штраф, порка розгами. Решения суда было окончательным, жаловаться можно было только при двух условиях: жалобу рассмотрели без свидетелей или суд превысил свою власть.

Почти три десятилетия сельское правосудие существовало на основе этой схемы. Лишь в 1887 г. в деятельность волостных судов внесли некоторые дополнения и коррективы. Для усиления контроля за крестьянскими судьями со стороны дворян земским начальникам дали возможность вмешиваться в работу суда в деревне на любом этапе. Он же проводил проверки рассмотренных дел и утверждал в должности избранных судей [19, с. 261]. Юрисдикция суда теперь распространялась на споры до 300 р., а по вопросам наследования сумма вообще не ограничивалась [9, с. 89–90]. Кроме того, увеличены были размеры штрафов и сроки ареста [14, с. 83.]

Отметим, что главного преобразования сделано не было. Вплоть до 1917 г. волостной суд являлся сословным и действовал на основе местных

обычаев. Примечательно, что все плюсы и минусы в его работе за много лет не утратились и сохранились в полном объеме. Рассмотрим их.

Среди положительных достижений современники выделяли следующие: суд был быстр в разбирательствах, прост, приемлем, понятен, недорог и справедлив. Главным являлось то, что судьи, истцы и ответчики знали друг друга с детства, имели одинаковый уровень образования и воспитания [8, с. 127]. Немаловажным был и тот факт, что дела здесь решались без лишних проволочек и формальностей, а приговоры часто были менее суровые, чем в подобных городских учреждениях, так как учитывались личные качества подсудимого и его статус в общине и семье [7].

Именно этот суд, как считали авторы реформы 1861 г., рано или поздно должен был привести крестьян в колею государственного законодательства и судопроизводства. Но этот процесс осуществлялся крайне медленно и даже начал тормозить капиталистическую эволюцию села [19, с. 241]. Крестьяне все больше и больше втягивались в русло буржуазных отношений, и им было очень принципиально, какие деловые бумаги они получают после имущественных споров в волостных судах. Когда решались в своем суде мелкие споры с соседом о ягненке или куренке, то подходило и деревенское разбирательство, но когда спор касался сотен рублей, и на кону была мельница или молотилка, то для зажиточного общинника желательными становились серьезные судебные документы.

Теперь перейдем к негативным моментам в деятельности волостных судов, которые выступали тормозом в развитии товарно-денежных отношений в деревне. Для этого привлечем сведения из документов различных комиссий, обследовавших в разные десятилетия сельские суды и информации из фондов волостных судов Тульской губернии.

Все исследователи этих процессов обычно начинали критику с указания на малограмотность крестьянских судей. Некоторые авторы считали, что грамотными среди вершителей судеб крестьян являлся один из десятка [2, с. 252]. Естественно, что никто и никогда никаких экзаменов на знание гражданского права не сдавал и поэтому часто находился под влиянием грамотного волостного писаря. «Наши судьи знают столько же, сколько и мы», – говорили мужики [4]. Этот же недостаток неоднократно обличал М. И. Зарудный, известный исследователь волостных судов России [5, с. 226].

Кстати, следует отметить, что в первые десятилетия среди грамотных крестьян большого желания стать судьей не наблюдалось. Оплата за выполнение обязанностей была невелика, мороки много, приходилось отрывать

от своего хозяйства, а нажить врагов среди соседей было очень легко. Никто из представителей власти помощи в правовом просвещении этим судьям не оказывал, а это часто вело к разным беспорядкам [8, с. 147]. Весьма низок был авторитет таких судей у зажиточных односельчан, которые хотели, чтобы их дела рассматривали профессионально подготовленные судьи, читавшие Гражданский кодекс, а не полуграмотные соседи, применявшие сомнительные и подозрительные местные обычаи.

Только в начале XX в. повысился престиж судейской должности в селе. Более охотно стали выполнять эти обязанности грамотные односельчане из зажиточных семей. Рост веса и влияния судей был связан с рядом причин, а именно: им значительно добавили жалование, избавили от натуральных повинностей, их грудь стала украшать красивая бляха, и, что также важно, заседания стали проводить только по воскресеньям [4]. Следующие отрицательные моменты в деятельности сельских судов критиковал исследователь Н. К. Бржеский. Он подчеркивал, что подкуп волостных судей, поборы и угощения водкой стали обычным делом в деревенском судопроизводстве [3, с. 68–69]. Безусловно, судьи употребляли водку не просто так, а в связи с угощением. Другой исследователь крестьянского правосудия В. В. Тенишев отмечал, что членов суда принято попотчевать перед заседанием для того, чтобы решить дело в пользу угощающей стороны [17, с. 187]. Из Тульской области сообщали, что обычаем стало «подмазывание» судей водкой [15, с. 15]. Возможно, что угощение не всегда было напрямую связано с лихоимством, но стремление «захмелить» судью явно прослеживалось.

Рассмотрение споров в деревне «под водку и селедку» не одобряли все исследователи. Сами крестьяне заявляли, что деревенский судья явно уступает городскому судье, которого водкой не попотчуеть [17, с. 158]. Исследователь Тульской губернии М. П. Кашкаров привел интересный пример. На вопрос о наличии правовых обычаев в общине селяне заявили: «У нас обычай – это водка» [15, с. 15]. Это означало, что за угощение всегда можно легко подыскать или придумать нужный обычай, чтобы успешно решить дело в пользу угощавшего.

Однако угощения и «подмазывания» не являлись главным недостатком сельского суда. Злоупотребление и произвол прежде всего были следствием применения обычного права. Очень быстро выяснилось, что правовых обычаев мало, а некоторых вообще не существует, и их для реше-

ния дел необходимо просто сочинять. А в таких случаях изобрести возможно было любой образец, лишь бы он хорошо подходил к ситуации [14, с. 23–24]. Ширма из выдуманного обычая помогала принять нужные, и, несомненно, пристрастные постановления.

Еще один недостаток в деятельности волостных судов – это устная форма судебного процесса. По обыкновению волостной писарь в общих чертах записывал подробности иска, суть претензий и вид санкций. Но наиболее главное – сам местный обычай, на базе которого строился процесс, вносить в протокол было не обязательно. Вот тут и начинался произвол и злоупотребление судей, так как придуманный обычай должен был подтвердить всего лишь один свидетель [17, с. 240]. Суд сам творил обычаи и сам их использовал для принятия решений.

Однако и на этом минусы сельского правосудия не заканчивались. Волостному суду при необходимости разрешалось, кроме местных обычаев, рассматривать иски по совести. А это вело к еще большему произволу, так как совесть – понятие не юридическое, а моральное, да и совесть у каждого человека своя. Сельской бедноте судебные решения по совести могли нравиться, но совсем противоположным был взгляд на эти моральные опусы зажиточных соседей. Состоятельные крестьяне часто не хотели заканчивать имущественный спор примирением, к которому любой ценой стремился деревенский суд в интересах мира в общине. Для них было важно защитить свою собственность, а вовсе не сгладить противоречия и не оскорбить соседа. Примирение разрешалось даже во время явных краж вещей, которое приводило потерпевшую сторону к убыткам, и это со временем стало не по нраву обеспеченным селянам.

Кроме перечисленных негативных факторов, скептическое отношение к деревенскому правосудию усиливалось большим влиянием на судебный процесс волостного писаря. Особенно авторитетным писарь оказывался там, где судьи были малограмотными. Здесь писарь был «и швец, и жнец, и на дуде игрец», т. е. и толковал обычаи, и принимал решения [1, с. 201–202].

И все же, несмотря на все свои недостатки и несовершенства, волостной суд просуществовал до 1917 г. и оставил яркий след в истории права России.

Список литературы

1. Астырев Н. М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. – СПб., 1886. – 396 с.
2. Березанский П. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. – Киев: Универ. тип., 1880. – 252 с.
3. Бржеский Н. К. Очерки юридического быта крестьян. – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1902. – 185 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 144. Л. 44.
5. Зарудный М. И. Закон и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. – СПб.: Тип. 2 Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1874. – 226 с.
6. Земцов Л. И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ГУ, 2002. – 448 с.
7. Кистьяковский А. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение // Тр. этнографостатистической экспедиции в Западно-Русский край. – СПб., 1872.
8. Леонтьев А. А. Волостной суд и юридические обычаи у крестьян. – СПб.: Изд-во юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова, 1895. – 147 с.
9. Никольский А. П. Земля, община, труд. – СПб.: Тип. А. Суворина, 1902. – 195 с.
10. Новиков А. Записки земского начальника. – СПб., Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – 240 с.
11. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/krest.htm>. – Загл. с экрана.
12. Оршанский И. Г. Народный суд и народное право // Журн. уголовного и гражданского права. – 1875. – № 5. – С. 5.
13. Пахман С. Б. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки: в 2 т. – СПб.: Тип. Второго Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1877. – Т. 1. – 400 с.
14. Ритгих А. А. Крестьянский правопорядок. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. – СПб., 1904. – Тип. В. Ф. Киришбаума, 1903. – 126 с.
15. Русское экономическое обозрение. 1902. – № 11. – С. 15.
16. Семёнов Н. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II : в 3 т. – СПб., 1889–1892.
17. Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту. Свод данных, добытых этнографическими материалами кн. В. Н. Тенишева. – Брянск: Тип. Л. И. Итина и К°, 1907. – 192 с.
18. Труды Комиссии по преобразованию волостных судов: в 7 т. – СПб., 1873.
19. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: в 58 т. Т. 43. Тульская губерния. – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1903.

Влияние культуры на социальные притязания в условиях глобализации

В статье исследуется взаимодействие культуры и социальных притязаний. Накапливаемые в системе культуры ценности, знания, идеи, нормы постоянно отражаются в социальных притязаниях и реализуются в процессе их удовлетворения и отражения в законодательстве. Делается вывод, что культура оказывает непосредственное влияние на объем и содержание притязаний, выдвигаемых социальными субъектами.

In the article investigated cooperation of culture and social claims. Values, knowledge, ideas, accumulated in the system of culture, norms are constantly reflected in social claims and realized in the process of their satisfaction and reflection in a legislation. Drawn conclusion, that a culture renders direct influence on a volume and maintenance of the claims pulled out by social subjects.

Ключевые слова: социальные притязания, культура, ценности, глобализация.

Key words: social claims, culture, values, globalization.

Глобализация оказывает существенное влияние на развитие права, определяет основные тенденции правообразовательного процесса, способствует выявлению новых эффективных способов исследования социальных притязаний, требующих соответствующей институционализации в праве. В настоящее время очевидно, что недостаточно исследовать процесс правообразования каждой национальной правовой системы в отдельности, необходимо их рассматривать в общей системе, это будет способствовать решению проблем мирового (глобального) правопорядка.

Современные процессы глобализации существенным образом влияют на закрепление в праве соответствующих социально-экономических притязаний, что отражается на реализации экономической функции государства. Это обусловлено тем, что глобализация означает интернационализацию рынков, обостряет конкуренцию и углубляет международное разделение

труда. В результате экономической интеграции государств усиливается влияние транснациональных корпораций, растет господство надгосударственных структур, что серьезно сокращает возможности управления национальной экономикой со стороны государства. Однако это не означает, что экономическая функция в условиях глобализации утрачивает свои национальные масштабы, но она требует соответствующего уточнения и поиска новых форм экономической политики, а следовательно, и выявления социально-экономических притязаний, объективно требующих своего закрепления в праве.

Социальные притязания – это требования, возникающие в обществе, отражающие интересы, существующие в социальной и экономической сферах, на которые правовая система должна реагировать признанием, ограничением, примирением и защитой. Роль права и заключается в том, чтобы примирять конфликты и поддерживать порядок в обществе, одновременно создавая возможности для его развития и изменения. Разумное сочетание стабильности и изменчивости в правовом порядке обеспечивается осуществлением правом функции социальной инженерии.

Социальные притязания являются ближайшей социальной основой права как юридического феномена. Они, оказывая прямое влияние на правовое регулирование общественных отношений, через механизм правосознания учитываются в правотворчестве и применении права. Посредством закрепления интересов граждан, иных лиц в объективном праве их социальные притязания получают свое воплощение в субъективном праве. На субъективных правах «замыкается» закономерная для права цепь зависимостей, идущих от объективных потребностей общества к социально-экономическим притязаниям и от них (в условиях сложившихся юридических систем – через объективное право) – к юридической свободе поведения. Поэтому проблема социальных притязаний в их правовом опосредовании является в настоящее время, в контексте глобального мира актуальной и практически значимой.

Стержнем социального притязания являются требования жизнедеятельности субъектов (индивидов, социальных групп и иных общностей), которые обусловлены природой социальной среды. Именно здесь, в идее социальных притязаний и находит выражение жесткая (и с этой точки зрения вполне природная, естественная) зависимость права от внешних факторов, от всего того, что образует человеческое бытие. В этом отношении социальное притязание в настоящее время выполняет особо значимую мис-

сию. Социальное притязание, сохранившее свою первичность, изначальность, образуют тот слой социальной жизни, лежащий в основе системы социальной регуляции, который аккумулирует, сводит благодаря силе разума в некоторые нормативные начала, притом в виде изначально «должного», назревшие требования среды, всей социальной жизни – природные, экономические, правовые и иные.

Социальные притязания возникают не самопроизвольно, не в лоне чистого духа и абсолютной свободы, имеются факторы, которые формируют социальные притязания, определяют их содержание и объясняют причины их многообразия.

Культура оказывает непосредственное влияние на объем и содержание притязаний, выдвигаемых социальными субъектами. Характерная особенность современной культуры, заключается в том, что совокупность ее идей и значимых символов в значительной мере превышает реальные потребности общества. Это может быть отнесено к самым различным формам научного познания, видам и формам искусства, литературы, живописи, в том числе нормативным регуляторам, к которым относится и право.

Накапливаемые в системе культуры ценности, знания, идеи, нормы постоянно отражаются в социальных притязаниях и реализуются в процессе их удовлетворения и отражения в законодательстве. Так, мы не сможем понять смысл социальных притязаний субъектов, если не знаем ценностно-смысловых, т. е. культурных аспектов их требований.

Двадцать первое столетие знаменует начало перехода к новой социально-культурной парадигме. Поэтому правовая наука и законодательство многих стран, сегодня стоят перед необходимостью принятия исторического вызова, связанного с появлением новейших открытий и идей, которые могут изменить образ мышления людей, их жизнь и представления о своих правах и обязанностях.

Особую актуальность имеют научные направления и проекты, которые одновременно связаны с исследованиями в области жизни и смерти, определения сущности человека, правового регулирования таких вопросов, как эвтаназия, аборт, искусственное оплодотворение, трансплантация, генетические вмешательства и, в частности, клонирование человека.

В современной России право на смерть, а тем более право на достойный уход из жизни, пока не обеспечено государством. В то время как уже в середине 60-х гг. XX в. в некоторых странах Европы (Франции, Великобритании и др.) и США функционировали клиники, в которых по желанию пациента его труп замораживался через несколько минут после наступления

клинической смерти и затем помещался в герметично закупоренный цилиндр, наполненный жидким азотом при низкой температуре. Это желание пациентов базировалось на надежде выиграть время и дожидаться, когда медицина найдет средство лечения болезней, вызывающих смерть. Ученые многих стран полагают, что «замораживание» лишь увеличивает срок клинической смерти до 40–60 мин (вместо 5–6 мин), затем клетки мозга безвозвратно разрушаются [4]. В настоящий момент концепция смерти мозга переживает новую репроблемациацию. Свидетельством этому является Доклад Президентской комиссии по биоэтике США, составленный в 2009 году [5].

В результате новую концепцию смерти мозга следует относить к так называемым «открытым проблемам», которые являются «катализатором» для существования постоянного дискуссионного пространства в контексте как прикладной этики в целом, так и, что наиболее важно, биоэтики [3].

Современный Гражданский кодекс Франции содержит отдельную главу «Об актах смерти», в которой предусмотрены процедура оформления не только естественной смерти, но и насильственной, а также мертворожденного ребенка, процедура составления акта о смерти после исполнения приговоров о смертной казни и др. [1] Зарубежный опыт, показывает, что в России назрела необходимость принятия закона о биоэтике, в котором бы не только излагались правовые основы эвтаназии, клонирования, но и закреплялись четкие гарантии обеспечения прав пациентов.

Проблемы, связанные с жизнью и смертью, дискуссии об эвтаназии, клонировании, трансплантации затрагивают фундаментальные права человека. Теория права как комплексная область познания способна объединить усилия представителей уголовного права, криминалистики, гражданского права, государственного и административного права, а также специалистов в области медицины, философии, биоэтики, психологии и т. д. для решения многих актуальных задач этой старой и вместе с тем новой области человеческих знаний.

Права человека не являются статично существующей категорией. В процессе развития общества и государства стандартизация прав человека постоянно претерпевала исторические изменения. На каждом этапе исторического развития комплекса прав и свобод сформировались новые социальные притязания субъектов, которые отражали действительные интересы и потребности субъектов.

История развития концептуальной модели прав человека демонстрирует, что каждое качественно новое изменение системы прав человека, появление «нового» поколения прав обусловлено трансформацией общественного сознания, формированием новой мировоззренческой парадигмы. Одним из главных достижений второй половины XX в. стало развитие техники и научной мысли. В то же время научно-технический прогресс имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Новейшие технологии в области биомедицины дали возможность избавления от многих серьезных, в том числе смертельных недугов. В то же время, наряду с предоставленными возможностями улучшения качества жизни, современные научные достижения обозначили появление определенных трудностей. Реалией сегодняшнего дня стала возможность не только изменять самого себя, но и весь человеческий род, что, бесспорно, не могло не поднять тему этической и правовой приемлемости подобных действий. Данный вопрос не имеет однозначного решения, порождая научные споры.

В ноябре 1997 г. ЮНЕСКО на международном уровне приняло документ под названием Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, где проблема защиты генома человека имела свое продолжение. Ст. 1 Декларации провозглашает: «Геном человека лежит в основе изначальной общности всех представителей человеческого рода, а также признания их неотъемлемого достоинства и разнообразия. Геном человека знаменует собой достояние человечества» [2]. В ст. 3 декларируется эволюционный характер генома человека, что в результате мутаций, а также влияния природной и социальной среды приводит к разным его проявлениям. Декларация утверждает право любого человека, независимо от его генетических характеристик, на уважение его достоинства и прав. При этом под человеческими характеристиками подразумеваются как обычное генетическое разнообразие, так и генетические отклонения – заболевания.

Для решения вопроса законодательного закрепления тех или иных назревших социальных притязаний необходимо использовать эффективные способы их выявления. Выявление социальных притязаний, психологических моментов, заинтересованности людей в своих делах и стремлениях, изучение движущих мотивов их поведения, в том числе в сфере правового регулирования, анализ сложного взаимодействия этих факторов – всё это составляет одну из важных задач современной правовой науки, социологии и психологии.

Существует необходимость в новых, эффективных способах выявления социальных притязаний, в том числе оценки адекватности всей правовой системы развивающимся общественным потребностям. Учет социальных притязаний в результате правового мониторинга, общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов посредством Интернета, опросы общественного мнения и другие социологические исследования образуют механизм выявления социальных притязаний, основной задачей которого является эффективное выявление социальных притязаний субъектов с целью их последующего закрепления в праве.

К новационным способам выявления социально-экономических притязаний относится оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов. Под оценкой регулирующего воздействия следует понимать совокупность методов и способов, использующих научные знания и специальные познавательные техники, при помощи которых анализируются эффективность и необходимость существующих программ и векторов развития, в том числе права и экономики. Оценка регулирующего воздействия используется при анализе проектов нормативно-правовых актов, а также актов, вносящих изменения в действующие законы с целью выявления издержек и выбора верных альтернатив: для оптимизации национальной законодательной базы. Несмотря на наличие законодательной базы, в современной России отсутствуют единые методики и процедуры проведения оценки регулирующего воздействия, которые признавались бы всеми участниками данного процесса. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно обратиться к зарубежному опыту.

Список литературы

1. Боботов С. В. Наполеон Бонапарт – реформатор и законодатель. – М., 1998. – С. 269–299.
2. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека // Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека» (международные документы и аналитические материалы). – М., 1998. – С. 102.
3. Гусейнов А. А. Прикладная этика // Этика: энцикл. слов. / под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 388–389.
4. Малеина М. Н. О праве на жизнь // Сов. гос-во и право. – 1992. – № 2. – С. 53.
5. Controversies in the Determination of Death. The Presidents Council on Bioethics. – Washington, D. C., 2009.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342(470+571)

Ц. Тотров

К вопросу о законодательном регулировании процедуры изменения границы между субъектами Российской Федерации

В статье рассматривается вопрос о необходимости принятия отдельного федерального закона, нормы которого бы детально регламентировали процедуру изменения границы между субъектами Российской Федерации. В частности, предпринята попытка выделения этапов реализации конституционного права населения соответствующего субъекта на участие в указанном вопросе. Само же указанное право населения квалифицируется в качестве исключительного. Представляется, что некоторые выводы проведенного исследования могли бы быть учтены, в том числе при подготовке проекта специального федерального закона.

The article is dedicated to the question of necessity to adopt a separate federal law which articles could regulate in detail the borders' changing between the subjects of Russian Federation. So, the author attempt to reveal several stages of realizing the constitutional right according to which only the population of the subject could take part while the decision of resolving the question of borders' changing. The mentioned constitutional right is regarded as the exceptional. According to the author's opinion some conclusions of this research could be used during the preparation of the project of special law.

Ключевые слова: граница субъекта, население, изменение, исключительное право, референдум, проект, специальный закон.

Key words: border of the subject of Russian Federation, population, changing, exceptional right, referendum, project, special law.

В соответствии со ст. 3 Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Согласно ч. 3 ст. 5 Основного закона федеративное устройство Российской Федерации основано на ее территориальной целостности, а также равноправии и самоопределении народа.

Попробуем проанализировать содержание вышеприведенных конституционных норм, прежде всего с целью определения и теоретического обоснования процедуры, которая бы была наиболее оптимальной с точки зрения обеспечения полной и всесторонней защиты прав всех заинтересованных в изменении границ субъекта Российской Федерации лиц. Нижеизложенные выводы – это прежде всего попытка выделить наиболее важные аспекты указанной процедуры. Кроме того, нижеизложенные позиции, основанные на исследовании доктринальных работ и нормативных актов по рассматриваемой проблематике, на наш взгляд, могут быть полезны при подготовке проекта специального закона, посвященного вопросу изменения границ субъекта Российской Федерации.

Любая территория представляет интерес либо как историческое место проживания, связывающее общими социально-культурными корнями группы людей – народы (народности, нации), либо как ареал, имеющий в силу объективных природных факторов важное экономическое или военно-стратегическое значение. И в том, и в другом случае население, проживающее в пределах территории государства или отдельной его части – субъекта государства, имеет исключительное право на непосредственное участие в решении вопросов, связанных с любыми изменениями пространственных пределов населенной им территории. Это естественное право, которое не может быть ограничено ни при каком бы то ни было государственном строе и всегда должно презюмироваться, независимо от того, имеет ли оно конкретное законодательное закрепление или нет.

Из вышеизложенного следует, что при формировании нормативной базы, регламентирующей, в частности, процедуру изменения границы между субъектами Российской Федерации, необходимо исходить из принципа вышеуказанного абсолютного права населения субъекта на участие в решении любых территориальных вопросов и споров. Следовательно, *только* население субъекта Российской Федерации может инициировать непосредственно и саму процедуру предварительного обсуждения, а затем и окончательного разрешения вопроса о возможности изменения границы субъекта Российской Федерации. При этом, безусловно, наиболее демократичным способом, обеспечивающим в действительности всем гражданам право на равное и непосредственное участие в решении указанного вопроса, является референдум.

Инициатива проведения референдума об изменении границы субъекта Российской Федерации должна, на наш взгляд, оформляться по таким же

принципам и этапам, которые определены в ст.14-15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» от 28.06.2004 г. №5-ФКЗ (далее «ФКЗ «О референдуме в РФ»). В частности, граждане, достигшие 18-летнего возраста и фактически проживающие или имеющие по данным регистрационного учета место постоянного или преимущественного проживания на территории конкретного субъекта, могут организовать инициативную группу по проведению референдума. При этом именно данная категория граждан выступает в качестве основного субъекта реализации конституционного права на изменение границ субъекта Российской Федерации.

Подобно приведенной статье ФКЗ «О референдуме в РФ» необходимым условием правомочности деятельности инициативной группы является количественный критерий, предполагающий вхождение в ее состав не менее половины жителей субъекта Российской Федерации. Инициативная группа по проведению референдума в соответствии со ст. 31 Конституции РФ имеет право собираться в любое время и совместно проводить в форме, допустимой действующим законодательством РФ, публичную демонстрацию своего намерения с предварительным уведомлением органов государственной власти субъекта Российской Федерации.

В целях обеспечения последовательного и юридически верного подхода к реализации права жителей субъекта Российской Федерации на изменение границ, инициатива граждан (входящих в состав инициативной группы) также должна быть надлежащим образом (в письменной нотариально удостоверенной форме) оформлена и утверждена на общем собрании группы с последующим ее опубликованием в средствах массовой информации, доступных для всех жителей конкретного субъекта. В частности, должен быть четко сформулирован вопрос, который бы предполагал однозначный ответ о возможности либо, соответственно, невозможности изменения границы субъекта Российской Федерации.

Любые изменения имеют объективные предпосылки. Сложно представить ситуацию, при которой бы вопрос об изменении границ возник в одночасье сам по себе безотносительно к проблемам субъекта социально-экономического или общественно-политического характера. В этой связи немаловажным, на наш взгляд, этапом реализации конституционного права на изменение границы субъекта Российской Федерации является подготовка обосновывающей документации, которая бы содержала данные соответствующих исследований основных факторов, повлиявших на возникновение

необходимости изменения границы субъекта Российской Федерации. Считаем, что именно подобный аналитический подход, основанный, в том числе, на исследовании статистической информации и опросе мнения большинства жителей субъекта Российской Федерации, позволит предотвратить возможные ошибки политико-правового характера по вопросу проведения референдума. Именно к такой основательной подготовке обязывает еще и тот факт, что проведение референдума помимо общественно-социальной нагрузки предполагает и значительные финансовые затраты из соответствующего бюджета субъекта Российской Федерации.

Далее, считаем, что только в рамках правового исследования сложно составить конкретный перечень обстоятельств, возникновение или длительное существование которых может выступать в качестве оснований необходимости изменения границы субъекта Российской Федерации. Сложно, потому как Основной закон по данному аспекту не содержит каких-либо ориентиров – ограничений. Сама формулировка ч. 3 ст. 67 Конституции РФ не предусматривает ссылок на условия реализации права на изменение границ. Но, тем не менее, примерные причины – основания в специальном федеральном законе все же должны содержаться. Иное бы противоречило конституционным основам устройства Российского государства. Недопустимы такие основания изменения границы субъекта Российской Федерации, которые могут спровоцировать возникновение, эскалацию существующего межнационального конфликта, либо спровоцировать аналогичные настроения по изменению границ в иных субъектах Российской Федерации. В целях исключения подобных негативных последствий всякое основание изменения границы, выдвинутое субъектом РФ в процессе подготовки референдума по соответствующему вопросу, должно обязательно проходить правовую экспертизу на предмет отсутствия признаков какой-либо угрозы подрыва внутригосударственной политико-социальной стабильности.

На наш взгляд, к процессу подготовки референдума наиболее верным будет обязательное подключение Конституционного суда Российской Федерации, являющегося органом судебного конституционного нормоконтроля (п. 7 ст. 3 Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21.07. 1994 г. № 1 – ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», далее «ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») и основным гарантом защиты Основного закона Российской Федерации [1]. Именно по своей правовой природе, а также в связи с открытостью

перечня полномочий (ст. 7 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») данный орган судебной власти может оказать необходимое содействие в вопросе обеспечения критерия законности требований – оснований изменения границ между субъектами Российской Федерации.

По нашему мнению, подобной комплексной правовой экспертизе должны подвергаться, в том числе, такие основания, которые уже законодательно закреплены и в некоторой степени могут быть рассмотрены в качестве способов «обхода» вышеописанной процедуры. В последнем случае в формате примера можно обратиться к ст. 13 закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» [2], согласно которой признается право реабилитированных лиц, утративших жилые помещения в связи с репрессиями, возвращаться для проживания в те местности и населенные пункты, где они проживали до применения к ним репрессий. В 1992 г. именно данное законодательное положение спровоцировало возникновение осетино-ингушского межнационального вооруженного конфликта, в результате которого имелись многочисленные жертвы со стороны и осетинского, и ингушского народов.

Так, 24 октября 1991 г. в столице Ингушетии Назрани объединённая сессия трёх райсоветов Ингушетии и депутатской группы Пригородного района Северной Осетии, «выражая волю ингушского народа и в целях защиты своих родственников, проживающих в Северной Осетии», приняла противоречащее законодательству России решение «объединить добровольцев в отряды самообороны и организовать их дежурство во всех населённых пунктах Пригородного района Северной Осетии, где проживают ингуши. Дежурство отрядов осуществлять до передачи под юрисдикцию Ингушской Республики всех отторгнутых сталинским режимом земель» [4].

Вышеприведенный пример подтверждает, что всякая возможность применения законодательно установленной «альтернативы» мирному способу урегулирования территориальных споров в любой «удобной» с точки зрения появления внутригосударственных проблем может привести к неправомерным последствиям. Подобные законодательные «альтернативы» должны сопровождаться соответствующими актами толкования со стороны Конституционного суда Российской Федерации, которые бы в превентивной форме исключали бы их применение в какой бы то ни было части в вопросе разрешения спора о месте прохождения границы субъекта Российской Федерации.

Абсолютно верным, на наш взгляд, является существующий в отечественной доктрине конституционного права подход, в соответствии с которым вопрос об изменении границы между конкретными субъектами Российской Федерации не должен переходить в разряд «дежурных», к решению которых возможно обращаться многократно через непродолжительное время после того, как однажды по итогам проведения законодательно установленной процедуры был получен отрицательный ответ. Более того, представляется верным установить в специальном федеральном законе также положение, согласно которому право конкретных субъектов Российской Федерации на изменение определенного участка границы будет считаться полностью и навсегда исчерпанным, если уже однажды большинство населения хотя бы одного из субъектов проголосовало в ходе референдума против изменений. Срок законной силы подобного решения должен исчисляться десятилетиями.

Немаловажное значение имеет также этап топографического фиксирования любых изменений места прохождения границы субъекта Российской Федерации. Эта мера позволит на будущее исключить любые территориальные претензии, основанные на исторической памяти о якобы ретроспективной принадлежности каких-либо населенных пунктов отдельным народам, нациям. Топографическая информация, содержащая точные пространственные данные места прохождения границы, должна быть приложена к документам референдума об изменении границы между субъектами Российской Федерации и представлена на обозрение соответствующего органа государственной власти при утверждении соглашения об изменении границы.

Всякое итоговое соглашение субъектов об изменении границы также обязательно должно быть предметом федерального рассмотрения путем его окончательного утверждения или отклонения. Как уже было упомянуто выше, федеративное устройство относится к исключительному ведению Российской Федерации (ст. 71 Конституции Российской Федерации). Понятие «федеративное устройство», на наш взгляд, предполагает регулирование не только вопросов количества и конституционно-правового статуса отдельных видов субъектов Российской Федерации, но в том числе включает вопросы межгосударственного размежевания территорий субъектов. Инициатива населения субъектов Российской Федерации, направленная на изменение границы между субъектами Российской Федерации, должна быть реализована и оформлена в порядке и на условиях, предусмотренных исключительно федеральным

законодательством. Кроме того, в Российской Федерации имеются субъекты, границы которых совпадают с государственной границей России. При теоретическом исследовании подобного соотношения – граница субъекта и государственная граница, ученые - конституционалисты исходят из приоритетного порядка учета, прежде всего публичного интереса Российской Федерации при разрешении вопроса об изменении места прохождения границы субъекта Российской Федерации, совпадающей полностью или в определенной части с государственной границей [5]. Представляется, что в специальном федеральном законе должен быть прямо закреплен подобный подход.

Какой же орган государственной власти должен осуществлять итоговый контроль решения об изменении границы между субъектами Российской Федерации и в какой форме? Представляется, что наиболее верным с точки зрения компетенции и порядка формирования будет передача данного вопроса в ведение Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации.

Список литературы

1. О Конституционном суде Российской Федерации: федер. конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (в ред. от 28.12.2016 № 11-ФКЗ) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
2. О реабилитации жертв политических репрессий: закон Российской Федерации от 18.10.1991 № 1761-1 (в ред. от 09.03.2016 № 67-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
3. О референдуме Российской Федерации: федер. конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (в ред. от 18.06.2017 № 1-ФКЗ) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
4. Осетино-ингушский конфликт: хроника событий (рус.), Inca Group «War and Peace» (08.11.08). – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Осетино-ингушский_конфликт.
5. Чертков А.Н. Правовое регулирование установления и изменения границ субъектов РФ как пространственного предела их территорий (суши, вод, недр и воздушного пространства) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.4

Ю. С. Алексеева, Е. В. Воскресенская

Особенности возложения субсидиарной ответственности на участника общества с ограниченной ответственностью в механизме восстановления нарушенных прав кредиторов

В статье исследуются проблемы привлечения участника (учредителя) общества с ограниченной ответственностью как контролирующего должника лицо к субсидиарной ответственности в случаях, установленных законом. Проанализировано содержание принципов добросовестности и разумности в поведении участников ООО в качестве основания возложения на них дополнительной имущественной ответственности. Аргументирован вывод о целесообразности законодательного установления чётких критериев добросовестности и разумности поведения участников ООО с исключительной функцией контроля, несоблюдение которых станет бесспорным основанием для привлечения таких участников к ответственности, обеспечивая права кредиторов ООО.

The article examines the problem of involvement of the participant (founder) of the company with limited liability as a controlling person of the debtor to subsidiary responsibility in cases prescribed by law. The authors analyzed the content of the principles of good faith and reasonableness in the behavior of LLC participants as a basis for imposing additional property liability on them. Reasoned conclusion about expediency of the legislative establishment of clear criteria of good faith and reasonableness to the conduct of members of the company with the exclusive control function, the violation of which will become the undisputed reason for bringing these parties to justice, ensuring the rights of creditors of LLC.

Ключевые слова: участник (учредитель) общества с ограниченной ответственностью, контролирующее должника лицо, субсидиарная ответственность, несостоятельность (банкротство), добросовестность, принцип разумности, защита прав кредиторов.

Key words: participant (founder) of a limited liability company, controlling the debtor person, subsidiary liability, insolvency (bankruptcy), good faith, the principle of reasonableness, protection of creditors rights.

Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ) установлено, что юридическое лицо самостоятельно отвечает по своим обязательствам всем своим имуществом [2, ст. 56]. При этом участники (учредители) юридического лица не отвечают по его обязательствам, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам его участников (учредителей), кроме случаев, установленных законом. Такие «случаи» дополнительной ответственности участников юридического лица по его обязательствам законодательством устанавливаются для отдельных организационно-правовых форм юридических лиц, в частности для полных товариществ. ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [6, ст. 61.11] установлены основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности контролирующее должника лицо (далее – КДЛ) как мера защиты прав кредиторов должника-банкрота. Причём сфера применения норм указанного закона распространяется на любые юридические лица, кроме государственных корпораций и фондов (ст. 1). Кроме того, в ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [8, ст. 3] предусмотрена возможность возложения субсидиарной ответственности по долгам ООО на его участников, по вине которых хозяйственное общество признано банкротом. В свою очередь, анализ норм ст. 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» позволяет утверждать, что к категории КДЛ общества с ограниченной ответственностью, наряду с исполнительным директором и иными органами управления, можно отнести единственного участника, который является высшим органом управления такой хозяйственной организации. Одобрение крупных сделок также находится в его компетенции. Следовательно, своим решением единственный участник может влиять на хозяйственную деятельность созданного им юридического лица. В поддержку правовой позиции Верховного суда относительно особенностей привлечения КДЛ к ответственности при банкротстве [5] целесообразно заметить, что возложение субсидиарной ответственности на КДЛ является «исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов при банкротстве», который не нарушает принцип самостоятельной имущественной ответственности юридического лица.

Правовая природа общества с ограниченной ответственностью предопределяет, собственно, пределы гражданско-правовой ответственности участника и риск его убытков, связанных с деятельностью общества – в пределах стоимости принадлежащей ему доли. Очевидно, что ООО является самой распространённой организационно-правовой формой хозяйствования коммерческих юридических лиц. По данным Федеральной налоговой службы РФ, по состоянию на 01.01.2018 в Едином государственном реестре

юридических лиц зарегистрировано 3 729 191 коммерческих организаций, из которых – 3 597 536 обществ с ограниченной ответственностью [10]. Таким образом, доля ООО в общем количестве коммерческих организаций составляет 96 %. В этой связи возникает вопрос: что же является целью образования получивших столь широкое распространение хозяйственных обществ? Очевидно, ограничение предпринимательского риска путем перенесения имущественной ответственности с учредителя на юридическое лицо, которое имеет обособленное имущество и, следовательно, несет самостоятельную имущественную ответственность по своим обязательствам. Таким образом, создание ООО одним учредителем, вызванное необходимостью в рассредоточении капитала ввиду возможного экономического кризиса, конкурентной борьбы и других причин, позволяет предотвратить потерю всего имущества данного лица, а также привлечь в дело иных лиц.

Ещё одним преимуществом ООО перед хозяйственными организациями иных организационно-правовых форм является то обстоятельство, что единственный учредитель (а со временем – участник), передав обществу право собственности на внесённое в уставный капитал общества в качестве вклада имущество, денежные средства и т. п., получает право на свою долю в этом капитале (100 %) и связанные с этим права, которые позволяют ему осуществлять контроль за деятельностью общества, утверждая его устав, формируя исполнительный и контрольный органы общества, а также решать вопросы относительно порядка использования прибыли общества, заключение имущественных соглашений на значительные суммы, привлечение должностных лиц органов общества к имущественной ответственности и прочие вопросы, которые относятся к компетенции общего собрания общества. Вновь возникает вопрос: есть ли гарантии возврата долга у кредиторов общества с ограниченной ответственностью – собственника имущества? Известно, что ответственность такого хозяйственного общества ограничена лишь наличным имуществом, а ответственность его участников – лишь вкладом в уставный капитал, минимальный размер которого сегодня составляет 10 тыс. р. (ст. 14 ФЗ «Об ООО»), и вряд ли может выполнять гарантийную функцию для кредиторов такого субъекта.

Часто неплатёжеспособность ООО является следствием недобросовестного и неразумного управления учредителя, но в законодательстве дополнительно обязанность учредителя (в качестве КДЛ) нести гражданско-правовую ответственность по обязательствам должника, предусмотрена

лишь в конкретных случаях, в частности в случае признания такого должника банкротом и отсутствием имущества у должника. Кроме того, с целью обеспечения прав кредиторов ООО, ч. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» и ст. 53.1 ГК РФ также предусмотрена субсидиарная ответственность учредителя как лица, которое имеет фактическую возможность определять и влиять на действия аффилированного юридического лица. Возложение субсидиарной ответственности на участника как КДЛ осуществляется при наличии совокупности следующих условий:

- ООО исключено из Единого государственного реестра юридических лиц как недействующее;
- долги ООО перед кредиторами возникли из-за неразумности и недобросовестности управления учредителя;
- заявление кредитора ООО о возложении субсидиарной ответственности на учредителя.

Отметим, что основным условием для привлечения учредителя к дополнительной ответственности по долгам подконтрольной коммерческой организации является недобросовестность и неразумность его поведения. Добросовестность поведения участника гражданских правоотношений является его обязанностью. Несмотря на то обстоятельство, что чёткого понятия «добросовестность поведения» участника гражданских правоотношений законодателем не определено, в ч. 3 ст. 307 ГК РФ указаны основные критерии определения такого поведения сторон:

- учитывать права и законные интересы сторон обязательства;
- взаимно оказывать необходимое содействие для достижения цели обязательства;
- предоставлять друг другу необходимую информацию.

Принцип добросовестности и разумности действий субъектов при осуществлении своих прав презюмируется (ч. 5 ст. 10 ГК РФ). Очевидно, что добросовестность поведения лица – это внешнее проявление принципа добросовестности. Свои истоки указанный принцип получил ещё в римском праве. В настоящее время, в процессе реформирования гражданского законодательства [3], он был воспринят действующим ГК РФ как универсальное правило осуществления субъективных гражданских прав.

Указанный принцип давно известен праву других государств. Так, например, Французский гражданский кодекс устанавливает запрет на частные соглашения, которые нарушают законы, затрагивающие общественный порядок и добрые нравы [12, ст. 6]. В Германском гражданском уложении добросовестность должника в обязательстве проявляется в соблюдении обычаев гражданского оборота [11, пар. 242]. Отметим, что нормативного

определения добросовестности поведения в указанных нормативно-правовых актах не предусмотрено. Однако немецкие учёные выделили основные признаки добросовестности, которые восприняты действующим ГК РФ:

- «каждая сторона должна сделать всё, чтобы взаимно облегчить исполнение обязательства, избегать всего, что может их отяготить или сделать невыполнимым,

- избегать нарушения прав другой стороны, ориентируясь на решения судебной практики, каждая сторона должна проявлять заботу о здоровье и собственности другой стороны,

- делать всё возможное для достижения цели договора,

- предоставлять необходимую информацию для исполнения договора» [9].

Правовая позиция Верховного суда РФ относительно принципа добросовестности, провозглашённого в ч. 3 ст. 1 ГК РФ, состоит в том, что, устанавливая добросовестность поведения лица, «следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе, в получении необходимой информации» [1, п. 1]. В то же время «негативные последствия, наступившие для юридического лица в период времени, когда в состав органов юридического лица входило названное лицо, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности его действий (бездействия), так как возможность возникновения таких последствий связана с риском предпринимательской и (или) иной экономической деятельности» [1, п. 25].

Казалось бы, коль скоро законодатель установил основные пределы добросовестного поведения сторон обязательства в ст. 307 ГК РФ, то разумность поведения таких лиц также должна быть определена законодателем. Тем более, что от установления степени разумности поведения КДЛ зависит возможность возложения на него имущественной ответственности (ст. 53.1 ГК РФ). Ю. Винниченко связывает «разумность» с целесообразностью действий субъекта, которые проявляются в правомерности таких действий [7, с. 11]. Однако критерии разумности поведения участника гражданского правоотношения остались за пределами правового регулирования – разумность поведения такого лица оценивает суд. Отметим, что практика делового оборота связывает также разумное поведение в предпринимательских отношениях с наличием делового опыта участника в определённой сфере и рациональностью его действий, т. е. обычного поведения любого участника при схожих обстоятельствах. Такой подход к разумному поведению участника, с

одной стороны, «укладывается» в рамки обычного гражданского оборота, а, с другой стороны, нивелирует сущность предпринимательского риска.

Итак, сегодня установлена возможность привлечения к субсидиарной ответственности КДЛ по обязательствам подконтрольной коммерческой организации, в частности ООО, в результате несостоятельности (банкротства) такой организации и в случае исключения из ЕГРЮЛ хозяйственного общества по решению регистрирующего органа в установленном законом порядке при условии недобросовестного или неразумного поведения КДЛ.

Анализируя такой способ защиты прав кредиторов, как возложение субсидиарной ответственности учредителя по долгам подконтрольного ему юридического лица, можно отметить, что законодательная новелла, установленная ФЗ-488 [4], отражает сущность теории «снятия корпоративной вуали», которая нередко применяется по отношению к компаниям, состоящим из одного участника. Суды признают, что в случае если корпорация состоит из одного участника, маска корпоративной собственности должна быть снята, чтобы кредиторы этого лица получили доступ к его имуществу, при наличии ряда условий.

Отметим, что внедрение постулатов теории «прокалывания корпоративной вуали», «снятия корпоративных покровов» в отечественное гражданское законодательство имеет как сторонников, так и противников. С одной стороны, она обеспечивает защиту и восстановление нарушенных прав кредиторов должника, а с другой стороны, применение её на практике в отношении, например ООО, ставит под сомнение принцип самостоятельной юридической ответственности по своим обязательствам и саму правовую природу такого вида корпоративных юридических лиц. Несмотря на то обстоятельство, что указанная теория имеет истоки в англо-американской правовой системе, основные её принципы восприняты действующим гражданским законодательством РФ (в частности, в ФЗ-488).

Однако для того, чтобы исключить злоупотребления со стороны кредиторов ООО, которое уже утратило правосубъектность, представляется целесообразным законодательно установить чёткие критерии добросовестности и разумности поведения лица, которое осуществляет контроль за деятельностью ООО. Несоответствие поведения КДЛ этим критериям будет свидетельствовать о его недобросовестном и неразумном поведении и основанием для возложения на него субсидиарной ответственности по решению суда по обязательствам подконтрольного ему ООО. Ещё раз подчеркнём, что в настоящее время лишь судебское усмотрение является определяющим фактором при возложении дополнительной имущественной ответственности на КДЛ по обязательствам должника.

Законодательная неопределённость добросовестности и разумности поведения КДЛ приводит к разночтениям в правоприменительной практике. Считаем недопустимым возлагать юридическую ответственность на лицо исключительно на основании судебного усмотрения – в России, всё-таки, основным источником права является не решение суда, а нормативно-правовой акт. Объективность принятого решения не должна зависеть от морально-нравственных качеств и правосознания судьи или рекомендаций вышестоящих судов.

Если учесть, что неблагоприятные имущественные последствия для ООО могут наступить в результате виновных действий лица, определяющего его хозяйственную деятельность, то целесообразно предпринимательский риск ООО разграничить с риском его единственного участника. Если предпринимательский риск ООО состоит в возможности возникновения убытков от предпринимательской деятельности, то его участник – КДЛ, рискует не только своим вкладом в уставный капитал ООО, но и собственным имуществом как дополнительный должник. Такое разграничение рисков заставит участника ООО – КДЛ при принятии решения относительно деятельности ООО понимать, что в случае наступления неблагоприятных имущественных последствий для ООО в результате подтверждённого решением суда виновного недобросовестного и неразумного поведения КДЛ при принятии решения у него возникнет обязанность возместить убытки, причинённые кредиторам ООО. Какое практическое значение будет иметь такое разграничение рисков? Так, например, единственный участник как высший орган управления ООО обладает исключительной компетенцией на принятие решения о согласии на совершение крупной сделки (ст. 46 ФЗ «Об ООО»). С целью проявления добросовестности поведения такой участник, по согласованию с другой стороной сделки, или по собственному усмотрению может застраховать свой деловой риск на случай нарушения исполнительным органом ООО условий сделки или на случай иных форм злоупотребления правами, что, в конечном итоге, может привести к нарушению прав контрагента (кредитора). Предлагаемая новация будет способствовать увеличению доверия со стороны кредиторов ООО с единственным участником, снижению риска фиктивного предпринимательства, фиктивного банкротства, доведения до банкротства со стороны КДЛ. Причём следует говорить не только о защите прав кредиторов, но и о защите интересов самого ООО. Таким образом, возложение дополнительной имущественной ответственности на участника ООО в качестве КДЛ по долгам подконтрольной ему коммерческой организации не подрывает принципа самостоятельной имущественной ответственности юридического лица и не влияет на правосубъектность ООО, а лишь повысит степень доверия к нему со стороны контрагентов.

Список литературы

1. Винниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2003. – 190 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2018. – № 1. (Ч. I). – Ст. 43.
3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009) // Вестн. Высш. арбитражного суда Российской Федерации. – 2009. – № 11.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28.12.2016 № 488-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. – 2017. – № 1. – Ст. 29, № 31. – Ст. 4815.
5. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: постановление Пленума Верховного суда РФ от 21 дек. 2017 г. № 53 // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/own/26273/> (дата обращения: 19 февр. 2018 г.).
6. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190; 2018. № 1. – Ст. 54.
7. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // [Электронный ресурс] Официальный интернет-портал Верховного суда РФ. – URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/own/8435/> (дата обращения: 18 февраля 2018 г.).
8. Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785; 2018. – № 1. – Ст. 70.
9. Принципы гражданского права и их реализация: моногр. / под ред. Т.П. Подшивалова, Г.С. Демидовой. – М.: Проспект, 2017. – 416 с.
10. Сведения о работе по государственной регистрации юридических лиц по состоянию на 01.01.2018 / Отчёт по форме № 1-ЮР (2017) // [Электронный ресурс] Данные по формам статистической налоговой отчётности. – URL: https://www.nalog.ru/rn78/related_activities/statistics_and_analytics/forms/6427754/ (дата обращения: 19 февр. 2018 г.).
11. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.buergerliches-gesetzbuch.info/bgb/242.html> (дата обращения: 15 февр. 2018 г.)
12. Code civil. Version consolidée au 3 janvier 2018 // [Электронный ресурс] Légifrance, le service public de l'accès au droit – Accueil. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721&dateTexte=20180211> (дата обращения: 15 февр. 2018 г.).

Институт отказа от права: применение в российском праве и в зарубежных правовых системах

В статье рассматривается механизм функционирования института отказа от права в Российской Федерации, который является малоисследованным в отечественной доктрине. Особое внимание уделяется отказу от договорных прав, анализируются условия действительности такого отказа и последствия его применения. В связи с этим проводится анализ положений норм п. 6,7 ст. 450.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающих возможность отказа от договорных прав при соблюдении определённых требований. Данное положение нормы п. 6 ст. 450.1 ГК РФ сопоставляется с общим запретом на отказ от осуществления прав, закреплённым в п. 2 ст. 9 ГК РФ. Критикуется подход правоприменительной практики, особенно часто имевший место до введения в действие нормы п. 6 ст. 450.1 ГК РФ, согласно которому отказ от права запрещается. Отстаивается позиция о необходимости разграничения отказа от прав и отказа от осуществления прав, правопрекращающим эффектом при этом наделяется именно отказ от права. Отказ от права – это преднамеренный добровольный отказ от существующего известного права. Исследуются методы правового регулирования отказа от права в наиболее развитых иностранных правовых системах, выявляя в рамках такого анализа сходства и различия с регулированием в отечественном праве. Делается вывод о необходимости изменения формулировки п. 6 ст. 450.1.

The article is devoted to the examination of waiver of right, main principles of its operation in Russian Federation. The institute of waiver is scantily explored in the national doctrine. Particular attention is paid to the waiver of contractual rights, the conditions of validity of such waiver and the consequences of its application. In this regard, the analysis of the provisions of paragraphs 6.7 of article 450.1 of the Civil Code of the Russian Federation is being made, which provide the possibility of waiver of contractual rights under certain requirements. This statement of the provision of paragraph 6 of article 450.1 is being compared with the general ban of rejection of right, set in paragraph 2 of article 9. The author criticizes the approach, that took place especially often before the introduction of the rules of paragraph 6 of art. 450.1 of the Civil code, according to which the waiver is prohibited. The author suggests that the relinquishment of a right is an intentional voluntary rejection of a known existing right. There is a review of legal regulation of waiver

in foreign legislation, which shows differences and similarities with national regulation of waiver. It is argued that the wording of paragraph 6 of article 450.1 needs to be changed.

Ключевые слова: отказ от права, отказ от осуществления права, новелла гражданского законодательства, противоречивое поведение, договор, английское право.

Key words: waiver, common law, reform of the Civil Code of the Russian Federation, consideration, relinquishment of a right, German law, contract.

Проблема разграничения отказа от права и отказа от осуществления права

В настоящей статье речь идет о новом институте российского гражданского права, который получил своё законодательное закрепление в п. 6 и 7 ст. 450.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Появление этих законоположений обусловило возникновение ряда спорных вопросов в правоприменительной практике ввиду отсутствия в действующем законодательстве чётких критериев того, от каких прав отказаться можно, а от каких – нельзя [7]. Искать основания соответствующего разграничения следует в определении соотношения содержания п. 2 ст. 9 ГК РФ, устанавливающего в виде общего правила запрет на отказ от осуществления гражданских прав, и предписаний п. 6 и 7 ст. 450.1 ГК РФ, заключающих в себе специальные правила для отказа от договорных прав.

Указанным нормам необходимо обеспечить непротиворечивое сосуществование, для чего правоприменительной практике требуется чётко разграничивать случаи их применения.

Само по себе закрепление на законодательном уровне возможности отказа от прав представляется положительным явлением для отечественного правопорядка. Новеллы п. 6 и 7 ст. 450.1 ГК РФ направлены на решение проблем правоприменительной практики, ранее возникших благодаря наличию п. 2 ст. 9 ГК РФ. До упомянутой реформы ГК РФ в большинстве случаев отказы от прав признавались ничтожными, так как суды, как правило, усматривали в п. 2 ст. 9 ГК РФ полный запрет на отказ от прав любого рода.

Например, в одном из дел установленный отдельным соглашением сторон отказ стороны договора от взыскания договорной неустойки суд признал недействительным ввиду того, что такой отказ противоречит п. 2 ст. 9 ГК РФ [12]. С аналогичными последствиями суд признал противоречащим п. 2 ст. 9 ГК РФ взимание штрафа за расторжение договора, посчитав, что

фактически такое договорное условие означает отказ стороны договора от права на расторжение договора [13].

Благодаря доминированию этой правовой позиции серьёзному ограничению подвергались и права участников корпоративных отношений. В судебной практике выработалось отрицательное отношение к корпоративным соглашениям участников хозяйственных обществ, регулиующим порядок реализации отдельных корпоративных прав (и предусматривающим отказ участника общества от права на выход из него, отказ от права продажи долей третьим лицам, воздержание от голосования). Так, в одном из дел суд указал, что соглашения о распоряжении акционерами своими правами фактически являются отказом от прав, предоставленных им законом и таким образом нарушают предписания п. 2 ст. 9 ГК РФ [14].

Впрочем, следует отметить, что в судебной практике иногда встречался и противоположный подход к квалификации отказа от определённого права. Так, в одном из дел суд посчитал возможным установление обязанности принципала не совершать самостоятельных действий по сбору платежей за электроэнергию, поставляемую по договорам электроснабжения. В этой связи он отклонил ссылку стороны на положения п. 2 ст. 9 ГК РФ [15]. Таким образом, единообразия в судебной практике по применению п. 2 ст. 9 ГК РФ не было и в период существования прежней редакции ГК РФ.

Как справедливо отмечает Т. А. Гусейнов: «До проведения реформы ГК РФ ни в доктрине, ни в судебной практике не было выработано четких критериев отказа от права, разграничения отказа от права от отказа от осуществления права» [5]. По вопросу определения и разграничения данных явлений друг от друга существует большая дискуссия в отечественной цивилистической доктрине. При этом оспаривается и сама ценность такого разграничения [4, 6].

Интересен подход немецкой доктрины к решению проблемы разграничения упомянутых выше двух видов отказов. В правовой системе Германии существуют два правовых явления: отказ от права (*Verzicht*) и неосуществление права (*Nicht-ausübung*). Неосуществление права представляет собой простое бездействие. Водоразделом, разграничивающим неосуществление права от отказа от права, выступает отсутствие волеизъявления, направленного на прекращение права. Неосуществление права не означает прекращения данного права, оно не влияет на динамику правоотношения, и лицо может реализовать такое право в дальнейшем, прервав своё бездействие. Напротив, при отказе от права не допускается осуществление этого права в дальнейшем, так как оно прекращается в момент отказа от него [16].

Далее мы увидим, что подход отечественной правовой системы к разграничению двух видов отказов схож с подходом немецкой доктрины.

Положения п. 2 ст. 9 ГК РФ сформулированы таким образом, что проведение четкого разграничения отказа от права от отказа от осуществления права является затруднительным¹. На этом основании формируется и соответствующая судебная практика, приведённая выше, где выводы судебных инстанций основаны на смешении отказа от осуществления права с отказом от права, что естественно исключает возможность обоих типов отказов.

В этой связи интересен вывод Верховного суда РФ, сделанный его экономической коллегией в марте 2016 г. [11]. Высшая судебная инстанция установила, что предусмотренный в договоре отказ подрядчика от права на удержание «не противоречит п.2 ст. 9 Гражданского Кодекса в силу диспозитивности норм ст. 359, 712 Гражданского Кодекса». Следовательно, Верховный суд РФ исходит из того, что содержащийся в п. 2 ст. 9 ГК РФ запрет распространяет своё действие только на права, юридически обеспеченные императивными нормами законодательства. Вместе с тем высокий суд указал, что диспозитивность или императивность нормы следует определять, руководствуясь п. 2 постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и её пределах» (далее – Постановление № 16). Таким образом, данная позиция высшей судебной инстанции применима лишь для толкования п. 2 ст. 9 ГК РФ при разрешении споров, следующих из договорных правоотношений, потому что Постановление № 16 определяет правила квалификации только тех норм, которые устанавливают права и обязанности сторон договора [8].

На наш взгляд, целесообразно признание необходимости разграничения двух поименованных выше видов отказов². Практический смысл данного разграничения состоит в возможности истолковать норму п. 2 ст. 9 ГК РФ как исключаящую последствия в виде прекращения права лишь в случае отказа от осуществления данного права, п. 2 ст. 9 ГК РФ указывает, что *от-*

¹ П. 2 ст. 9 ГК РФ: «Отказ граждан и юридических лиц от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав, за исключением случаев, предусмотренных законом».

² Наиболее точное и понятное соотношение данных явлений, на наш взгляд, было дано ещё классиком немецкой пандектики Б. Виндшейдом. Отказ от права и воздержание от его осуществления имеют похожий эффект: отсутствие действия субъективного гражданского права. Вместе с тем в отношении воздержания от осуществления права при отпадении правового основания «спящее» право восстанавливается и становится способным к реализации, тогда как при отказе от права оно прекращается и для его восстановления уже нужен новый юридический факт.

каз от осуществления права не влечёт прекращения этого права, т. е. воздержание лица от осуществления принадлежащего ему права; допускаемые им ограничения в осуществлении своего права, не направленные прямо и недвусмысленно на прекращение соответствующего права, нельзя квалифицировать в качестве правопрекращающего факта. В связи с этим представляется справедливым вывод А.В. Саркисяна и Д.А. Новосельнова, полагающих, что: «п. 2 ст. 9 ГК РФ закрепляет принцип, согласно которому только прямое волеизъявление об отказе от права прекращает это самое право» [16, с. 101].

В свою очередь, однозначно и очевидным образом выраженный *отказ от права* повлечёт за собой последствия в виде прекращения данного права. В данном случае вступает в действие п. 6 ст. 450.1 ГК РФ. Последствием отказа от права является невозможность осуществления соответствующего права по тем же основаниям, за исключением наступления аналогичных обстоятельств вновь. Следовательно, суд не должен удовлетворять требование лица о реализации того права, от которого оно отказалось ранее.

Условия действительности отказа от права, установленные в п. 6 ст. 450.1 Гражданского кодекса РФ

Для того чтобы отказ от права, предусмотренный п. 6 ст. 450.1 ГК РФ признавался действительным, необходимо выполнение определённых условий. Так, лицо, заявляющее отказ от своего договорного права, должно осуществлять предпринимательскую деятельность. Стоит отметить, что отказ от права может иметь место и в сделках между потребителями и предпринимателями, однако правом на отказ будет обладать только более сильная сторона (предприниматель).

Таким образом, законодатель наделяет соответствующим правом на отказ лишь предпринимателя и лишает этого права потребителя. Такой дифференцированный подход законодателя представляется правильным. Данное решение можно объяснить с помощью принципа справедливости и следующим из него принципом защиты более слабой стороны в правоотношении³, и при этом оно не нарушает принцип равенства сторон гражданских правоотношений.

³ Уместно отметить, что, например, А.Л. Маковский считает содержащийся в п. 2 ст. 9 ГК РФ запрет на отказ от осуществления прав принципом, усиливающим другой принцип гражданско-правовых отношений – принцип защиты слабой стороны в гражданско-правовых отношениях.

Право – это всегда привилегия. Потребитель зачастую не способен разглядеть эту привилегию в отношениях с предпринимателем. Предприниматель в этих отношениях с потребителем действует в качестве профессионала в соответствующей сфере деятельности. В связи с этим он является более сильной стороной. Поэтому данное решение законодателя запретить отказ от права потребителем в отношениях с предпринимателем представляется обоснованным. Следовательно, условие договора, содержащее отказ потребителя от своего права (по отношению к предпринимателю), следует признавать ничтожным.

Лицо, отказывающееся от принадлежащей ему определённой привилегии, в каждом случае такого отказа должно в полной мере осознавать последствия своего действия: возможные материальные потери, утрату соответствующей обязанности контрагента, корреспондирующей праву, от которого производится отказ, и возможные другие последствия, не столь очевидные на первый взгляд. Неслучайно Верховный суд США, рассматривая дело *Green v. United States*, отметил огромную расплывчатость термина «отказ», в связи с чем, по мнению суда, обозначаемый данным термином институт способен одновременно обернуться как благом, так и злом (*Green v. United States*, 355 U.S. 184, 191 (1957)) [16, с. 101].

Отказ возможен только в отношении существующих прав. Отказ от будущих прав невозможен⁴.

Сравнительно-правовой анализ действия института отказа от права в иностранных правовых системах

Отказ от права в англо-саксонской правовой семье. Изначально институт отказа от права родом из англо-саксонской системы права, поэтому рассмотрению регулирования отказа от права в рамках системы общего права будет уделено наибольшее внимание⁵. В правовой системе общего права лицо может отказаться от любого принадлежащего ему существующего права, о котором лицо непременно осведомлено, и если это не противоречит закону или основам правопорядка. Отказ от права

⁴ На это указывает формулировка п.6 ст. 450.1 ГК РФ: «...при наступлении предусмотренных законом или договором обстоятельств, служащих основанием для осуществления определённого права по договору».

⁵ Стоит отметить, что самые первые упоминания о действии института отказа от права можно обнаружить и в римском праве. Так, институт «*renuntiatio*» имел некоторые сходства с нынешним отказом от права. Указанный институт устанавливал отказ лица от права или заявление лица о нежелании приобретать право. (См., например, Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. М., 2003. С. 184.)

представляет собой ясное недвусмысленное и окончательное действие, направленное на определённую цель – отказаться от права [16, с. 99].

Институту отказа от права посвящена доктрина *waiver*, которая нашла своё отражение во всех отраслях права. Однако при этом отсутствуют какие-либо общие признаки отказа от права, применимые во всех отраслях права. Допустимость отказа от права будет определяться в каждом отдельном случае в зависимости от характера и типа правоотношений. С помощью института отказа от права (*waiver*) обеспечивается реализация двух взаимосвязанных целей: охрана достойного защиты доверия одной из сторон от непоследовательного поведения другой стороны и, как следствие, восстановление баланса интересов [6].

В английском праве нет общепринятого определения отказа от права. Наиболее широко известным считается определение отказа от права, данное Верховным судом США при рассмотрении дела *Johnson v. Zerbst* в 1938 г., где суд указал, что отказ от права – это преднамеренный отказ от известного права [5]. Более развёрнутое определение данного понятия можно обнаружить в некоторых хрестоматийных источниках общего права, где отказ от права – это преднамеренный добровольный отказ от известного права, требования, привилегии, выгоды или преимущества (*intentional voluntary relinquishment of some known right*).

Таким образом, соответствующий отказ должен быть выражен лицом однозначно, не должно быть сомнений в намерении лица отказаться от принадлежащего ему права. Отказ от права – ясное, недвусмысленное окончательное действие, направленное на определённую цель – отказаться от права. При этом, такое право, от которого лицо отказывается, должно существовать (запрещён отказ от будущих прав), и лицу должно быть известно о его существовании.

Обратимся к более детальному рассмотрению условий допустимости отказа от прав в рамках англо-саксонской системы права.

В странах англо-саксонской системы права признаётся возможность отказа как от договорных прав, так и от прав, закрепленных законом (в рамках уголовного процесса возможен отказ даже и от конституционных прав, предусмотренных поправками IV, V) [17]. Следовательно, отказ от договорных прав возможен практически во всех случаях, если только договором, в котором прописаны соответствующие права, не предусмотрено аморальное, противозаконное поведение. При этом отказ от договорных прав может быть принудительно исполнен. Отказ от прав, закреплённых законом, в том числе

от конституционных, возможен, но к нему предъявляются более строгие требования [1].

Действительность отказа от права в каждом конкретном случае подтверждает суд [17, с. 228–229], при этом он исходит из собственных убеждений, руководствуясь принципом справедливости, так как отказ от права – институт защиты справедливости [2].

Прежде всего суд должен оценить переговорные возможности сторон и положения контракта. В ситуации неравных переговорных возможностей суд устанавливает отказ от права недействительным, признавая его несправедливым. Аналогично, если суд сочтёт положения контракта аморальными, противоречащими публичным интересам или противозаконными, то отказ от какого-либо права по такому соглашению будет признан недействительным [16, с. 97] ввиду недействительности самого договора. Таким образом, порочность основного договора влияет на действительность осуществлённого отказа от права, порождённого таким договором. Сам отказ от права не должен нарушать интересы третьих лиц или публичные интересы.

Представляется важным остановиться на таком критерии действительности отказа от права в системе общего права, как наличие экономической целесообразности совершаемого отказа от права. По общему правилу, для действительности waiver'a не требуется наличие встречного предоставления (consideration).

Как верно подметили А.В. Саркисян и Д. А. Новосельнов: «...речь идёт именно об экономической выгоде, которая позволяет оценить разумность действий лица, его мотивы и цели» [16, с. 101], т. е. в действиях лица, совершающего отказ от принадлежащего ему права, должна усматриваться целесообразность. Отказываясь от определённой привилегии, лицо вместе с тем всё же извлекает из этого какую-либо пользу для своего экономического положения. По крайней мере, такой отказ не должен существенно ухудшать положение лица. Однако данное требование не всегда является императивным [2].

В этой связи уместно будет привести следующие примеры из судебной практики судов общей системы права, иллюстрирующие, что суды учитывают критерий разумности совершаемого отказа. Так, в деле *Lacey v. Laird* (1956) пациентка отказалась от права требовать компенсации из деликта за причинённые ей травмы взамен на проведение ей повторной операции. В другом деле профсоюз не воспользовался своим правом на забастовку, заявив отказ от соответствующего права, взамен на ежемесячную денежную компенсацию от работодателя (дело *Alexander v. Gardner-Denver Co*) [16, с. 101].

Как видим, в приведённых примерах лицо приобретало иное право, более привлекательное для него с экономической точки зрения, вместо того права, от которого произвело отказ.

Таким образом, в большинстве случаев, лицо, заявляющее отказ от права, должно получать соразмерную выгоду от такого отказа. Чаще всего, действие лица по отказу от права может быть объяснимо с точки зрения экономической целесообразности.

В рамках англо-саксонской системы права отсутствуют какие-либо специальные требования к форме отказа от права. Требования к форме совершения отказа от права установлены достаточно свободно и не привязаны к форме договора, из которого они проистекают. Waiver можно совершить устно или письменно, а равно посредством конклюдентных действий [18].

Следует прийти к выводу, что отказ от права может быть признан судом недействительным в следующих случаях: отсутствии переговоров сторон; отсутствии какой-либо пользы для одной из сторон от соглашения, предусматривающего такой отказ; наличии разных переговорных и рыночных возможностей сторон; и других подобных обстоятельств, свидетельствующих об ущемлении интересов одной из сторон рассматриваемого соглашения.

Отказ от права в романо-германской системе права. Источники европейского частного права устанавливают возможность отказаться от существующего права, при этом о его существовании лицу должно быть известно. Такой отказ возможен и от прав, закреплённых в императивной норме закона [10].

В правовом порядке Германии отказ является правомерным как от договорного права, так и от права, предусмотренного законом, например от преимущественного права. Как было отмечено ранее, отказу от права в правовой системе Германии соответствует институт *Verzicht*. Он представляет собой волеизъявление лица, направленное на прекращение права, для наступления правового эффекта которого достаточно его восприятия другой стороной [19].

В обязательственном праве Германии содержится большое количество норм, предусматривающих отказ от права⁶, однако Германское гражданское уложение (далее – ГГУ) не закрепляет базового регулирования

⁶ Например, отказ от права на зачёт (§ 387 ГГУ), отказ поверенного от права на расторжение договора поручения (абз. 3 § 671), отказ от возражения ссылаться на исковую давность (см. Vgl. BGH WM 1977, 311 (312); Staudinger J. von, Rieble V. Kommentar zum

отказа от права [16, с. 104]. Тем не менее, возможность осуществления отказа от права не оспаривается, так как закономерно следует из принципа свободы договора.

Особых правил в отношении формы отказа от права в немецком правопорядке не установлено, по общему правилу такой отказ может быть произведён в любой форме. Однако существуют специальные правила для осуществления отказа от права на недвижимость. Вместе с тем несоблюдение таких требований к форме отказа от права на недвижимость не влечёт недействительность отказа от права (§ 29 Положения о порядке ведения полевой книги). Момент вступления в силу отказа от права на недвижимость или отказа от вещных прав связан с моментом внесения соответствующей записи об отказе в полевую книгу (момент регистрации соответствующего отказа от права) [16, с. 112].

Следует сделать вывод, что в наиболее развитых правовых системах отсутствует в качестве общего принципа установление запрета на отказ от прав, и отказ от прав возможен как в отношении прав, закреплённых диспозитивной нормой права, так и в отношении прав, содержащихся в императивной норме закона.

Неясна область применения нормы п. 7 ст. 450.1 Гражданского кодекса РФ

Кратко рассмотрим положение нормы п. 7 ст. 450.1, где говорится, что неосуществление права в срок, предусмотренный законом или договором, влечёт отказ от него в предусмотренных законом случаях. Непонятна область применения указанной нормы ввиду отсутствия ясности, к каким нормам отсылает п. 7 ст. 450.1⁷. Если речь о специальных нормах об утрате права в случае его неосуществления в установленный законом срок, то такое регулирование представляется излишним⁸.

Bürgerlichen Gesetzbuch: Staudinger BGB. Buch 2: Recht der Schuldverhältnisse §§ 397-432 (Erlaß, Abtretung, Schuldübernahme, Schuldner- und Glaubigermehrheit). 2012. Rn. 77).

⁷ П. 7 ст. 450.1 ГК РФ: В случаях, установленных настоящим кодексом, другими законами, иными правовыми актами или договором, правила п. 6 настоящей статьи применяются при неосуществлении определенного права в срок, предусмотренный настоящим кодексом, другими законами, иными правовыми актами или договором.

⁸ Последствия истечения сроков исковой давности урегулированы специальными нормами. В свою очередь определение предельного срока осуществления права договором не допускается, так как противоречит императивным положениям ст. 198 ГК РФ (см.: https://zakon.ru/blog/2015/10/12/otkaz_ot_dogovora_odnostoronnee_izmenenij_ego_uslovij_i_otkaz_ot_dogovornykh_prav_po_modeli_waiver_ko)

Несмотря на существующие противоречия в толковании норм п. 6 и 7 ст. 450.1 ГК РФ, обсуждаемая нами новелла внесла определённую ясность в правовое регулирование, о чём свидетельствует и судебная практика, применяющая указанные нормы при разрешении соответствующих споров о действительности произведённого отказа от права.

Эстоппель и отказ от права: родство правовых институтов и практически одновременное появление в Гражданском кодексе РФ

Наряду с институтом отказа от права важно отметить и почти одновременное появление в российском праве института эстоппель. Оба указанных правовых института представляют собой действие принципа, запрещающего противоречивое поведение. Доктрина непротиворечивого поведения, лежащая в основе обоих правовых инструментов, делает отказ от права и эстоппель (правовой механизм, действующий в результате противоречивого и недобросовестного поведения стороны, и выражающийся в виде утраты таким лицом права на возражение) родственными институтами. В положениях действующего Гражданского кодекса РФ содержатся нормы, лишаящие лицо права оспорить или расторгнуть договор в указанных случаях.

Таким образом, оба правовых института блокируют негативные последствия непоследовательного поведения стороны, защищая при этом сторону, которая полагалась на действия недобросовестной стороны. Вместе с тем это два разных правовых инструмента, направленных на единую цель пресечения недобросовестного противоречивого поведения стороны. В рамках данного исследования мы не будем углубляться в детали разграничения указанных правовых явлений. Добавим лишь, что теперь эстоппель закреплён в нескольких нормах Гражданского кодекса, предусматривающих случаи его применения⁹.

Представляется, что п. 6 ст. 450.1 ГК РФ должен применяться во всех случаях отказа от договорных прав, причём такой отказ не может предполагаться, и в каждом отдельном случае должно быть установлено прямо и очевидно выраженное волеизъявление правообладателя на прекращение его субъективного гражданского права.

Применение обсуждаемой новеллы гражданского законодательства призвано исключить случаи непоследовательного, недобросовестного и

⁹ Речь идёт о следующих нормах Гражданского кодекса РФ: п. 2 и п. 5 ст. 166, п. 2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1 ГК РФ.

противоречивого поведения лица, поскольку такое поведение влечёт непрогнозируемые потери у другой стороны и нарушает принцип добросовестности участников гражданского оборота.

В заключение следует указать на необходимость изменения формулировки п. 6 ст. 450.1 ГК РФ: вместо слов «отказ от осуществления права» следует использовать фразу «отказ от права». Это важно для недвусмысленного отражения в законе идеи доктрины о необходимости разграничивать два вида такого отказа, о которой идет речь в тексте настоящей статьи.

Отечественная судебная практика должна пойти вслед за доктриной и воспринять строгий критерий установления в каждом отдельном случае наличия именно отказа от права: отказ от права – это чётко и недвусмысленно выраженная воля лица на отказ от принадлежащего ему существующего права.

Список литературы

1. Беляева К.К. Институт отказа от права в сравнительно-правовом контексте // Вестн. гражданского права. – 2017. – № 3. – С. 13.
2. Бойко Т.С. Отказ от права и воздержание от осуществления права: российский и англо-американский подход // Закон. – 2012. – № 3.
3. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Общая часть. – СПб., 1874. – Т. 1. – С. 145–146.
4. Гонгало Б.М., Коновалов А.В., Крашенинников П.В. и др. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / под ред. П.В. Крашенинникова // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
5. Гусейнов Т. А. Отказ от договорных прав после реформы ГК. Когда удастся убедить суд в его правомерности // Арбитражная практика для юристов. – 2017. – № 3. – С. 62.
6. Зайцева Н.В., Седова Ж.И. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. – М., 2014.
7. Карапетов А.Г. Правовая природа и последствия нарушения ковенантов в финансовых сделках. Частное право и финансовый рынок: сб. ст. Вып. 1 / отв. ред. М.Л. Башкатов. – М.: Статут, 2011. – 367 с.
8. Карапетов А.Г., Фетисова Е.М. Практика применения арбитражными судами постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 №16 «О свободе договора и её пределах» // Вестн. экон. правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 12. – С. 152.
9. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). – М., 2010.
10. Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н. Ю. Рассказова. – М.: Статут, 2013.

11. Определение Верховного суда РФ от 29 марта 2016 г. № 306-ЭС15-16624 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
12. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 19.04.2006 по делу № А58-3284/05-Ф02-1689/06-С2 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
13. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 15.05.2007 по делу № А03-7454/2006-30. Постановление Волго-Вятского округа от 03.02.2010 по делу № А82-377-/2009-8 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
14. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 31.03.2006 по делу № А75-3725-Г/04-860/2005 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
15. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 20.05.2003 по делу № А56-34120/02 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
16. Саркисян А. В., Новосельнов Д. А. Об отказе от права и его последствиях // Вестн. экон. правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 4. – С. 102.
17. Berg J. W. Understanding Waiver. Houston Law Review. 2003. Vol. 40. Iss. 2. P. 340.
18. Chitty on Contracts. 30 th ed. Sweet & Maxwell, 2008. Vol. 1. 22-041.
19. Munchener kommentar zum Burgerlichen Gesetzbuch. 4. Auflage. 2016. S. 117.

**К вопросу о соотношении «права» и «интереса»
в гражданском праве**

В статье предпринята попытка соотнести и связать между собой оба названных феномена, выделяя варианты детализации существования интересов в правовом поле. Рассматривается вопрос о сущности охраняемого законом интереса в цивилистической доктрине, роли охраняемого законом интереса в механизме правового регулирования и определяется роль интереса в возникновении субъективного права. Аргументируется авторская точка зрения и делаются выводы с учетом анализа мнений различных ученых-цивилистов.

The author attempts to correlate two phenomena, highlighting the verbosity options of the existence of interests in the legal field. Considering question about nature of the interest protected by law in the civil law doctrine, role of protected legal interest in the mechanism of legal regulation defines and the role of interest in emergence of subjective rights, arguing their point of view and making conclusions based on analysis of opinions of different scientists-jurists.

Ключевые слова: интерес, право, субъективное право, частный интерес, законный интерес, общественные отношения, потребности, законодательство.

Key words: interest, right, subjective right, private interest, legitimate interest, public relations, needs, legislation.

Практическая деятельность требует комплексного понимания такого феномена, как интерес. Интересу присущ социальный характер, поскольку для того чтобы удовлетворить интерес, лица вступают в определенные общественные отношения, которые, в свою очередь, детерминируются социальными, экономическими, психологическими, политическими факторами. Поэтому «интерес, направляя человека на тот или иной способ удовлетворения потребности, является промежуточным звеном между биологическими и социальными факторами, которые определяют сущность потребности, и общественными отношениями, которые активизируются, направляются и во

многим определяются существующими интересами» [6, с. 21]. Итак, феномен интереса заключается в гармоничном сочетании субъективной и объективной нагрузки. Хотя существует и другая позиция, что интересы в праве связаны с существованием пробелов в материальном праве [12, с. 189; 11, с. 476]. Соотношение объективного права и интереса, их взаимозависимость и взаимообусловленность обращают на себя внимание с точки зрения учета наличия двух аспектов: «... разновидности социальных интересов (интересы личности, коллектива, класса, общества, государства; экономические, политические и другие интересы) и разновидности самого права (разные его нормы, отрасли; объективное и субъективное право и тому подобное). Поэтому, рассматривая взаимодействие права и интересов, надо всегда иметь в виду качественную неоднородность и сложность явлений, что изучаются» [6, с. 26]. Право выступает, по словам Р. Е. Гукасяна, «универсальным компромиссным средством», которое дает возможность реализовать и гарантировать защиту существующих интересов, находить баланс между публичными и частными интересами, в определенных случаях применяет государственно-властное влияние на общественные отношения, доказывает его атрибутивность в процессе эффективного сочетания личного и общественного в государстве [3, с. 214]. «Иеринг указывал, что права существуют не для того, чтобы осуществлять идею абстрактной правовой воли, а для того, чтобы служить интересам, потребностям и целям гражданского оборота» [1, с. 874].

В 60-х годах XX в. появилась теория, что право и интерес надо не смешивать, а противопоставлять друг другу [10, с. 66]. Хотя с этим трудно согласиться – это не антагонистические явления. Одно следует из другого (а именно право – из интереса), интерес формирует, изменяет объективное право, становится причиной возникновения, реализации, изменения или прекращения субъективного права. Фактически можно проследить три варианта детализации существования интересов в правовом поле.

Во-первых, когда отдельный интерес полностью отражается в праве, что побуждает к закреплению его в конкретных нормах – отображение охраняемых законом интересов в объективном праве. «В этом случае право является определенным «фиксатором» интереса и одновременно своеобразной мерой его претворения в жизнь и защиты» [6, с. 33].

Во-вторых, интересы закрепляются и отражаются через субъективные права. Однако может возникнуть ситуация, когда интерес полностью находит свою «поддержку в праве», отображается в одних нормах и защищается

рядом других, но в полной мере реализоваться не может, потому что находится в ограниченном сочетании с другими законными интересами различных субъектов права.

В-третьих, ситуация, когда интерес с самого начала существует вне права, или не полностью им закрепляется, или зафиксирован в праве, но в недостаточной или нежелательной для субъекта степени.

В объективном праве, на уровне с субъективными правами, должна существовать конструкция, которая бы своевременно и динамично реагировала на потребности жизни, которая не останавливается ни на миг. «Право является более статичным, чем регулируемые им отношения. Оно почти всегда “отстает от жизни” как при упорядочении социальных связей, так и при опосредовании различных интересов». Также понятно, что «законодатель, как правило, не успевает “признать” (закрепить, оформить законом) новые социальные возможности и интересы, что появляются» [5, с. 30–31]. Поэтому и существуют интересы, «которые “пробивают” себе дорогу в “законодательную материю”, “стремятся” закрепить свое признание в объективном и субъективном праве, “лоббируют” право на свое существование в “защищаемом государством”, в “гарантированном” виде. Эти интересы, в случае их соответствия сущности и принципам права в целом можно назвать законными» [6, с. 69–70].

Интересы как юридическая категория, с одной стороны, отражают жизнь в своевременном восприятии, а с другой, – обеспечивают баланс, уравнивают нормативную материю с воображением о справедливости и праве в широком смысле. Но право как идеальная модель не способно в полном объеме удовлетворить ни одного человека. Его универсальность одновременно становится опосредованным подходом – благо для всех не станет благом для конкретно взятого человека. И это имеет свой смысл, ведь «справедливость, как и равная мера уплаты за содеянное, – не всегда благо, а тем более – истина» [11, с. 40].

Вопрос о сущности охраняемого законом интереса в цивилистической доктрине нередко был предметом отдельного самостоятельного исследования. В то же время эта проблема продолжает иметь самостоятельный характер, является актуальной и заслуживает глубокого анализа. Если обратиться непосредственно к внешним проявлениям охраняемого законом интереса, можно увидеть, что стремление человека обладать благами (материальными, социальными, культурными и т. п.), скрытое или осознанное, первичное является основным посылом становления и развития цивилизации и ключевым аспектом жизнедеятельности гражданского общества, которое,

выступая средством сосуществования индивидов, столкновений и противостояний индивидуальных интересов, урегулируется диалектической парой: право-интерес, где право – результат деятельности государства, а интерес – движущий фактор и результат деятельности и развития гражданского общества.

Вопросы о роли охраняемого законом интереса в механизме правового регулирования являются достаточно актуальными, поскольку интерес влияет на волю и сознание лиц, а не только выступает инструментом для автоматического применения правовых норм. Правовое регулирование – это специальное действие права, которое отличается по форме и по смыслу, осуществляется через субъективные права и обязанности субъектов права. В этом случае речь идет не о простом влиянии права (воздействие на чувства, мысли), а строго определенном предписании возможного и необходимого поведения. Интересы – это разрешения, и они, безусловно, также являются регуляторами поведения лиц, но регуляторами другого рода, которые имеют положительную разрешительную окраску.

Сущностью охраняемого законом интереса в том числе является то, что он формирует метод правового регулирования гражданского права, поскольку обуславливает, каким образом отношения регулируются нормами права, а также характер правового регулирования. Так, гражданско-правовой интерес является движущей силой, обеспечивающей выражение свободного волеизъявления участников правоотношений при реализации своих прав, предполагает многовариантность поведения субъекта правоотношений, когда субъект самостоятельно принимает решение относительно возможных действий в этих отношениях. Именно гражданское право позволяет как отдельной личности, так и всевозможным объединениям лиц реализовать инициативу, основанную на юридическом равенстве и свободном волеизъявлении, инициативу, направленную на реализацию прежде всего и главным образом частного интереса. Кроме того, наличие частных интересов в гражданских правоотношениях предопределяет равенство правового статуса их субъектов. Для частного права характерны «дозволенность и управомоченность, т. е. предоставление субъектам возможностей совершения инициативных юридических действий – самостоятельного использования различных правовых средств для удовлетворения своих потребностей и интересов» [2, с. 45].

Компромисс, который достигнут субъектами – носителями частных охраняемых законом интересов, прогрессирует в гражданских правоотношениях, и это обуславливает диспозитивный характер норм частного права.

В. Ф. Яковлев в свое время отмечал, что «частноправовой метод регулирования общественных отношений характеризуется предоставлением субъектам правоотношений инициативы использования правовых средств для удовлетворения их материальных и духовных интересов» [13, с. 69]. А поскольку характер интересов – разрешительный, он наилучшим образом вписывается в диспозитивность метода, а с другой стороны, требует такой диспозитивности, тем самым формируя метод гражданского права таким образом, чтобы наиболее эффективно обеспечить реализацию и удовлетворение частных (индивидуальных) интересов. Порой интерес координирует динамику разнородных общественных отношений и определяет юридические способы и средства, которые влияют на эти отношения. Возможно, он не является четко определенным и юридически обеспеченным, но имеет глубинные психологические и социальные факторы правового регулирования.

С. В. Михайлов отмечает, что категория интереса, устанавливая связь между лицом и благами (что представляют для него ту или иную ценность), определяет предмет гражданского права, которым выступают не только имущественные, но и личные неимущественные отношения, связанные или не связанные с имущественными. Имущественное обеспечение, которое составляет основу индивидуальной свободы человека, предоставляет ему возможность реализации моральных, духовных интересов [8, с. 60]. На основе личных неимущественных благ лица формируются личные неимущественные интересы, которые возникают вследствие необходимости удовлетворения личностью своих потребностей.

Роль интереса заключается в том, что, будучи отношением субъекта к благу, интерес определяет его ценность, благодаря которой благо (предмет интереса) получает товарно-денежное выражение. Таким образом, интерес субъекта к определенному благу по мере его становления как участника рынка трансформируется и получает товарно-денежный характер [8, с. 61]. В данном случае тезис о том, что охраняемые законом интересы формируют предмет и метод гражданского права, справедливо подтверждает следующая мысль: «Частное право построено на началах координации (согласования) деятельности юридически равных участников регулируемых отношений, реализующих собственные (частные) интересы, и потому представляет собой систему их децентрализованного регулирования» [2, с. 7]. Ведь гражданское право – основная отрасль права, регулирующего частные личные неимущественные и имущественные отношения, которые формируются по инициативе их участников и преследуют цели удовлетворения их собственных (частных) интересов.

В этой структуре частный интерес можно определить как своеобразное «протоправо» (от греч.: «протос» – первый, первоначальный), т. е. интерес возникает в момент выяснения индивидуумом необходимости в получении определенного материального или нематериального блага, а уже потом может найти отражение в субъективном праве.

Отражение интереса в нормах частного права объективно проследить невозможно. Под отражением, скорее, имеется в виду интуитивное ощущение. В этом случае уместно вспомнить диспозитивный цивилистический принцип *in favorem* – разрешено все, что не запрещено законом, благодаря которому носитель интереса способен его реализовывать фактически самостоятельно, не будучи зависимым от рамок правового поля. Фактически, интерес побуждает личность к его реализации, а реализация интереса выливается в правоотношения, которые уже предусматривают субъективное право и обязанность и урегулированы нормой частного права, которой опосредован и благодаря которой охраняется частный интерес.

Таким образом, говорить о защите интересов «по аналогии» не совсем корректно, скорее, можно говорить о том, что одноплановые частные интересы, которые, вероятно, и имеют некоторые отличия, получают законную (легитимную) охрану, когда в результате реализации воплотятся в определенные правоотношения, урегулированные нормой частного права.

Как и право, охраняемый законом интерес выступает регулятором общественных отношений. Свойственная ему регулятивная функция реализуется путем предоставления законной (легитимной) охраны интересам, которые соответствуют основополагающим критериям развития социума, государства. В отличие от права, интерес не имеет охранной функции и влияет на отношения не активно, а реактивно, проецируя свои трансформации в возникновении, изменении и прекращении общественных отношений. Стоит согласиться с Г. В. Мальцевым, который отмечал, что «невозможно представить себе действие юридической нормы без поддержки и сопровождения интересов людей, в сознании которых эта норма оказалась связанной с целями реального поведения. То, что лица действуют согласно юридических норм, имеет, по сути, простое объяснение: это соответствует их интересам и потребностям» [7, с. 265]. Интерес обуславливает инициативу субъектов права в реализации правосубъектности путем волеизъявления. А с другой стороны, право бесспорно регламентирует множество интересов, что отражается в их легитимной охране, создании благоприятных условий для их реализации.

Таким образом, напрашиваются следующие выводы: во-первых, охраняемый законом интерес как юридическая категория способен к урегулированию нормами и механизмами частного права. С одной стороны, охраняемый законом интерес является субъективным, поскольку выступает психологическим отношением лица к определенному явлению или общественным связям в каждом конкретном случае. С другой стороны, интерес является явлением объективным, поскольку отражает объективные факторы, которые заключаются в необходимости удовлетворения потребностей, которые уже существуют или возникнут в обозримом будущем. Этот нюанс перекликается с правом вообще, поскольку оно, выражая волю людей как проекцию желаний объективного большинства, имеет субъективный смысл, а объективно – формируется в виде законодательных норм. Весь спектр частных интересов невозможно охватить законодательством, и нельзя ставить такую задачу перед ним. Следовательно, законную (легитимную) охрану приобретают охраняемые законом интересы, выделенные среди других диалектическим сотрудничеством государства и гражданского общества, т. е. такие, которые не противоречат позитивному законодательству, общим принципам права, интересам гражданского общества и государства. Охраняемые законом интересы должны быть реализованы именно в этих пределах.

Во-вторых, интерес является предпосылкой возникновения, развития и прекращения субъективного права. Субъективное право (мера разрешенного поведения) следует рассматривать как средство реализации интереса, которая заключается в социальной потребности (необходимости) такого поведения. Путем реализации субъективных прав интересы воплощаются в правоотношениях, урегулированных нормами частного права.

В-третьих, интерес выступает своеобразной предпосылкой возникновения права, движущим посылом его реализации, а также установления, изменения и прекращения правоотношений. Охраняемый законом интерес нельзя отождествлять с субъективным правом. Субъективным правом управомоченному субъекту правоотношений устанавливается мера разрешенного поведения для удовлетворения его интересов. С другой стороны, мера разрешенного поведения обязанного субъекта определена обязанностью, что по смыслу правоотношений корреспондирует субъективному праву. Однако, в отличие от управомоченного субъекта, обязанное лицо действует не в своих интересах, а в интересах носителя субъективного права. Интерес управомоченного субъекта правоотношений получает законную защиту вместе с субъективным правом, в которое он воплотился в процессе реализации.

Кроме того, осуществление субъективного права предполагает возможность: 1) управомоченного лица осуществлять действия в пределах своего права; 2) требовать совершения определенных действий от обязанного лица; 3) обратиться к компетентным органам за защитой нарушенного права.

В свою очередь, интересу, в отличие от субъективного права, не корреспондирует встречная обязанность. Следовательно, реализация частного охраняемого законом интереса предполагает совершение действий в правовом поле – это условие распространения законной защиты и возможность обратиться в компетентные органы в случае, если со стороны кого-то возникнут незаконные препятствия. Наличие охраняемого законом интереса не обуславливает возникновение обязательств у других субъектов, действие охраняемого законом интереса *ab extra* выражается в нахождении компромисса с интересами других субъектов. В этом случае уместно привести слова И. А. Покровского, который отмечал, что рост субъективных прав человека идет параллельно росту его интересов, однако «это неуклонный рост личности имеет две стороны. В общем ходе экономического и культурного развития неизбежно увеличивается общий уровень требований личности в данной среде: растут самосознание и самооценка среднего, типичного человека, и в соответствии с этим расширяется общая система субъективных прав; право объективное неизбежно должно поспевать за растущим общим самосознанием и оказывать ему должное удовлетворение» [9, с. 120–121]. Далее ученый заключает: «Содержание гражданского права находится в прямой и непосредственной зависимости от содержания человеческих интересов, и вследствие этого гражданское право должно неизбежно развиваться вместе с развитием человеческой личности» [9, с. 132]. Как в данном случае не вспомнить тезис С. В. Михайлова о том, что «интерес и право имеют общее поле взаимодействия – это общественные отношения» [8, с. 26]. Для интереса характерным является отсутствие обязанности реализовывать интерес, носитель интереса должен сам осуществлять действия с целью его реализации. Другие субъекты (физические и юридические лица) выступают как обязанные лица по отношению к носителю интереса. Государство при этом должно ему способствовать, оказывая помощь в реализации указанного интереса, даже путем обязательства других лиц. Специфическими для субъективного права выступают обязательства субъектов правоотношений (физических или юридических лиц, государства) не нарушать права или осуществлять действия. Кроме того, интерес как необходимость удовлетворить потребности социального характера является первичным по отношению к субъективному праву, а остальное – производным от него. Интерес, являясь

таким уникальным юридическим феноменом, становится способом реализации субъективных прав и юридических обязанностей.

В-четвертых, интерес определяет предмет и метод гражданского права. Характер общественных отношений, составляющих предмет гражданского права, предопределяет и характер их правового регулирования. Частные интересы сторон в каждом конкретном правоотношении, как правило, являются противоположными. Совпадение противоположных интересов дает возможность их взаимного удовлетворения, когда субъекты являются юридически равными в условиях диспозитивного правового регулирования. При этом участники общественных отношений находятся в юридически равном положении, имеют широкую автономию воли в выборе конкретного варианта поведения, являются имущественно самостоятельными, что дает возможность саморегулирования в рамках основ гражданского права, разрешительном типе правового регулирования, в котором превалируют законодательные разрешения. Кроме того, носители частных интересов как участники гражданских правоотношений свободны как в своих действиях, не противоречащих закону, так и в возможностях на собственное усмотрение использовать или не использовать предоставленные гражданско-правовые способы и формы защиты своих интересов.

Список литературы

1. Гамбаров Ю. Общественный интерес в гражданском праве // Юрид. вестн. – 1879. – Июнь. – С. 861–891.
2. Гражданское право. Общая часть: учеб. для студентов: в 4 т. Т. 1. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.
3. Гукасян Р. Е. Избранные труды по гражданскому процессу. – М.: Проспект, 2009. – 480 с.
4. Кузбагаров М.Н. вопросу об удовлетворении интересов кредитора в рамках реализации положения статьи 446 ГПК РФ: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы юридической науки и практики: гатчинские чтения». – 2016. – СПб.: Изд-во: Гос. ин-та экономики, финансов, права и технологий (Гатчина). – С. 122–126.
5. Малеин Н. С. Охраняемый законом интерес // Сов. гос-во и право. – 1980. – № 1. – С. 17–34.
6. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 359 с.
7. Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. – М. : Юрид. лит., 1968. – 194 с.
8. Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. – М. : Статут, 2002. – 205 с.

9. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М. : Статут, 1998. – 353 с.
10. Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига: Латв. гос. изд-во, 1964. – 748 с.
11. Субочев В. В. Теория законных интересов: дис. ... д-ра юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 490 с.
12. Явич Л. С. Общая теория права. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – 285 с.
13. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. – 2-е изд., доп. – М. : Статут, 2006. – 240 с.

**К проблеме соотношения взаимности, возмездности
и английского встречного предоставления (consideration)**

В современном российском частном праве представление о возмездности, на наш взгляд, несколько примитивизировалось, в то время как экономические отношения значительно усложнились. Нерелевантность понимания возмездности судебной практикой реалиям экономики отрицательно сказывается на решении практических задач.

Практическая проблема заключается в следующем. Фактически ст. 423 ГК РФ, устанавливающая презумптивную возмездность договора, одновременно значительным образом редуцирует понятие возмездности, низводя данное понятие в интерпретации судебной практики, в первую очередь Верховного суда, до идеи обмена, подчас в самом буквальном смысле: обмена материальными ценностями, имущественными благами. Думается, все же, что возмездность, с одной стороны, не всегда предполагает встречное обязательство или встречную передачу имущества в рамках одной сделки, а с другой стороны, имущественный характер обязательства не всегда подразумевает, что всякое действие, являющее собой предмет обязательства имеет имущественный характер. В этой связи представляется полезным анализ опыта английского права, которое гораздо шире понимает институт встречного предоставления.

It seems that in present-day Russian private law the notion of compensation was somewhat primitivized, while economic relations became much more complicated in the modern world. The irrelevance of understanding onerousness in judicial practice to the realities of the economy adversely affects the solution of practical problems.

The practical problem can be described as following. In fact, Art. 423 of the Civil Code of the Russian Federation, which establishes the presumptive onerousness of the contract, simultaneously significantly reduces the notion of onerousness, reducing this concept in the interpretation of judicial practice, primarily the Supreme Court to the idea of exchange, and sometimes in the most literal sense: the exchange of material values, the exchange of property benefits. It seems, however, that onerousness, on the one hand, does not always imply a counter-obligation or counter-transfer of property, and, on the other hand, the property nature of an obligation does not mean that every action constituting the content of an obligation, taken by itself, has a property character. In this regard, it seems

useful to analyze the experience of English law, which understands the institution of consideration much more widely.

Ключевые слова: взаимность, возмездность, встречное предоставление, двусторонний договор, синаллагматический договор, обязательства, обмен имущественными благами.

Key words: reciprocity, onerousness, consideration, bilateral contract, synallagmatic contract, obligations, exchange of material values.

Принцип возмездия в самом приземленном своем смысле находит воплощение в древней максиме «око за око и зуб за зуб». Как справедливо утверждает Р. фон Иеринг, «нет, кажется, положения грубее, пошлее и тривиальнее этого, но вместе с тем едва ли есть другое равное ему по глубине и необъятной ширине его содержания» [3]. Вопрос соотношения возмездности и взаимности хотя и рассматривался в отечественной литературе, исчерпывающего разрешения не получил. Представляется, что соотнесение данных институтов отечественного права с английским институтом встречного предоставления может быть полезным в контексте выработки оптимальной модели рассматриваемого соотношения.

Практическая проблема заключается в том, что в современном российском частном праве представление о возмездности значительно упростилось, в то время как экономические отношения значительно усложнились. Указанное упрощение явилось следствием своеобразного крена судебной практики, сводящей идею возмездности к имущественному обмену.

Приведем несколько примеров подобного подхода из современной российской практики.

Так, в одном из дел суд указал: «По смыслу норм гражданского законодательства обязательственные правоотношения между участниками имущественных отношений основываются на принципах возмездности и эквивалентности обмениваемых материальных благ, недопустимости неосновательного обогащения. Эквивалентно-возмездный характер регулируемых гражданским правом имущественных отношений предполагает возмездную передачу имущественных прав одной из сторон в сделке в обмен на эквивалентно-определенное денежное либо имущественное предоставление другой ее стороной. Соблюдение принципа эквивалентности в

гражданско-правовых отношениях позволяет сохранить баланс имущественных интересов участников гражданского оборота»¹. При данном подходе еще большая редукция возмездности достигается за счет отождествления возмездности и эквивалентности встречных предоставлений, что не соответствует ни букве, ни смыслу закона.

В другом деле, находясь в как бы в плену обозначенного ограниченного подхода, суд пытается буквально изобрести обмен: «Также апелляционный суд считает обоснованными доводы Ответчика о том, что сделка по внесению спорного имущества в уставный капитал Ответчика не является безвозмездной, так как согласно требованиям п. 1 ст. 423 ГК РФ, дающего понятие возмездной сделки, в случае передачи имущества в уставный капитал участник общества получает встречное предоставление в виде права на получение части прибыли общества, права на получение действительной стоимости его доли при выходе из состава участников Общества и иные.

Таким образом, нельзя признать, что между участниками общества и самим обществом при передаче имущества в уставный капитал возникают безвозмездные отношения»².

Очевидно, что никакого встречного предоставления в виде субъективного права требования участник общества, внося имущество, не получает, и изобразить данную трансакцию в виде схемы «обязательство в обмен на обязательство» едва ли возможно. Но вместе с тем участник приобретает абстрактную правовую возможность, которая может реализоваться, а может и не реализоваться. В конечном итоге данная сделка не является безвозмездной, только лишь потому, что за ней стоит корыстный, эгоистический интерес участника, заинтересованного в экономическом процветании общества.

При этом следует принять во внимание тот факт, что возмездность представляет собой некую абстрактную характеристику договора, которая реализуется в различных формах применительно к различным видам и типам договоров. Что касается договоров синаллагматических, то в них указанная характеристика всегда будет реализована через генетический аспект синаллагматической связи обязательств, так как встречным предоставлением в таком договоре всегда будет являться именно обязательство, а не то,

¹ См.: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 10.08.2011 по делу № А63-7580/2010 // СПС «Консультант плюс», подобный подход также выражен в Постановлении ФАС Волго-Вятского округа от 04.06.2014 по делу № А29-1870/2013 // Консультант плюс: справ.-правовая система.

² См.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.12.2008 по делу № А56-17831/2008 // Консультант плюс: справ.-правовая система.

что должник должен исполнить по этому обязательству. И связь эта зиждется на взаимности или взаимообусловленности, или ценностном соотношении, которым стороны наделяют эти обязательства, следовательно, теоретически синаллагматический договор всегда возмезден, **так как строится на взаимном интересе сторон.**

При том, что легальная дефиниция генетического уровня синаллагматической связи отсутствует, опираясь на доктрину, осмелимся утверждать, что данная связь представляет собой все же нечто более широкое, чем просто обмен потенциальными имущественными благами. Из опыта, в частности английского права, очевидно, что такая связь не всегда выражена в обмене, по крайней мере не в самом буквальном, прямом его смысле³ [7].

Таким образом, имеющееся регулирование и правоприменительная практика создают ситуацию, когда имманентно синаллагматический⁴ договор может оказаться безвозмездным применительно к оценке согласно критериям, обозначенным в ст. 423 ГК в толковании, придаваемом данным положениям сложившейся судебной практикой, и предположим, подпасть под запрет, установленный ст. 575 ГК РФ.

Такая ситуация возможна в условиях кризиса теории договора и непонимании подчас того факта, что отношения сторон в рамках одного договора могут складываться в результате совершения ряда взаимосвязанных сделок, с одной стороны. С другой стороны, такая ситуация возможна, когда очевидное встречное предоставление в форме передаваемого материального блага отсутствует, а корыстный, эгоистический интерес сторон в трансакции очевиден. Само значение понятия «встречного предоставления» не вполне понятно. Очевидно, что зачастую речь идет об обязательстве. Но термин «встречное» этимологически наталкивает на мысль об обмене. В учебнике по российскому гражданскому праву следующим образом определяется возмездность: «Возмездной называется сделка, в которой обязанности одной стороны совершить определенные действия соответствует встречная обязанность другой стороны по предоставлению материального или другого блага. Возмездность в сделке может выражаться в передаче денег, вещей, предоставлении встречных услуг, выполнении работы и т. д.» [5, т. 1, с. 350].

³ Один из ярчайших примеров последних лет: *Williams v Roffey Bros. & Nicholls (Contractors) Ltd* [1991] 1 Q.B. Встречным предоставлением суд посчитал «factual benefit» или фактическую выгоду от того, что ранее взятое обязательство было исполнено в срок. В этом примере можно явно увидеть ситуацию, когда обмена нет, а корыстный интерес присутствует.

⁴ Или несиналлагматический, но все же возмездный договор, такие ситуации тоже возможны.

Упомянутый запрет дарения, установленный в ст. 575 ГК РФ, законом идентифицируется посредством оценки трансакции на предмет наличия или отсутствия возмездности⁵, хотя практика и ввела иные критерии такой идентификации, которые, как представляется, не удовлетворительны⁶, но призваны решить практические проблемы, вызванные не вполне адекватным регулированием.

Приведем несколько примеров возможных проблемных ситуаций.

Наличествуется сделка, в соответствии с которой образовательная организация проводит ряд уроков иностранного языка для работников потенциального корпоративного клиента без взимания оплаты, обуславливая данное обязательство тем, что клиент обязуется оценить качество услуг и рассмотреть вопрос о заключении долгосрочного договора на обучение. При широком взгляде на ситуацию, «обещание подумать о заключении долгосрочного договора на обучение» является надлежащим встречным предоставлением, так как представляет собой обязательство, предметом которого является волеуопределенное действие к интересу кредитора. Практическая проблема заключается в том, что данное встречное предоставление не реализует идею обмена, т. е. встречность данного обязательства под вопросом, и уж тем более имущественного обмена в данной ситуации нет, т. е. исполнение данного обязательства вполне вероятно не создаст у кредитора приращения имущественных благ. В английском праве возможность подобного встречного предоставления не вызывает сомнений⁷. При этом данный договор, как представляется, является и возмездным, и синаллагматическим. И если, предположим, выяснится, что потенциальный клиент на момент заключения не собирался его исполнять, то исполнитель вправе воспользоваться всеми опциями, предоставляемыми на функциональном уровне синаллагматической связи.

⁵ Это следует из прямого указания п. 1 ст. 572 ГК: «По договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу, либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом».

⁶ Об этом речь пойдет далее, в частности, о соответствующей практике ВАС. Вместе с тем в практике встречаются дела, где суд не стал искать сложных путей и прямо признал безвозмездность квалифицирующим признаком дарения. См., например, Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 29.10.2007 № А19-4490/07-58-Ф02-8055/07 по делу № А19-4490/07-58 // Консультант плюс: справ.-правовая система.

⁷ Нечто подобное можно наблюдать в деле *Pitt. v. P.N.H Asset Management Ltd.* [1994] 1 WLR 327, где встречным предоставлением выступило обещание контрагента не вести переговоры с иными лицами в течение определенного срока.

Сделка, в соответствии с которой образовательная организация проводит урок без взимания платы для всех пришедших сотрудников коммерческой организации, без какого-либо обязательства со стороны коммерческой организации, также не будет безвозмездной, так как в основе ее в любом случае лежит эгоистический интерес, в частности реклама собственных услуг.

Поставщик продукции, будь то кофе или канцелярские принадлежности, в конце года преподносит всем своим действующим клиентам некий набор собственной продукции без взимания платы, единственным условием получения набора является наличие действующего договора поставки. Представляется, что данную сделку нельзя оценивать в отрыве от заключенного между сторонами договора, поскольку указанная сделка является его частью. Данная сделка небезвозмездна, в ее основе также корыстный, эгоистический интерес, а встречным предоставлением выступает приверженность клиента компании-поставщику, намерение продолжать отношения, несовершение действий, направленных на отказ от договора, на момент принятия продукции. Причем данное условие может носить характер подразумеваемого, т. е. очевидно, следовать из сложившихся взаимоотношений сторон, при этом явно не быть выраженным, то, что в английском праве называется «implied terms».

Представляется, что для правильной квалификации подобного рода ситуаций необходимо, во-первых, определить соотношение возмездности и синаллагматичности, во-вторых, обратиться к понятию возмездности, возможно его некоторым образом расширить.

Ряд авторов в отечественной литературе обращались к проблеме названного соотношения. Коротко обозначим основные направления мысли. В. А. Белов, рассматривающий гражданско-правовой договор исключительно как двустороннюю сделку, полагает, что **«договоры синаллагматические всегда будут являться частным случаем договоров возмездных»**. Вместе с тем, возмездные договоры нельзя сводить к одним только синаллагматическим, ибо они охватывают собой также такие односторонне обязывающие договоры, в которых встречное удовлетворение предоставляется прежде предмета договора (реальные договоры), т. е. является более широким. Следовательно, безвозмездные договоры можно будет определить, как односторонне обязывающие договоры, не предполагающие ни состоявшегося, ни будущего встречного предоставления» [2, с. 223].

С точки зрения действующего позитивного права с данными выводами нельзя согласиться, ибо возмездность в рамках действующего регулирования сводится к **идее обмена** имущественными благами, как было показано ранее. Собственно, об этом говорит и сам В. А. Белов: «Возмездным называется договор, **согласно которому имущественное предоставление совершается каждым участником** и, будучи совершенным, становится основанием обязывания другого участника» [2, с. 221]. Справедливости ради, стоит отметить, что ст. 423 ГК не столь категорична: «Договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей, является возмездным». По крайней мере, в ней речь не идет о непременно имущественном предоставлении, хотя и идея обмена очевидно просматривается в данной формулировке.

Верховный суд в точности воспроизводит идею В. А. Белова о тождественности возмездности обмену имущественными благами: «Для этого следует признать, что сфера применения указанной выше нормы для предпринимательских сделок ограничивается такими из них, которые **по своей природе предполагают обмен имущественными ценностями, то есть являются возмездными договорами** (п. 1 ст. 423 ГК РФ)»⁸.

При таком понимании возмездности, т. е., отождествляя возмездность и обмен, синаллагматичность и возмездность невозможно уравнивать, так как синаллагматичность воплощает идею взаимности, что далеко не всегда возможно приравнять к обмену. Английское право давно смогло осознать эту мысль. Практика английского права пришла к идее о том, что consideration выражает прежде всего взаимность или взаимный интерес, который далеко не всегда воплощается в обмене. Редуцирование consideration до встречного предоставления в самом прямом значении данного понятия и сведение данного требования к идее обмена возможно лишь в односторонних договорах, да и то подчас необходимо предельно широко взглянуть на идею обмена, чтобы его там усмотреть⁹. В двусторонних же договорах значение consideration нельзя сводить лишь к возмездности в ее понимании отечественным правом.

⁸ Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 3 (2016) (утв. Президиумом Верховного суда РФ 19.10.2016) // Консультант плюс: справ.-правовая система.

⁹ Достаточно вспомнить известнейшее дело *Carlill v Carbolic Smoke Ball Co* [1893] 1 Q.B. 256

Стоит отметить, что в отечественной доктрине отсутствует четко оформившаяся концепция понимания sinalлагматичности. Подчас sinalлагматические договоры приравниваются к двусторонним. Такой точки зрения придерживается и упомянутый В. А. Белов [2, с. 257]. При том, что мы считаем такое отождествление неверным, такое отождествление делает еще более невозможным утверждение о том, что договоры sinalлагматические всегда возмездны, при существующем понимании возмездности в отечественной практике и законе. Самым простым и очевидным примером такой невозможности является договор поручения при отсутствии условия о вознаграждении поверенного (ст. 972 ГК РФ) и наличии обязательства доверителя компенсировать издержки поверенного (ст. 975 ГК РФ).

Собственно этот же пример показывает и несостоятельность довода о том, что «безвозмездные договоры можно будет определить как односторонне обязывающие договоры».

Вместе с тем отметим, что с позиции *de lege ferenda* мы согласны с приведенным тезисом В. А. Белова: «договоры sinalлагматические всегда будут являться частным случаем договоров возмездных». Но для того чтобы утверждать данный принцип, необходимо по-иному понимать возмездность. Об этом скажем далее. А пока рассмотрим другие взгляды на соотношение возмездности и sinalлагматичности.

В классическом отечественном учебнике по гражданскому праву под редакцией Е. А. Суханова [5] sinalлагматичность и возмездность рассматриваются как характеристики различных плоскостей или пониманий договора, не пересекающихся между собой. Данный подход является преемством идеи, выраженной О. С. Иоффе: «Термин “договор” не всегда употребляется в одном и том же значении этого слова. Помимо того, что так именуется соглашение сторон, иногда под договором понимают самое обязательство, возникающее из такого соглашения, а в некоторых случаях этот термин обозначает документ, фиксирующий факт возникновения обязательства по воле его участников» [4, с. 26].

Так, согласно позиции, выраженной в названном учебнике, sinalлагматичность – характеристика договора-правоотношения [5, т. II, с. 141], а возмездность – характеристика договора-сделки [5, т. I, с. 350]. Такой подход кажется бесполезным с практической точки зрения. С данной позицией сложно согласиться еще и потому, что она в значительной степени упрощает сложный феномен, каким является договор, низводя его до синонимов понятий «сделка» и «обязательство». Хотя современная практика убедительно подталкивает нас к выводу о том, что договор представляет собой нечто

нетождественное ни сделке, ни обязательству. Нетождественность договора обязательству убедительно доказал К. И. Скловский [6].

В научно-практическом комментарии ГК под редакцией А. Г. Карапетова, **договор синаллагматический определяется как договор двусторонне обязывающий, возмездный, по которому предметом взаимных обязательств является предоставление друг другу экономических благ (встречных предоставлений)¹⁰**. С этим определением мы в целом согласимся, сделав, однако, ряд ремарок. С одной стороны, автор справедливо дифференцирует договор синаллагматический и двусторонний, с другой стороны, следовало бы акцентировать внимание на том факте, что ситуация синаллагматического договора не исчерпывается приведенной выше, т. е. договором менового характера, так как из этого описания выпадают договоры типа простого товарищества. Спорной представляется также идея сведения встречных предоставлений исключительно к экономическим или имущественным благам¹¹. Наконец, как было сказано выше, такое определение справедливо при определенном понимании возмездности.

Далее автор утверждает важный тезис. Не каждый безвозмездный договор представляет собой договор дарения, для идентификации договора как договора дарения необходимо установить animus donandi, что означает намерение одарить¹². Очевидно, что в практическом смысле такое наставление бесполезно, так как чужие намерения установить возможно лишь по внешним проявлениям. И внешним проявлением такого намерения и, следовательно, критерием демаркации договора дарения от непоименованного безвозмездного договора, по мнению автора, является наличие либо отсутствие какого-либо интереса для лица, совершающего предоставление. **Наличие какой-либо встречной выгоды или корысти может проявляться в чем угодно, и в этом случае договор не является договором дарения, а представляет собой непоименованный безвозмездный договор.**

Во многом данный подход основан на следующей позиции Президиума ВАС РФ: «В соответствии с пунктом 1 статьи 572 Гражданского кодекса по договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или

¹⁰ Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса РФ {электронное издание. Редакция 1.0}/ отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. С. 842. Авт. комментария: А. И. Савельев.

¹¹ С таким подходом можно огласиться, только с учетом широкого понимания имущественных благ, не сводя их сугубо к тому, что имеет денежную оценку (подробнее об этом см.: [1])

¹² Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса РФ {электронное издание. Редакция 1.0}/ отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. С. 846. Авт. комментария: А. И. Савельев.

обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом.

Из содержания приведенной нормы следует, что безвозмездность передачи имущества является признаком договора дарения, но не единственным. Обязательным квалифицирующим признаком договора дарения является вытекающее из соглашения сторон очевидное намерение дарителя передать имущество в качестве дара (указание на это содержится в Постановлении Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 25.04.2006 № 13952/05).

Таким образом, дарение имущества предполагает наличие волеизъявления дарителя, намеревающегося безвозмездно передать принадлежащее ему имущество иному лицу именно в качестве дара (с намерением облагодетельствовать одаряемого), а не по какому-либо другому основанию, вытекающему из экономических отношений сторон сделки»¹³.

Вместе с тем вполне очевидно, что сделка, за которой стоит корыстный интерес, «вытекающая из экономических отношений сторон», безвозмездной названа быть не может. Просто возмездность проявляет себя несколько сложнее, чем встречное предоставление имущественной ценности в рамках этой же сделки.

Подводя итог, приведем слова Р.Ф. Иеринга: «Возмездность обуславливает собой известное действие, на которое подобным же действием отвечает и другая сторона. Юридическая форма возмездности¹⁴ – двусторонний или обременительный договор. **Логика двустороннего договора: каждый ищет собственной выгоды и убежден, что другой поступает так же**» [3].

Подводя итог вышесказанному отметим, что возмездность – проявление свойственного человеку эгоизма и может принимать разнообразные формы. *De lege ferenda* возмездность не должна исчерпываться обменом имущественными ценностями. Возмездность присутствует всегда, когда есть корыстный, эгоистический интерес. Синаллагматический договор априори возмезден, так как основывается на идее взаимообусловленности, т. е. на взаимном интересе. Между тем современная судебная практика значительным образом редуцировала понятие возмездности, тогда как в английском праве идеи возмездия или возмездности и взаимности фактически

¹³ Постановление Президиума ВАС РФ от 04.12.2012 № 8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/12 // Консультант плюс: справ.-правовая система.

¹⁴ Уточним, пожалуй, «идеальная юридическая форма».

тождественны и выражаются во взаимном интересе через институт consideration, что, как представляется, в большей степени соответствует реалиям рыночной экономики.

Список литературы

1. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – С. 41.
2. Белов В. А. Гражданское право: в 4 т. Т. II. Общая часть: в 2 кн. Кн. 2. Факты: учеб. для академического бакалавриата и магистратуры. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016.
3. Иеринг Р. Цель в праве. – СПб.: Изд. Н. В. Муравьева, 1881. – Т. 1. – С. 95–96.
4. Иоффе О. С. Обязательственное право. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 26.
5. Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права; Т. II: Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – 958 с.; 1208 с.
6. Скловский К. И. Сделка и ее действие. – М.: Статут, 2012.
7. Holmes O. W. The Common Law. University of Toronto Law School. Typographical Society, 2011. – P. 260–261.

О периодизации истории становления законодательства торгового мореплавания России

В статье рассматривается история становления и развития российского законодательства торгового мореплавания России. Предпринята попытка определить основные исторические этапы процесса кодификации данного законодательства.

The article is devoted to the history of formation and development of Russian legislation on merchant shipping. The author attempts to define the main historical stages of the process of codification of this legislation.

Ключевые слова: торговое мореплавание, договор морской перевозки, устав, уложение, кодекс.

Key words: merchant shipping, the contract of carriage by sea, Charter, code, code.

Последние несколько десятилетий наша страна осуществляет многочисленные изменения своей общественной практики. Эти изменения носят многофункциональный и во многом противоречивый характер, что порождает необходимость поиска ответов на постоянно возникающие при этом вопросы. Наибольшее число вопросов возникает в сфере хозяйственной практики, образующей основу происходящих в обществе социально-политических преобразований.

Хозяйственная практика во всём мире, в том числе и в России, неразрывно связана с морскими (речными) перевозками. Сегодня объем морских перевозок грузов составляет более половины объема внешнеторгового грузооборота страны и продолжает расти. Данная ситуация обуславливает необходимость подробного исследования, наряду с прочим, и особенностей истории становления и развития правового регулирования морских перевозок в России.

Наличие в хозяйственной практике российского общества торгового мореплавания можно обнаружить уже на начальных стадиях становления государственности (IX–XI вв.). В это время она в большей степени была связана

с купеческой торговлей, которая исторически выступала как достаточно распространенный вид хозяйственной деятельности в России. По мере становления и развития хозяйственной практики повышалось и значение водной торговли в общественной практике. Общеизвестными являются факты организации племенами и народами, заселявшими в то время российские земли, как речной торговли, так и морской. Посредством водных перевозок осуществлялась активная торговая связь между российскими городами (Новгородом, Смоленском, Псковом и др.) и иностранными (Константинополем, Ригой, Любеком и другими городами Ганзейского союза). На высокую внешнеторговую активность россиян указывал Н. М. Карамзин. Он писал: «Они ходили на судах не только в Болгарию, Грецию, Хазарию или Тавриду, но ... и в самую отдалённую Сирию» [2].

На Руси в первые века её существования, положения, касавшиеся регламентации морской торговли, закреплялись разрозненно, в отдельных международных договорах, торговых обычаях и местных (княжеских) актах. К договорным источникам следует отнести договоры Руси с Византией 911 и 944 гг., которые затрагивали, в том числе, и порядок осуществления торгового мореплавания. Так в договоре 911 г. наряду с прочими положениями (уголовно-правовыми, наследственного права и др.) впервые нашли отражение отдельные положения о взаимной помощи при кораблекрушении, которые теперь образуют неотъемлемый элемент современного права торгового мореплавания [1]. Эти положения были прогрессивными для того времени, так как содействовали сохранению имущества судовладельца и купца.

Русская Правда как источник обычного права включала в себя отдельные положения торговых обычаев, которые могли иметь отношение и к осуществлению морских перевозок. Так, Русская Правда указывала на возможность корректировать ответственность купца и перевозчика в зависимости от обстоятельств причинения вреда.

Источники местного (княжеского) права, к которым можно отнести судные грамоты Пскова и Новгорода, Белозёрскую и Двинскую уставные грамоты, также выступали в качестве регуляторов отношений. Однако среди сборников местного права приоритетное место в регулировании торгового оборота занимает Псковская судная грамота, которая регламентирует торговые договоры, торговые займы, виндикацию и др.

Позднее, уже в Московский доимперский период истории России были предприняты первые попытки закрепить в нормативных актах отдельные правила обычного права о морских перевозках. Так, в Судебнике 1497 г. нашли отражение положения Русской Правды об ответственности купца за растрату

вверенного ему имущества. Торговые указы 1653, 1667 гг. ограничивали права иностранных купцов на осуществление торговли в России. Многие предметы торгова были объявлены заповедными, право торговли этими товарами предоставлялось исключительно казной. Вместе с тем Новоторговый устав 1667г. определял порядок погрузки и перегрузки груза и др.

Закрепление Уложением 1649 г. внутренних таможенных платежей сдерживало развитие торгового оборота. Введение этим же Уложением 1649 г. сословных ограничений на занятие предпринимательством (торговлей) и государственное закрепление крепостничества ограничивало возможности реализации предпринимательской активности. Сословия в России (в отличие от Запада) стали играть прежде всего роль фискального, а не корпоративного института, в рамках которого формировались в Европе правила торгового оборота.

К главным особенностям московского периода необходимо отнести также и то, что здесь были заложены основы единого общероссийского предпринимательского (торгового) права, предприняты первые попытки законодательного его оформления. К наиболее важному периоду в развитии российского предпринимательского (торгового) права нужно отнести время реформ XVIII в., начало которым было положено Петром I. Господство абсолютизма в экономике проявилось тогда, с одной стороны, в активизации государством торговой и промышленной деятельности на основе попыток введения рыночных форм хозяйствования, а с другой – в усилении крепостнических и командно-административных начал в организации хозяйственной практики. Подобная противоречивость привела к утверждению в России фискально-полицейских (административных) начал правовой регламентации предпринимательства. Это выразилось прежде всего в постоянных попытках законодательно закрепить такие порядки в предпринимательской сфере, которые способствовали бы, в первую очередь, обеспечению государственных интересов, зачастую в ущерб предпринимателям.

В рамках этого периода были определены основные принципы и стратегические направления развития предпринимательского права России до начала XX в. В XVIII столетии происходит законодательное оформление ряда отраслей и институтов права, регламентирующих предпринимательскую практику: морского торгового права, таможенного права, вексельного права, права несостоятельности (банкротства). Данный период связан также с началом законодательного оформления основных институтов торгового права: корпоративного, имущественного, договорного.

При Петре I, когда Россия получила доступ к Балтийскому, Каспийскому и Чёрному морям, и возникла проблема организации регулярного торгового мореплавания, стал остро вопрос об отходе от несистематизированного права и о принятии единообразных и логически выстроенных нормативных актов, упорядочивающих отношения перевозки грузов и пассажиров водным путём. Очевидно, что данный нормативный порядок изначально основывался на сложившихся к тому времени западноевропейских традициях.

Так, принятый в 1720 г. Устав об Эверсах, ставший одним из первых систематизированных законодательных актов по регулированию отношений морской перевозки грузов, был произведен от аналогичных норм галандского и германского прав [6]. В нём были законодательно определены сроки подачи судовладельцем судна под загрузку (7 дней) и сроки его разгрузки нанимателем (4 дня), установлена ответственность судовладельца, регламентирован порядок выдачи товаросопроводительных документов («кладных расписок») и пр.

В 1724 г. был издан Морской торговый регламент, который имел чисто фискальное значение, он определял порядок взаимодействия купцов и капитанов («корабельщиков») с таможенниками («цолнерами»). Регламент предусматривал право для членов экипажа судов вести торговлю в пределах порта и их ответственность за его нарушение в виде штрафа, конфискации имущества, телесного наказания.

Позднее, в 1781 г. в период царствования Екатерины II, был принят «Устав купеческого водоходства по рекам, водам и морям», который во многом был основан на французском праве [6]. Данный устав представлял собой более систематизированный закон, включавший в себя нормы: о найме корабля или судна (гл.7), о договоре фрахта (ст.125–129), об ответственности (ст.130–139), о хозяине корабля или судна (гл. 8), о страховании судов и грузов (гл.10), об аварии (гл.12) [5].

Формирование соответствующего современной логике систематизированного законодательства о морских перевозках происходит в период времени между тридцатыми годами XIX в. и началом XX в. В эти годы в Своде законов Российской империи, вступившим в силу с 1 января 1835 г., правовому регулированию морской торговли отводилась книга третья части второй 11 тома Свода законов под названием «О договорах и обязательствах особенных по торговому судостроению и мореплаванию». Она включала в себя четыре раздела: о договорах и обязательствах по торговому судостроению, о договорах и обязательствах по торговому мореплаванию, о бодмерее и авариях или морских убытках, о застраховании морском.

В редакции Торгового устава 1887 г., состоявшего из трех книг, вторая книга «О морской торговле» включала уже шесть разделов: «О мореходных торговых судах», «О торговом мореплавании», «О бодмерее и займе припасов на море», «Об аварии», «О помощи и спасении в случаях кораблекрушения и о принадлежности потопленных вещей», «О морском страховании». В 1903 г. в эта книга была дополнена ещё четырьмя разделами: «О местном управлении приморскими торговыми портами», «О взимании корабельного и попутного сборов», «Положение о съездах судовладельцев», «Положение о Добровольном флоте» [4]. Все эти разделы в конечном итоге составили в том или ином виде основные структурные элементы Кодексов торгового мореплавания России XX в.

Дальнейшая детализация и регламентация права морской перевозки осуществлялась уже в советский период в рамках Кодексов торгового мореплавания СССР 1929 и 1968 гг. Кодекс торгового мореплавания СССР 1929 г. сыграл основополагающую роль в становлении современной конструкции права морской перевозки Российской Федерации. Несмотря на то что Кодекс не даёт характеристики морской перевозки, в нём получили дальнейшее развитие базовые правовые институты, обеспечивающие морскую перевозку. Данный закон осуществил адаптацию сформированного ещё в дореволюционный период права морской перевозки России к новым социально-экономическим условиям хозяйствования, сложившимся в стране. Так, в Кодексе получили развитие нормы о договоре морской перевозки грузов, договоре фрахтования судна на время (тайм-чартер), договор морской перевозки пассажиров, договор буксировки. Также в кодексе нашли отражение институты морской аварии, возмещения убытков при столкновении судов, вознаграждения за оказание помощи, предела ответственности судовладельца, о лоцманах, о затонувшем в море имуществе, о договоре морского страхования, о сроках давности.

В то же время в кодексе нашли место новации, появление которых связано с такими изменениями в социально-политическом устройстве общества, как национализация (огосударствление) экономики и установление государственной монополии на внешнеторговую деятельность. Так, закон указывает на особый порядок хозяйственного использования судов, находящихся в государственной собственности, формирования экипажа судов, ведение лоцманской деятельности с привлечением государственных морских лоцманов.

Поступательное развитие Советского Союза, происходившее в 60–70-е гг. XX в., привело к необходимости совершенствования законода-

тельства о морских перевозках, что потребовало внесения изменения в существующий на тот момент вариант Кодекса торгового мореплавания СССР. Новая редакция кодекса, сохраняя в целом структуру и содержание старой редакции, внесла в него целый ряд новых положений. К числу новаций, внесённых законодателем, можно отнести определение торгового мореплавания, отсутствующее в прежней редакции. Кодекс 1968 г. определял торговое мореплавание как «деятельность, связанную с использованием судов для перевозки грузов, пассажиров, багажа и почты, для рыбных и иных промыслов, добычи полезных ископаемых, производства буксирных, ледакольных и спасательных операций, а также для других хозяйственных, научных и культурных целей» (ст. 1). Кодекс так же, реализуя положение шестой статьи действующей тогда Конституции СССР 1936 г. о государственной (общенародной) собственности на водный транспорт, закрепил за профильными министерствами и ведомствами право оперативного управления на суда, используемые в их хозяйственной практике (перевозка, рыболовство, добыча полезных ископаемых, строительство и др.) (ст. 4). Кодекс ввёл гл. VII – «Планирование и организация перевозок грузов», которая регулировала порядок взаимоотношения советских пароходств с советскими организациями-грузовладельцами в условиях плановой экономики [3]. Кодекс 1929 г. не знал такого института. В кодексе 1968 г. появились нормы, определяющие порядок защиты прав участников морской перевозки, – положения о морских протестах (гл. 18), претензиях и исках (гл. 19).

Перемены в государственной и экономической жизни страны, произошедшие в последние десятилетия, отсутствие отвечающей современным требованиям регламентации предпринимательской деятельности в условиях современного уровня международного разделения труда, а также изменения в международно-правовом регулировании в области торгового мореплавания, вызвали необходимость обновления Кодекса 1968 г. В связи с этим была подготовлена новая редакция Кодекса торгового мореплавания, который был принят 30 апреля 1999 г. и вступил в силу с 1 мая 1999 г. Принципиальным явилось положение нового кодекса (п.2, ст.1), согласно которому имущественные отношения основаны на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников. Данная норма направлена на устранение монополии государства в сфере морских перевозок и на господство в данной сфере частноправовых начал выстраивания хозяйственных отношений.

Это проявилось в том, что законодатель существенно расширил гражданско-правовую составляющую кодекса. В частности, в нём произошёл отказ от института государственного морского лоцмана. Также договорная

часть закона была расширена за счёт включения в него договора фрахтования судна без экипажа (бербоут-чартер), договоров морского агентирования и посредничества. Институт гражданско-правовой ответственности был расширен за счёт установления специальных видов ответственности за действия, наносящие значительный ущерб окружающей среде: за ущерб от загрязнения с судов нефтью, за ущерб в связи с морской перевозкой опасных и вредных веществ, за ущерб от загрязнения бункерным топливом.

В КТМ РФ 1999 г. получил официальное закрепление такой институт гражданского права, как удержание груза, который используется перевозчиками как основной инструмент защиты их прав, возникающих из договора морской перевозки груза. Кодекс также предусматривает возможность использования в качестве обеспечительных мер для защиты прав участников правоотношений морской перевозки: морской залог на судно, ипотеку судна или строящегося судна и арест судна.

Всё вышеизложенное даёт возможность выделить в истории формирования российского законодательства о морской перевозке пять этапов его становления и развития. Для выделения этих этапов можно использовать в качестве критерия уровень и содержательные особенности систематизации права, регулирующего морскую перевозку.

Выбранный критерий позволяет выделить в качестве первого этапа период с X по XV в., когда правовое регулирование морской перевозки основывалось на существовавших разрозненных нормативных положениях международных договоров, правовых обычаев и местных (княжеских) правовых актах.

Второй этап охватывает XVI в. и первую половину XIX в. и характеризуется попытками формирования систематизированного законодательства морской перевозки в судебных актах, уставных грамотах, уставах и других актах того времени.

Третий этап связан со второй половиной XIX в. и началом XX в., когда в Своде законов Российской империи была осуществлена первая кодификация законодательства о морской перевозке.

Четвёртый этап начинается в третьем десятилетии XX в. и заканчивается в конце 90-х гг. XX в., когда морская перевозка в Советском Союзе регулировалась Кодексами торгового мореплавания 1929 и 1968 гг.

Последний пятый этап становления и совершенствования законодательства о морской перевозке начинается с 1999 г., с принятием рыночного по своей сути Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации.

Список литературы

1. Бодровцева Н.Ю. История возникновения торгового мореплавания на Руси // Молодой учен. – 2017. – №5. – С. 336–342.
2. Карамзин Н.М. История государства российского. – М., 1989. – Т. 1. – С. 168.
3. Косовская В.А. Морская перевозка груза как частноправовой институт. – СПб.: Астерон, 2008. – С. 45.
4. Ланцева В.Ю. Формы правового регулирования морской торговли в Российской империи // Евразийский юрид. журн. – 2014.
5. Устав купеческого водохозяйства по рекам, водам и морям. – Ч. 1. – М.: Книга по требованию. – 2012. – 68 с.
6. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 г.). – М.: Спарк, 1994. – С. 307.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

УДК 349.22

Р. В. Северцев

Судебная защита трудовых прав работника

В данной статье описываются особенности судебной защиты трудовых прав работника. Правое государство обязано не просто признавать определенные права и свободы, но и гарантировать их защиту. Судебная защита в сфере трудовых правоотношений имеет ряд особенностей, связанных со спецификой данной отрасли права. Рассматриваются перспективы реформирования судебной системы с целью повышения ее эффективности, а также процессуальные особенности рассмотрения дел о дискриминации в сфере труда.

This article describes the main features associated with the judicial protection of labor rights. The right-wing state is obliged not only to recognize certain rights and freedoms, but also to guarantee their protection. Judicial protection in the sphere of labor legal relations has a number of features related to the specifics of this branch of law. The study assesses the prospects for reforming the judicial system in order to improve its effectiveness, as well as the procedural features of dealing with cases of discrimination in the world of work.

Ключевые слова: судебная защита, реформа судебной системы, бремя доказывания, дискриминация в сфере труда.

Key words: judicial protection, reform of the judicial system, the burden of proof, discrimination in labor law.

Любой принцип, запрет или гарантия должны быть подкреплены нормами, предусматривающими соответствующие меры защиты. Статья 352 Трудового кодекса Российской Федерации (далее ТК РФ, Кодекс) предусматривает всего четыре способа защиты нарушенного права: самозащиту, защиту прав работников профсоюзами, государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства, судебную защиту. Как следует из ст. 46 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется

судебная защита его прав и свобод. Право на обращение в суд – одно из основных прав человека, поскольку является универсальным способом, который гарантирует защиту прав, свобод и законных интересов.

Тем не менее, судебная защита изначально не была упомянута в ст. 352 ТК РФ и была добавлена туда только через год после принятия Кодекса. Можно посчитать такую ситуацию досадной ошибкой, однако, думается, что проблема может быть намного глубже. Правое государство определяется не просто формальным закреплением определенных прав и свобод, а наличием эффективных средств и способов их практического осуществления и защиты. Насколько эффективно обращение в суд как способ защиты нарушенного права?

Представляется, что судебная защита в сфере трудовых правоотношений имеет свою специфику, которая обусловлена содержанием трудового правоотношения и социально-защитной функцией трудового права. Тем не менее, данная специфика отражена в действующем законодательстве недостаточно, поэтому в рамках данной статьи будет рассмотрено два блока вопросов. Первый касается оценки эффективности работы всей судебной системы и целесообразности ее реформирования, второй вопрос – процессуальных особенностей рассмотрения трудовоправовых дел на примере дел о дискриминации в сфере труда.

Перспективы реформирования судебной системы. Проблема целесообразности создания в РФ трудовой юстиции поднималась неоднократно, например в работах И.А. Костян, И.К. Пискарева, Б.А. Шеломова [4]. Необходимость столь кардинальных изменений связывалась с низкой эффективностью судебной системы. Как тогда, так и ныне сторонники трудовой юстиции в обоснование своей позиции ссылаются на повышение эффективности и экономичности судебного процесса по защите трудовых прав. Необходимость создания трудовых судов, может и должна объясняться наличием серьезных проблем в существующей системе, которые при этом могут быть решены только структурной реформой. Для этого следует доказать, что такие проблемы действительно существуют.

Оценивая эффективность, необходимо упомянуть, что до 2008 г. трудовоправовые споры были подсудны не только федеральным судам общей юрисдикции, но и мировым судьям. Компетенции последних действительно было недостаточно для решения трудовоправовых дел, что косвенно подтверждал и сам законодатель, относя наиболее сложные дела, например, об оспаривании увольнения, к компетенции федеральных судов общей

юрисдикции. Возникали и чисто процессуальные сложности, когда фактически одно и то же дело могло рассматриваться в разных инстанциях. Собственно, сама мировая юстиция создавалась для других целей, нежели для решения трудовых споров.

Однако на сегодняшний день все трудовые споры подсудны федеральным судам общей юрисдикции, а потому оценивать необходимо только их деятельность. Самый простой способ оценки эффективности работы судов первой инстанции заключается в подсчете процента отмены их решений вышестоящими судами. Если процент отмены решений по одной категории дел значительно больше чем по другим, или сильно колеблется при отсутствии объективных внешних причин, это свидетельствует о плохом качестве работы судов. А.И. Долгова указывает, что за период с 1999 по 2005 г. ежегодно отменялось от 5 до 10 процентов решений по трудовым спорам [3]. Пиковые 10 % действительно являются большой цифрой, которая позволяет говорить о проблемах с качеством судебных решений, однако подобная ситуация имела место больше десяти лет назад. Что касается сегодняшней статистики по рассмотрению трудовых споров, то в 2015 г. было рассмотрено с вынесением решения – 571,899 дел, а в 2016 г. – 565,356, притом, что всего гражданских дел в 2016 г. поступило 12,467,328. Что касается статистики пересмотров, то за 2016 г. отменено всего 5311 дел, изменено 896, при поданных 43,614 жалобах, т. е. чуть более 1 % от всех рассмотренных трудовых дел [1]. Таким образом, имеющиеся статистические данные не позволяют сделать вывод о низкой эффективности судебного рассмотрения трудовых споров. Напротив, они доказывают, что судебная система без каких-либо структурных изменений смогла решить эту проблему.

Однако было бы неверно делать настолько глобальный вывод на основании только одного показателя. Необходимо иметь в виду, что эта статистика является сборной и показывает, образно говоря, лишь «среднюю температуру по больнице». Что касается статистических данных конкретных судебных департаментов, то в них указывается лишь общее число апелляций и кассаций по гражданским делам. Таким образом, исключается возможность сравнения показателей отмены и изменения судебных решений разных судебных департаментов по конкретным категориям дел. Данная статистика отражает лишь количественные, а не качественные показатели, т. е. низкий процент пересмотров сам по себе ни о чем не говорит. Может быть вырос уровень правовой грамотности первой инстанции, или же он наоборот упал у второй.

Возникает ключевой вопрос: что еще необходимо учитывать, помимо данных общей статистики? Каковы другие критерии эффективности работы судебной системы? Некоторую ясность в этот вопрос вносит консультативный совет европейских судей в своем заключении № 11 «О качестве судебных решений» [11]. По мнению судей совета, значение имеют две группы условий: внешние и внутренние. К внешним условиям относится состояние законодательства, ресурсная база, а также компетентность участников процесса. Внутренние условия – это профессионализм судей, управление делами и процедура, проведение слушаний, наличие обязательных элементов судебного решения. С определенной долей условности можно представлять эти группы как макро- и микроуровни. Рассмотрим эти условия подробнее.

Под *состоянием законодательства* понимается его непротиворечивость, структурированность, ясность формулировок, отсутствие частых изменений.

Собственно говоря, любой из перечисленных критериев сам нуждается в конкретизации. Однако, представляется, что за последнюю четверть века было сделано очень многое в обозначенной области. Единственный глобальный вопрос, который можно было бы поднять, особенно после принятия Кодекса административного судопроизводства, касается «трудового процесса»: позволяет ли существующая специфика говорить о необходимости создания отдельного процессуального кодекса, или хотя бы главы в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее ГПК РФ) посвященной ведению трудовых дел? Данный вопрос мы разберем чуть позже, а пока вернемся к оставшимся условиям.

Ресурсная база предполагает наличие достаточного финансирования системы. Это касается не только зарплаты судей, но и обеспечения аппарата. Данные статистики показывают, что в 2005 г. в производство поступило 6,739,532 дел по гражданским делам, а к 2016 г. количество таких дел увеличилось до 12,467,328. Проблему постоянного количественного роста дел можно решать «организационно», т. е. за счет увеличения числа судей и сотрудников аппарата. Однако увеличение финансирования судебной системы в ближайшие годы не предвидится, а текучка кадров в аппарате из-за низкой зарплаты и высокой нагрузки доходит до 400 %. Аппарат выполняет значительную часть всей работы, а потому такая ситуация отрицательно сказывается на качестве судебных решений.

В таких условиях представляется целесообразным поиск других решений, например введения обязательной медиативной процедуры. В этом отношении весьма показателен зарубежный опыт, который может быть

творчески переработан применительно к российским условиям. Так, например, в Германии разбирательство по индивидуальным трудовым спорам начинается с обязательных попыток примирения. Подобный примирительный порядок может быть достаточно эффективным, поскольку по статистике около 80 % трудовых споров разрешаются в процессе процедуры примирения и только около 20 % споров передаются на разрешение суда [14]. Вопрос заключается в том, сможет ли существующая российская судебная система реализовать преимущества таких нововведений. Контроль за качеством судебных решений первой инстанции обеспечивается вышестоящими судами посредством возможности пересмотра. Однако в случае судебной медиации в основном вся ответственность лежит на судье первой инстанции.

Здесь следует пояснить, что разными авторами судебная медиация понимается неоднозначно. В данной статье под судебной медиацией понимается примирительная процедура урегулирования спора между сторонами судебного процесса при содействии судьи, осуществляющего примирительные процедуры. Во-первых, все примирительные процедуры преследуют одну цель – примирить стороны, но отличаются друг от друга по способам достижения этой цели. Например, идея посредника (медиатора) – это лишь устранение спора между сторонами на любых условиях [2]. Вместе с тем пределы усмотрения сторон при заключении мирового соглашения четко определены законом. Если же условным медиатором является сам судья, то судебная медиация будет своего рода ускоренным судебным производством.

Участники судебного процесса и их образование. Конечно, судья – ключевая фигура процесса, однако качество судебного решения зависит не только от него, но и от всех остальных участников. Это прежде всего стороны, прокурор, адвокат, косвенно – уже упомянутый аппарат суда и т. д. Судья как единственное связующее звено между всеми участниками и ключевая фигура процесса должен обладать соответствующей компетенцией, основой которой является высокое качество юридического образования. Здесь необходимо отметить одно важное обстоятельство. Невозможно или почти невозможно освоить в достаточной степени все специализации в рамках одной специальности. Бакалавриат не является исключением из этой логики, поскольку по факту представляет собой «неполное высшее образование». Косвенно это признает и законодатель, устанавливая требования к кандидатам на должность судьи. Так, эти требования предусматривают необходимость для кандидата иметь высшее юридическое образование по специальности, либо иметь квалификации (степени) магистра и бака-

лавра по направлению подготовки Юриспруденция. По логике законодателя, получается, что знаний бакалавриата «всего обо всем» недостаточно для работы судьей. Нужна степень магистра, которая в совокупности с бакалавриатом фактически является старым специалитетом. Получается странная ситуация, когда судья занимается не только делами в рамках своей специализации, но и всеми остальными, где его знания ограничиваются бакалавриатом, который сам законодатель признает недостаточным для замещения должности судьи.

Что касается качества самого образования, то в ходе лингвистического эксперимента решений районных судов Алтайского края на предмет их соответствия различным правилам и нормам русского языка не было обнаружено ни одного судебного постановления, в котором отсутствовали бы орфографические, пунктуационные, грамматические, лексические и стилистические ошибки [12]. Конечно, данное исследование было проведено еще в 2010 г., однако в высшем образовании не было никаких существенных изменений с того времени, по крайней мере тех, которые могли бы дать наглядный положительный результат.

Процессуальные особенности рассмотрения дел о дискриминации в сфере труда. Перечисленные ранее условия, определяющие качество судебного решения, универсальны и применимы при оценке любой категории дел. Однако специфика отрасли трудового права предполагает наличие процессуальных особенностей, характерных только для данной категории.

Согласно ст. 56 ГПК РФ, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом. ГПК РФ ориентирован прежде всего на споры, возникающие из таких правоотношений, для которых характерно равенство субъектов. Трудовое право обеспечивает баланс между интересами работника и работодателя. Однако этот баланс не сводится к простому равенству. Не вдаваясь в детали всех особенностей, о которых писал еще Л.С. Таль, можно констатировать, что работник зависит от работодателя значительно больше, чем последний нуждается в работнике. Трудовое право в отличие от гражданского имеет не только экономическую функцию, но и социально-защитную. Эти функции не являются уникальными и встречаются в других отраслях права, но их симбиоз существует только в трудовом праве. Очевидно, что указанная специфика распространяется не только на материальные нормы, но и на сам процесс, например через перераспределение бремени доказывания. Следует ли в таком случае говорить о формировании трудового процесса или, как об этом

писали, В.Н. Скобелкин, С.В. Передерин, С.Ю. Чуча и Н.Н. Семенюта, трудового процедурно-процессуального права? [13] Данный вопрос, по большей части, нам придется оставить за рамками статьи, поскольку рассматриваемая тема касается только особенностей доказывания дискриминации в трудовых спорах.

По общему правилу, действие принципа состязательности предполагает, что каждый доказывает то, на что он ссылается. Тем не менее, в некоторых ситуациях необходимо отходить от положений ст. 56 ГПК РФ и перераспределять бремя доказывания. Например, для работника будет крайне сложно доказать тот или иной факт через свидетельские показания, поскольку другие работники, скорее всего, не будут вступать в конфликт со своим работодателем. Обычно лицо, которому незаконно отказано в приеме на работу, может привести только одно доказательство – письменный отказ работодателя в приеме на работу. Пленум Верховного суда Российской Федерации (далее ВС РФ) указывает, что при установлении факта дискриминации суд должен проверить, делалось ли работодателем предложение об имеющихся у него вакансиях (например, сообщение о вакансиях передано в органы службы занятости, помещено в газете, объявлено по радио, оглашено во время выступлений перед выпускниками учебных заведений, размещено на доске объявлений), велись ли переговоры о приеме на работу с данным лицом и по каким основаниям ему было отказано в заключении трудового договора [8]. Согласно п. 23 указанного постановления ВС РФ, при рассмотрении дела о восстановлении на работе лица, трудовой договор с которым расторгнут по инициативе работодателя, обязанность доказать наличие законного основания увольнения и соблюдение установленного порядка увольнения возлагается на работодателя.

Пленум Конституционного суда Российской Федерации указывает, что суд при рассмотрении дела выясняет, производится ли в действительности сокращение численности или штата работников (что доказывается работодателем путем сравнения старой и новой численности или штата работников), связано ли намерение работодателя уволить конкретного работника с изменением организационно-штатной структуры организации или с осуществляемой этим работником профсоюзной деятельностью [10]. Перечисленные обстоятельства может подтвердить или опровергнуть только работодатель, поэтому вполне логично, что именно он и должен их доказывать.

Обращаясь к опыту Европейского союза в данной области, можно увидеть определенную схожесть правовых позиций. Так, первая директива Совета Европейского союза (далее Совет ЕС), которая полностью

перекладывала бремя доказывания отсутствия нарушения принципа равноправия на работодателя, касалась только исков о дискриминации по признаку пола [6]. Примечательно, что отечественный законодатель собирался внедрить нечто похожее. Так ст. 9 проекта ФЗ № 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» [7] предусматривала, что в случае рассмотрения в суде или в ином органе трудового спора по заявлению (иску) работника или профсоюза, другого общественного объединения, защищающего интересы работника, в связи с предполагаемой дискриминацией по мотивам пола, бремя доказывания отсутствия намерения дискриминировать работника возлагается на работодателя. Тем не менее данный закон не был принят.

В ЕС пошли еще дальше: согласно Директиве Европейского парламента и Совета ЕС 2006/54/ЕС [9], бремя доказывания возлагается на ответчика, когда есть *prima facie* (лат. – на первый взгляд) доказательства дискриминации. Данный подход достаточно точно описал К. И. Малышев: «в каждом факте есть совокупность признаков, которые на первый взгляд, *prima facie*, делают его достоверным и возбуждают в нас убеждение в его существовании. Если истец доказал исковые факты в этой мере, то возникает предположение против ответчика впредь до дальнейшего развития состязания» [5].

При этом необходимо помнить, что ЕСПЧ понимает дискриминацию крайне широко: как разное обращение к людям, находящимся в одинаковых ситуациях без объективного и разумного оправдания. Конечно, таким кардинальным мерам должен корреспондировать соответствующий механизм защиты для работодателя. Детально регламентированная процедура найма и максимально конкретные требования к деловым качествам могли бы обезопасить работодателя от возможного злоупотребления. Однако возникает вопрос о целесообразности таких кардинальных мер. У нас нет подробной статистики по делам о дискриминации, есть лишь данные общего характера, которые могут служить лишь косвенными доказательствами.

На основе сказанного можно констатировать, что специализация судей положительно сказалась бы на качестве работы всей судебной системы. Решение указанной задачи, пусть и не слишком подробное, было предложено еще в 2003 г. в информационно-аналитических материалах Государственной думы, касающихся вопросов создания специализированных трудовых судов [14]. Предполагалось осуществить данную задачу в три

этапа. В ходе первого этапа необходимо выделить специализированные судебные составы (сессии), которые бы занимались исключительно трудовая категория дел. Затем, на основе данных сессий необходимо создать уже самостоятельные специализированные трудовые суды. Третий этап – окончательное обособление новой системы специализированных судов посредством создания Верховного суда по рассмотрению трудовых споров.

Несложно заметить, что конечный результат практически идентичен системе трудовых судов, которая существует, например, в Германии. И как раз там она критикуется по сугубо экономическим причинам: невыгодно содержать больше сотни специализированных судов, сфера действия которых распространяется на относительно небольшую категорию дел. Рассмотрим подробно данные нашей статистики. Всего рассмотрено трудовые дела с вынесением решения: в 2007 г. – 415,405; в 2008 г. – 505,715; в 2009 г. – 822,790; в 2010 г. – 766,901; в 2011 г. – 635,142; в 2012 г. – 567,415; в 2013 г. – 523,805; в 2014 г. – 507,226; в 2015 г. – 571,899; в 2016 г. – 565,356. Можно заметить, что все «всплески» связаны с экономическими потрясениями, а именно с кризисом 2008 и, хотя и в значительно меньшем масштабе, – с девальвацией 2014 года. Действительно, в случае очередного кризиса, нагрузка может значительно возрасти, однако если считать процент трудовых дел от общего количества, то он все равно будет небольшим. Например, за 2016 г. споры, возникающие из трудовых правоотношений, составляли ~5% от всех гражданских дел (565,356 от 12,467,328). Целесообразно ли из-за 5% дел создавать абсолютно новую структуру? В ФРГ действует 94 трудовых суда первой инстанции, 19 земельных трудовых судов и Федеральный трудовой суд ФРГ. В РФ должно начитываться примерно в два раза больше таких судов, что неприемлемо с точки зрения соотношения эффективности и затрат. Таким образом, представляется, что для специализации судей было бы достаточно создания специализированных судебных составов.

Тем не менее, ставя вопрос о реформировании судебной системы, необходимо четко понимать, что она собой представляет. Для этого, во-первых, необходима разработка широких методик оценки качества судебных решений. Во-вторых, необходим всеобъемлющий мониторинг, проводимый на основе разработанных методик. Наиболее серьезные проблемы можно увидеть и без столь затратной процедуры, однако такой поверхностный подход будет крайне ограничен: вершина айсберга всегда намного меньше его подводной части.

Что касается вопроса о перераспределении бремени доказывания в делах о дискриминации, то во многом он уже решен силами самой судебной системы. Однако решения высших судов не являются источником права в РФ, по крайней мере формально. По этой причине представляется целесообразным зафиксировать указанные особенности в рамках отдельной главы ГПК.

Список литературы

1. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (дата обращения: 14.10.2017).
2. Дивеева Н.И. Мировое соглашение и обеспечение доступа к правосудию по трудовым спорам // Толкование правовых актов (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой и трудо-правовой аспекты): сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. – 2017. – С. 26–29.
3. Долгова А.И. Необходимость введения специализированных трудовых судов в России: за и против // Учен. зап. Казан. ун-та. Серия Гуманитарные науки. 2012, том 154, кн. 4. – С. 96–102.
4. Костян И.А., Пискарев И.К., Шеломов Б.А. О специализированных судах по трудовым делам и Трудовом процессуальном кодексе // Хоз-во и право. – 2003. – № 8. – С. 27–40.
5. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. – 2-е изд. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1876. – С. 241.
6. О бремени доказывания в случаях дискриминации по признаку пола: директива Совета Европейского союза от 15 дек. 1991 г. № 97/80/ЕС. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=OJ%3AL%3A1998%3A014%3AТОС> (дата обращения: 17.01/2018).
7. О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации: проект ФЗ № 284965-3 (ред. принятая ГД ФС РФ в первом чтении 16.04.2003) // Консультант Плюс: справ.-правовая система.
8. О применении судами РФ Трудового кодекса РФ: постановление Пленума Верховного суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (в ред. постановлений Пленума Верховного суда РФ от 28 дек. 2006 г. № 63, от 28 сент. 2010 г. № 22) // Консультант Плюс: справ.-правовая система.
9. Об имплементации принципа равных возможностей и равного обращения для мужчин и женщин в вопросах занятости и доступа к работе: директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 5 июля 2006 г. № 2006/54/ЕС // Гарант: правовая система.
10. Определение Конституционного суда Российской Федерации «по запросу Первомайского районного суда города Пензы о проверке конституционности части

1 статьи 374 Трудового Кодекса Российской Федерации» от 04 дек. 2003 г. // Рос. газета. – 2004. – № 12 (3389). – С. 12.

11. Прецеденты Европейского суда по правам человека: электрон. периодическое изд. // Развитие правовых систем. – 2014, окт. – № 6 (06). – С. 106–119.

12. Рехтина И.В. Правосудие: о состоянии качества оформления судебных решений (постановлений) // Рос. судья. – 2010. – № 3. – С. 16–18.

13. Скобелкин В. Н., Передерни С. В., Чуча С. Ю., Семенюта Н. Н. Трудовое процедурнопроцессуальное право: учеб. пособие / под ред. В. Н. Скобелкина. – Воронеж, 2002. – С. 217.

14. Специализированные трудовые суды в системе органов государственной власти Российской Федерации. Зарубежный опыт // АВ 2003 г. Вып. 26. – URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4405/14260> (дата обращения: 19.10.2017).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.123.3

Г. А. оглы Агаев, Ю. И. Степанов

Новый взгляд на институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим

В статье представлена краткая характеристика законодательного регулирования процедуры освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон. Выделяются правовые основания и условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Изучены основные проблемы правоприменительной практики.

The article presents a brief description of the exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim. The article singles out the legal grounds and conditions for exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim. The main problems of law enforcement practice are studied.

Ключевые слова: преступления, освобождение от уголовной ответственности, правовые условия освобождения от уголовной ответственности, примирение с потерпевшим, правосудие, реабилитация, проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон.

Key words: crimes, exemption from criminal liability, legal conditions for exemption from criminal liability, reconciliation with the victim, justice, rehabilitation, Problems of exemption from criminal liability in connection with the reconciliation of the parties.

По общему правилу лицо, совершившее преступление, должно быть привлечено к уголовной ответственности и подвергнуто наказанию. Однако опыт применения уголовного закона показывает, что не во всех случаях совершения преступлений целесообразно привлекать виновного к уголовной ответственности и подвергать наказанию. Поэтому уголовное законодательство, руководствуясь принципами гуманизма и справедливости, предусматривает возможности освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление. Основной смысл существования института

освобождения от уголовной ответственности заключается в том, чтобы допустить фактическое неприменение мер уголовной ответственности и наказания в тех случаях, когда их применение явно нецелесообразно, исходя из характера совершенного преступления и личных качеств лица, совершившего преступление, в том числе его поведения после совершения преступления. Важно подчеркнуть, что освобождение от уголовной ответственности возможно лишь при наличии оснований, предусмотренных Уголовным кодексом РФ (ст. 75, 76, 76.1, 76.2, 78, 84, 90, 126, 127.1, 178, 184, 198, 199-199.1, 204, 204.1, 204.2, 205, 205.1, 205.3-205.5, 206, 208, 210, 222, 223, 228, 228.3, 275, 282.1, 282.2, 291, 291.1, 307, 322, 322.2 и т. п.). При этом обязательной предпосылкой применения любого вида освобождения является достоверно установленный факт совершения лицом преступления. Объединяет все виды освобождения от уголовной ответственности в единый уголовно-правовой институт их общая карательная сущность и юридическая их природа (они выступают как одна из форм реакции государства на преступление) [1].

В соответствии с действующим законодательством решение об освобождении от уголовной ответственности может быть принято в ходе предварительного расследования органом дознания с согласия прокурора, следователем с согласия начальника следственного отдела, а также прокурором либо судом или единолично судьей в судебном заседании, но до момента удаления суда в совещательную комнату для вынесения приговора, а также в некоторых случаях, определенных законом, в кассационной и надзорной инстанциях. Освобождение от уголовной ответственности становится невозможным с момента вступления обвинительного приговора суда в законную силу [1].

Освобождение от любого вида уголовной ответственности не является реабилитацией лица. В связи с этим, лицо, возражающее освобождению его от уголовной ответственности и считающее себя невиновным в инкриминируемом ему преступлении, может отказаться от освобождения от уголовной ответственности. В таком случае уголовное судопроизводство осуществляется в обычном порядке, и в приговоре суда устанавливается виновность или невиновность лица с последующими правовыми последствиями. Такой вывод мы находим и в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.06.2013г № 19 (в ред. от 29 ноября 2016 г. № 56) [6]. В соответствии с п. 28 указанного постановления освобождение лица от уголовной ответственности не означает отсутствие в деянии состава преступления, поэтому прекращение уголовного дела и (или) уголовного

преследования в таких случаях не влечет за собой реабилитацию лица, совершившего преступление [6]. Все вышесказанное имеет непосредственное отношение и к институту освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон. Суть этого уголовно-правового института заключается в достижении компромисса между лицом, совершившим преступление и потерпевшим.

Правовыми условиями освобождения от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ являются: 1) совершение преступления впервые; 2) совершение преступления небольшой или средней тяжести; 3) примирение с потерпевшим; 4) заглаживание причиненного потерпевшему вреда.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 (в ред. от 29 ноября 2016г № 56) [6] впервые совершившим преступление следует считать, в частности, лицо:

а) совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или нескольким статьям УК РФ), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено;

б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу;

в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости);

г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено;

д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности [5].

В соответствии с ч. 6 ст. 86 УК РФ погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью. По этому основанию лицо также будет считаться совершившим преступление впервые (не имеющим судимости).

Как уже указывалось, другое важное условие освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон это совершение преступления небольшой тяжести или средней тяжести.

Согласно ст. 15 УК преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за которые максимальное наказание,

предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает трех лет лишения свободы. К преступлениям средней тяжести согласно первоначальной редакции ст. 15 УК относились умышленные деяния, а также неосторожные деяния, наказываемые по УК не строже, чем пятью годами лишения свободы. Сейчас преступлениями средней тяжести являются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, а также неосторожные деяния, наказываемые по УК строже, чем тремя годами лишения свободы.

Следует отметить, что включение в круг, допускающих примирение преступлений небольшой и средней тяжести, удовлетворяет далеко не всех криминалистов. В научной литературе обосновываются позиции о сужении или, напротив, расширении перечня деяний, по которым возможно примирение. В частности, Н.С. Шатихина полагает, что ограничение круга возможных деяний только преступлениями небольшой тяжести является наиболее приемлемым способом отражения в уголовном законе диспозитивных начал [9]. Иной позиции придерживается А.В. Ендольцева, предлагающая объединить как допускающие примирение с потерпевшим дела частного и частно-публичного обвинения [2]. Кто же прав? Справедливости ради отметим, что, если исходить из буквального толкования диспозиции, ст. 76 УК РФ не ограничивает круг преступлений, по которым возможно освобождение в связи с примирением с потерпевшим. В связи с этим возникает справедливый вопрос: при совершении любого преступления, относящегося к категории небольшой или средней тяжести, возможно ли примирение с потерпевшим или нет? Ввиду отсутствия ясного ответа на данный вопрос в действующем уголовном законе, на это специально обращается внимание в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 № 19 (от 29 ноября 2016 г. № 56). При разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ, суд должен также учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, «включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание» [4].

Примирение с потерпевшим как признак означает процессуально оформленный отказ потерпевшего от своих первоначальных претензий и требований к лицу, совершившему преступление или просьбу прекратить

уголовное дело, возбужденное по его заявлению. При этом необходимо, чтобы потерпевший официально заявил органам уголовной юстиции о том, что не имеет претензий к виновному лицу.

Мотивы заявления потерпевшего о том, что он не желает привлечения к уголовной ответственности виновного, примирился с ним и виновный загладил причиненный потерпевшему вред, могут быть самыми различными: прощение виновного, родственные или дружеские отношения с виновным, заинтересованность в его судьбе и т. п. Безусловно, необходимыми условиями для применения ст. 25 УПК РФ являются добровольность и осознанность заявления потерпевшего о примирении с лицом, причинившим ему вред, а также наличие полномочия у представителя организации (учреждения) на примирение. В любом случае оно не должно быть сделано вынужденно. По этому пути идет и правоприменительная практика.

Следует подчеркнуть, что если потерпевшим является несовершеннолетний, и его мнение по вопросу о примирении с обвиняемым и прекращении уголовного дела не совпадает с мнением его законного представителя, то в соответствии с положениями пункта 11 постановления ПВС РФ от 27.06.2013 г. № 19 (в ред. от 29 ноября 2016 г. № 56), основания для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон отсутствуют [4].

Помимо трех рассмотренных выше обязательных условий, для освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, действующий закон требует добровольное заглаживание причиненного вреда потерпевшему, что выражается в полном возмещении морального, физического или имущественного ущерба различными способами. Это может быть денежная компенсация, оплата медицинских услуг, принесение извинений и т. д. Следует сказать, что способы заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц. Здесь же следует оговорить вопрос, как с моральной точки зрения следует оценивать «заглаживание вреда», если преступлением причинен тяжкий вред здоровью (ведь здоровье, как говорят, не купишь, и оно полностью не может быть восстановлено) или даже смерть (по тем же преступлениям по ст. 264 УК РФ). Примечательно, что на этот счет в юридической литературе предлагалось даже ввести определенные коэффициенты для каждой группы преступлений и определять конкретную компенсацию в денежном выражении [8], т. е. фактически оплачивать вред «согласно тарифу». Насколько это гуманно и справедливо? На наш взгляд, права Я. М. Матвеева, отмечая, что ответ на вопрос имеет две стороны: с одной стороны, вроде бы и несправедливо, – нет человека или нет здоровья, а преступник «оплатил по тарифу» – и всё; с

другой же стороны, взыскать вред принудительно, через суд, не каждый потерпевший (или его представители) сможет, не каждый захочет связываться, да и конечная сумма может быть такой, что и не стоило браться. Здесь же все будет возмещаться быстро, добровольно и в нужном объеме. Соответственно, можно хотя бы частично говорить о восстановлении социальной справедливости [3].

И еще одним из важных вопросов, возникающих на практике, в настоящее время является «влечет ли изменение судом категории преступления юридические последствия, в частности исчисление сроков давности, определение вида рецидива, изменение режима отбывания наказания, освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим?». Верховным судом РФ однозначно был дан следующий ответ на данный вопрос: «изменение судом категории совершенного преступления в обязательном порядке влечет за собой все указанные уголовно-правовые последствия» [7].

Подводя итог, подчеркнем еще раз, что, как и в случае деятельного раскаяния, для освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением сторон обязательным является наличие всей совокупности объективных и субъективных условий, указанных в диспозиции ст. 76 УК РФ. Необходимо особо отметить, что освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением сторон является безусловным, т. е. поощрение не ставится в зависимости от поведения виновного в будущем, и поэтому освобождение является окончательным.

Список литературы

1. Бозиев Т.О., Агаев Г.А. Уголовное право. Общая часть: краткий курс лекций. – Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2015. – С. 116.
2. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности. Проблемы и пути решения. – М., 2004. – С. 114–115.
3. Матвеева Я.М. Актуальные проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим// Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по материалам XXXV междунар. науч.-практ. конф. – № 3(35). – Новосибирск: СибАК, 2014.
4. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от. 27.06.2013г № 19 п. 11 (в ред. от 29 ноября 2016 г. № 56). – URL: <http://www.vsrif.ru/second.php>.
5. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности постановление Пленума

Верховного суда Российской Федерации от. 27.06.2013 г. № 19 п. 2 (в ред. от 29 ноября 2016 г. № 56). – URL: <http://www.vsrfr.ru/second.php>.

6. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от. 27.06.2013 г. № 19 п. 28 (в ред. от 29 ноября 2016 г. № 56). – URL: <http://www.vsrfr.ru/second.php>.

7. Сайт Верховного суда Российской Федерации. – URL: <http://www.vsrfr.ru/>.

8. Сатыгин В. Д. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: история и практика // Молодой ученый. – 2015. – № 14. – С. 375–378.

9. Шатихина Н.С. Институт примирения с потерпевшим как форма медиации в уголовном праве России // Рос. право в Интернете. – 2004. – № 1.

УДК 343.6:351.74(470.325)

В. В. Колениченко, В. В. Шумский

**Роль дежурных частей территориальных органов
МВД России в обеспечении правопорядка
и противодействии терроризму
(на примере Белгородской области)**

В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности деятельности дежурных частей органов внутренних дел, связанные с террористической угрозой, изменениями в оперативной обстановке на обслуживаемой территории. Обращается внимание на специфику исполнения обязанностей дежурной сменой. Анализируются проблемы организации деятельности дежурных частей на примере УМВД России по Белгородской области. Предлагаются некоторые пути решения обозначенных проблем.

The authors of the article analyze some features of the Dispatch Rooms of internal affairs bodies connected with terrorist threat and describe the changes in operative conditions in the service area. A great attention is paid to a specific nature of performing duties of the duty shift. The authors consider the problems of the organization of Duty Rooms in the Belgorod region and illustrate some ways of the decision-making process of these problems.

Ключевые слова: дежурная часть, противодействие терроризму, взаимодействие служб и подразделений.

Key words: Duty Room, counterterrorism, interaction between services and forces.

Знание научных основ управления силами и средствами в органах внутренних дел должностными лицами и подразделениями органов внутренних дел является необходимым условием для их успешной деятельности в современных условиях возрастающих угроз отечественной национальной безопасности. Сегодня Российская Федерация в условиях благополучного развития национального общества успешно перешла к построению новой государственной политики в сфере национальной безопасности, правовая основа деятельности которой закреплена Стратегией национальной безопасности Российской Федерации [4] и Федеральным законом от 28 декабря

2010 г. № 390-ФЗ [1], устанавливающими общие положения в области обеспечения государственной, общественной и иных видов национальной безопасности Российской Федерации.

В существующей доктрине национальной безопасности страны подчеркнуто, что процесс укрепления позиций России в настоящее время происходит на фоне образующихся новых угроз национальной безопасности, которые имеют взаимосвязанный и комплексный характер. Существующие угрозы национальной безопасности представляют собой множество различных условий и факторов, которые создают возможность нанесения национальным интересам ущерба прямым или косвенным путем.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве основных существующих угроз государственной и общественной безопасности были отмечены:

- деятельность различных террористических и экстремистских групп и организаций, основной целью которой является насильственное изменение конституционного строя, существующего в Российской Федерации, а также дестабилизация работы всех органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации;

- деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Органы внутренних дел, являясь одним из субъектов обеспечения национальной безопасности, осуществляют деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, охране собственности по обеспечению личной безопасности граждан, осуществляют меры по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений, раскрытию преступлений, оказывают помощь гражданам,

должностным лицам, предприятиям, учреждениям, организациям и общественным объединениям в осуществлении их законных прав и интересов.

Несмотря на то что борьба с проявлениями терроризма является прерогативой Федеральной службы безопасности Российской Федерации, органам внутренних дел в данной сфере отведена немаловажная роль. Прежде всего это связано с тем, что каждый гражданин знает такой номер экстренной службы, как «02», и не каждый знает телефоны территориальных подразделений Федеральной службы безопасности, в связи с чем гражданин сообщает информацию о подготавливаемом или совершенном террористическом акте, либо об угрозе совершения такого акта в дежурную часть территориального ОМВД России на районном уровне, в силу чего нарядам полиции, прибывшими первыми на место происшествия (преступления), в реальной обстановке до момента прибытия специальных подразделений приходится самостоятельно проводить все первоначальные действия по их пресечению.

В системе органов внутренних дел в современных условиях дежурную часть необходимо рассматривать как орган оперативного управления силами и средствами, принимающими участие в охране правопорядка, осуществлении мероприятий по противодействию терроризму, поскольку от умения грамотно организовать несение службы нарядами полиции, своевременного реагирования на информацию о совершенном преступлении, обеспечения координации взаимодействия нарядов полиции между собой во многом зависит состояние охраны общественного порядка и безопасности граждан, способствует функционированию нормального ритма сложившихся общественных отношений на территории города, района и иного муниципального образования.

Дежурная часть по своей сути является самостоятельным структурным подразделением территориального органа внутренних дел, основным предназначением которой является управление комплексными силами и средствами органов внутренних дел, которые используются в целях немедленного реагирования на поступающие заявления и сообщения о преступлениях и правонарушениях, в том числе по фактам готовящихся либо совершенных террористических актов, обеспечения безопасности личности, общественного порядка и общественной безопасности.

Если ранее на звонки об оставленных сумках, брошенных автомобилях и других предметах дежурные части реагировали пассивно, то в настоящее время это прежде всего немедленное реагирование на потенциальный акт терроризма.

В организации обеспечения правопорядка и противодействию терроризму особая роль отведена дежурным частям ОВД, поскольку именно дежурная часть обязана оперативно реагировать на изменение оперативной обстановки на обслуживаемой территории. Также она выступает в роли центра управления всеми силами и средствами органов внутренних дел, задействованных в охране общественного порядка, в качестве организатора взаимодействия всех служб и отдельных подразделений, что подразумевает согласованную и целеустремленную их деятельность по обеспечению общественного порядка и безопасности, раскрытию преступлений, особенно в условиях чрезвычайных ситуаций.

Обеспечение национальной безопасности в условиях, связанных с чрезвычайными ситуациями, может быть достигнуто только путем совершенствования и развития единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (в том числе территориальных и функциональных сегментов), возможностью её интеграции с аналогичными зарубежными системами.

Министерство внутренних дел Российской Федерации входит в число функциональных подсистем единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. На систему МВД Российской Федерации, в том числе её территориальные органы, возложена одна из важнейших государственных функций, а именно «охрана общественного порядка». Реализация данной функции возможна только при правильной организации деятельности задействованных сил и средств ОВД, внутреннего и внешнего взаимодействия в условиях различных чрезвычайных ситуаций.

В ст. 17 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» сказано, что «при ликвидации чрезвычайных ситуаций силы и средства органов внутренних дел Российской Федерации применяются в соответствии с задачами, возложенными на органы внутренних дел законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации».

При этом высокий уровень организации деятельности подразделений дежурных частей в условиях чрезвычайных ситуаций означает: организацию четкой работы дежурных частей ОВД; осуществление оперативного выезда на место происшествия; качественный и квалифицированный осмотр места происшествия и грамотное использование полученной информации; обеспечение своевременного привлечения необходимых служб и их надлежащее взаимодействие и координацию на месте происшествия.

Особое место занимают чрезвычайные обстоятельства террористического характера.

В соответствии с Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» определено понятие терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Согласно информации, размещенной на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на территории Российской Федерации за 2017 (2016) г. зарегистрировано: преступлений террористического характера – 1887 (2227), выявлено лиц, совершивших преступления террористического характера – 873 (653) [5]. Согласно данным Национального антитеррористического комитета с 2010 г. террористическая активность в РФ сократилась более чем в 30 раз (с 779 преступлений в 2010 г. до 24 в 2017-м). Количество терактов снизилось в десять раз. Вместе с тем в 2017 г. в России предотвращены 23 крупных теракта и свыше 60 преступлений террористической направленности, пресечена деятельность 56 заговорившихся ячеек [6].

При осложнении оперативной обстановки и возникновении различных кризисных ситуаций органом управления выступает дежурная часть территориального органа МВД России, которой после поступления информации о совершении такого рода преступления до момента образования и начала функционирования оперативного штаба самостоятельно приходится принимать необходимые управленческие решения, отдавать соответствующие распоряжения нарядам полиции о действиях на месте происшествия с последующим докладом начальнику территориального органа внутренних дел.

Изучение деятельности территориальных ОВД показало, что, участвуя в пресечении антитеррористической деятельности, суточный наряд дежурной части ОВД обеспечивает:

- выполнение первичных мероприятий по проверке поступающей информации, а также заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях;
- организацию незамедлительного выезда к месту происшествия нарядов полиции и следственно-оперативной группы;
- охрану места происшествия;
- осуществление общего руководства при проведении первоначальных оперативно-розыскных мероприятий по преследованию и задержанию лиц, подозреваемых в совершении преступлений;

- введение первоначального этапа проведения специальных мероприятий по реагированию на чрезвычайные происшествия террористического характера, предусмотренного типовым планом;

- проведение других неотложных мер.

Другими словами, личный состав, несущий службу в дежурной части, при выполнении своих функциональных обязанностей выступает в качестве организатора конкретных действий нарядов полиции, которые впоследствии создают необходимые условия для изобличения лица, совершившего данное противоправное действие, и соответственно, раскрытия преступлений террористического характера «по горячим следам».

Осложнение обстановки, в которой сотрудникам дежурной части приходится осуществлять свою деятельность, возникает, как правило, внезапно. Прежде всего это обычно характеризуется сложностью, своеобразием на первый взгляд одинаковых составов преступлений, временем суток в котором совершено преступление, быстротечностью происходящих событий, недостаточностью информации о лице совершившем преступление, а в некоторых случаях и о самом факте совершения преступления. Такие обстоятельства требуют от сотрудников дежурной части территориального органа МВД России в сжатые сроки четких и грамотных действий по привлечению необходимых сил и средств, для оперативного реагирования на данные сообщения. В то же время функции оперативного управления силами и средствами сложны и многоплановы, их умелое исполнение требует от сотрудников дежурных частей территориальных органов внутренних дел большого опыта и высокого уровня профессиональной подготовки, связанных с действиями в таких ситуациях.

Необходимо обратить внимание, что для современных условий функционирования ОВД, нередко сама уже первичная информация требует незамедлительного начала проведения специальной операции. Поэтому с учетом характера или степени опасности совершенного преступления, а иногда и ряда преступлений, по согласованию с руководителем территориального органа внутренних дел, старший дежурной смены территориального органа МВД РФ должен принять меры к незамедлительному введению в действие на территории обслуживания типовых оперативных планов по проведению специальных мероприятий по реагированию на чрезвычайные происшествия террористического характера.

Проведение специальных мероприятий в рассматриваемых условиях представляет собой сложный процесс, состоящий из организационно-тактических способов экстренного массивированного реагирования всеми силами и

средствами органов внутренних дел на чрезвычайные происшествия. В комплексе мероприятий по их осуществлению участвуют все силы и средства ОВД, силы и средства соседних органов внутренних дел.

Анализ положительного опыта и результатов деятельности территориальных ОВД по раскрытию преступлений террористического характера показывает, что своевременное осуществление дежурной сменой территориального ОВД обозначенных мероприятий, в совокупности с полнотой и объективностью передаваемой информации, зачастую способствует эффективной деятельности нарядов полиции на месте происшествия, а также задержанию и изобличению лиц, совершивших преступление по «по горячим следам». Данное обстоятельство позволяет руководству территориального органа внутренних дел и сотрудникам, заступившим на новое дежурство по территориальному ОВД в составе дежурной смены дежурной части, быстро проанализировать складывающуюся оперативную обстановку на обслуживаемой территории, соблюсти один из главных принципов деятельности дежурной части – преемственность при анализе и обработке имеющейся информации – и соответственно своевременно взять на себя дальнейшее управление силами и средствами, задействованными для раскрытия преступлений, что позволяет избежать дублирования действия сотрудников в проведении дальнейших мероприятий по раскрытию данного преступления что, в свою очередь, позволит значительно сэкономить время в установлении и изобличении лица, совершившего данное преступление.

В территориальных ОВД на должность оперативных дежурных назначают наиболее подготовленных сотрудников, владеющих оперативной обстановкой, знающих территорию обслуживания, заслуживших уважение среди своих товарищей, быстро реагирующих на изменение оперативной обстановки, по своим деловым качествам способных принимать самостоятельные и правильные решения.

Хотелось бы обозначить некоторые проблемы дежурных частей на примере нашего региона:

1) сокращение в большинстве районов должности заместителя начальника полиции по охране общественного порядка, которому подчинялась дежурная часть, соответственно с передачей полномочий начальнику полиции ОМВД;

2) должность оперативного дежурного – потолок капитана, что не позволяет сотрудникам продвижения по службе.

В настоящее время лишь Казанский юридический институт МВД России готовит кадры для дежурных частей территориальных органов МВД

России. Поэтому в складывающейся обстановке необходимо постоянно повышать квалификацию сотрудников дежурных частей ОВД. Это прежде всего профессиональная подготовка личного состава в образовательных организациях МВД России, проведение командно-штабных учений на местах, учений, обучающих семинаров в связи с постоянным изменением действующего законодательства. Для выполнения этих задач постоянно используется материально-техническая база Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина.

Изложенное позволяет заключить, что правильное и четкое реагирование на происшедшее событие, грамотное и четкое определение сил и средств, которые необходимы для эффективного и качественного реагирования на такое происшествие, позволяет оперативному дежурному территориального ОВД соблюдать принцип рационального использования сил и средств участвующих в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. Оперативность реагирования органов внутренних дел на чрезвычайные происшествия террористического характера во многом определяется и уровнем профессиональной подготовки личного состава дежурных частей.

Список литературы

1. О безопасности: федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // СЗ РФ. – 03.01.2011. – № 1. – Ст. 2.
2. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федер. закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // СЗ РФ. – 26.12.1994. – № 35. – Ст. 3648.
3. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. вступ. в силу с 01.01.2017) // СЗ РФ. – 13.03.2006. – № 11. – Ст. 1146.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // СЗ РФ. – 04.01.2016. – № 1 (ч. II). – Ст. 212.
5. Сайт генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <https://genproc.gov.ru/>.
6. Сайт Совета безопасности Российской Федерации. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/>

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.135:343.195

И. И. Лодыженская, Д. Д. Малышева

Противоречия в вердикте присяжных заседателей как основание для отмены приговора суда

В рамках данной статьи освещаются спорные теоретические вопросы, а также пробелы законодательного регулирования, которые на практике приводят к отмене приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей. Приводятся примеры и анализируются позиции национальных судов. В результате проведенного анализа были выявлены основные причины отмены приговоров, вынесенных на основании противоречивых вердиктов присяжных заседателей. Сформулированы предложения по внесению изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство, направленные на повышение эффективности и правильности применения положений ч. 2 ст. 345 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Данная тема также представляет интерес для исследования, поскольку с 1 июня 2018 г. предполагается введение указанной формы судопроизводства в районных судах.

Within this article controversial theoretical issues and also inaccuracies of legislative regulation which in practice lead to cancellation of the sentences decided on the basis of a verdict of jurors are taken up. The article provides examples and the positions of the national courts are analyzed. As a result of analyzing the problems most of which often entail the abolition cancellation of the sentences decided on the basis of a verdict of the jury trial have been revealed. Within this article the offers on introduction of amendments to the existing criminal procedure legislation directed to increase in efficiency and correctness of application of provisions of part 2 of article 345 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation have been formulated. This theme is especially relevant because since from June 1, 2018 it is supposed to introduce this procedural form to the practice of district courts.

Ключевые слова: Верховный суд Российской Федерации, апелляционная инстанция, противоречия в вердикте присяжных заседателей, пробелы в законодательстве, производство в суде присяжных заседателей, права человека, основания для отмены приговоров, уголовное судопроизводство.

Key words: Supreme Court of the Russian Federation, court of appellate instance, contradictions in the jury's verdict, gaps in the legislation, proceedings in jury trial, human rights, basis for cancellation of sentences, criminal legal proceedings.

Суд присяжных начал действовать в 1993 г. в 9 регионах России. К 2003 г. данная форма судопроизводства применялась на территории практически всей Российской Федерации. За период функционирования данного института, а это более 20 лет накопленного опыта, значительное количество приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, было отменено Верховным судом Российской Федерации (далее – ВС РФ). Начиная с 2000-х гг. чаще всего отменялись приговоры, вынесенные на основании вердикта присяжных, в связи с непринятием председательствующим судьей предусмотренных законом мер для устранения неясности и противоречивости вердикта [9; 10; 11].

До настоящего времени ситуация в лучшую сторону не изменилась: одной из основных причин, по которой ВС РФ продолжает отменять приговоры, вынесенные на основании вердикта присяжных, а дела направлять на новое рассмотрение, является нарушение положений ч. 2 ст. 345 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), согласно которым, в случае если председательствующий найдет вердикт присяжных заседателей неясным или противоречивым, он указывает на обнаруженные несоответствия и ошибки коллегии присяжных и предлагает им вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист [16].

Растущее количество отмененных приговоров в связи с нарушениями положений ч. 2 ст. 345 УПК РФ, отсутствие единого подхода к пониманию того, какой вердикт является ясным и непротиворечивым, определяют актуальность выбранной темы для ее исследования и поиска новых эффективных решений снижения количества ошибок на этапе проверки председательствующими вердикта присяжных и при его провозглашении.

Анализ судебной практики выявил ряд проблем в исследуемой области.

- *Неправильная трактовка результатов голосования.* В соответствии с ч. 9 ст. 343 УПК РФ, в случае если ответ на вопрос принимается голосованием, старшина указывает после ответа результат подсчета голосов. Фиксируя в вопросном листе свой вердикт, присяжные заседатели должны отразить результаты голосования по формулировкам поставленных перед ними вопросов.

На практике нередки случаи, когда присяжные не понимают, за какую именно формулировку они голосуют, что приводит к противоречивости вердиктов.

Например, приговором Верховного суда Республики Калмыкия от 13 июля 2006 г. Б. и П. были оправданы по п. «ж», ч. 2 ст. 105, п. «а», «в», «г», ч. 2 ст. 158 УК РФ на основании п. 2, 4, ч. 2 ст. 302 УПК РФ ввиду непричастности к совершению преступлений. Как указывает судебная коллегия в кассационном определении от 12 октября 2006 г. № 42-о06-11СП, данный вывод суд сделал на основании вердикта присяжных заседателей, который содержит неясности и существенные противоречия. Так, в вопросном листе на вопрос № 2 о том, доказано ли, что указанное в первом вопросе деяние совершил Б., следует ответ «Нет, не доказано», и далее указывается, что «за» проголосовали 2 присяжных и «против» 10 присяжных. Отменяя приговор по представлению прокурора, судебная коллегия отметила, что в соответствии с ч. 9 ст. 343 УПК РФ, в случае если ответ на вопрос принимается голосованием, старшина указывает после ответа результат подсчета голосов. В соответствии с ч. 3 ст. 343 УПК РФ оправдательный вердикт считается принятым, если за отрицательный ответ на любой из поставленных в вопросном листе основных вопросов проголосовало не менее шести присяжных заседателей. В данной ситуации результаты голосования присяжных заседателей, которые указаны в вопросном листе, не дают оснований считать, что вердикт считается оправдательным, поскольку большинство присяжных проголосовало именно «против» того, что причастность обвиняемого не доказана, несмотря на записанную в листе формулировку ответа на вопрос о доказанности причастности подсудимого к совершенному деянию. Постановленный на основании такого вердикта оправдательный приговор нельзя признать законным и обоснованным, поэтому он подлежит отмене [14].

Между тем, если бы в вердикте присяжных заседателей результаты голосования были изложены не просто «за» и «против», а как требует закон с пояснительными словами: «за» (ответ «Да, доказано») и «против» (ответ «Нет, не доказано»), никаких неясностей в вердикте бы не было, результат голосования трактовался бы однозначно.

Приводя еще один пример, сошлемся на апелляционное определение Верховного суда Российской Федерации от 18 мая 2017 г. № 16-АПУ17-4СП. Как указала судебная коллегия, из вердикта видно, что на вопросы № 7, 11, 17, касающиеся снисхождения Пашковой за действия в отношении П., ее же и Мuryлева – за содеянное в отношении П., присяжные внесли в

каждом из этих случаев в вопросный лист ответы о том, что в данной части Мурылев и Пашкова не заслуживают снисхождения, указав при этом результаты состоявшегося голосования. Между тем указанные результаты голосования свидетельствуют, что за ответ на вопрос № 7 «за» проголосовало 5 присяжных заседателей, за ответ «против» голоса отдали 7 присяжных; за ответ на вопрос № 11 «за» проголосовало 4 присяжных заседателей и 8 присяжных проголосовали «против»; за ответ на вопрос № 17 «за» проголосовали 2 присяжных заседателя и 10 высказались «против». Таким образом, из содержания вердикта следует, что внесенные присяжными заседателями ответы на данные вопросы не соответствуют результатам проведенного по ним голосования [1]. Поскольку приговор постановлен на основании противоречивого вердикта, ВС РФ также отменил вынесенный Волгоградским областным судом приговор от 17 февраля 2017 г. и направил уголовное дело на новое судебное разбирательство.

Анализируя данные определения, можно констатировать, что непонимание присяжными заседателями механизма голосования и дальнейшего заполнения вопросного листа, а также невнимательность судей при проверке всех данных присяжными ответов на соответствие друг другу, всегда влечет за собой негативные последствия, а именно отмену или изменение вынесенного приговора.

Думается, что указанных ошибок можно было бы избежать, если бы судьи имели возможность использовать тот бланк вопросного листа (приложение № 31), который существовал в УПК РФ [17], но был исключен Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ [7]. Данный бланк предусматривал фиксацию результатов голосования присяжных таким образом, который не допускал двойного толкования. Заседатели понимали, что голосование «за» – это ответ на поставленный вопрос «да, доказано», голосование «против» соответствует ответу «нет, не доказано».

Представляется необходимым вернуть указанный бланк в качестве приложения к ст. 343 УПК РФ.

- *Самая распространённая ошибка, приводящая к отмене приговоров, постановленных на основании вердикта, – признание присяжными заседателями в рамках вопросного листа одного и того же факта как доказанным, так и не доказанным одновременно.* Как гласит логический закон противоречия – если первое суждение что-то утверждает, а второе – отрицает, но об этом же объекте, в одно и то же время и в одном и том же отношении, то они не могут быть одновременно истинными, одно из них непременно будет являться ложным [4].

Чаще всего в вердикте присяжных заседателей можно наблюдать нарушение вышеописанного закона логики, чему председательствующие по делу судьи не уделяют должного внимания.

По делу, рассмотренному Костромским областным судом (приговор от 28 декабря 2015 г.), коллегия присяжных признала доказанным событие преступления, в частности, производство двух выстрелов в потерпевшего Р., от чего наступила смерть последнего. В то же время, отвечая на вопрос о причастности Ильина (вопрос № 2), присяжные исключили из описания преступного деяния факт того, что «по ранее достигнутой договоренности Ильин С.В. из огнестрельного оружия дважды выстрелил», следовательно, признали недоказанным как сговор на убийство, так и производство выстрелов в потерпевшего Ильиным. Отвечая на вопрос № 3, присяжные заседатели признали Ильина виновным в совершении указанных деяний. Таким образом, ответив на основные вопросы, коллегия присяжных заседателей признала доказанным как участие Ильина в убийстве Р, так и его непричастность к совершению убийства. Указанные противоречия были оставлены без внимания председательствующим по делу.

Отменяя приговор, Судебная коллегия Верховного суда в апелляционном определении от 22 марта 2016 г. № 87-АПУ16-1СП указала, что не может быть признан убедительным вывод коллегии присяжных заседателей о наличии предварительной договоренности между Ильиным и Николаевым на совершение убийства Р., поскольку присяжными были даны взаимоисключающие ответы на вопросы № 2 и 5, при ответе на один из которых присяжные признали доказанным факт предварительной договоренности между подсудимыми на совершение убийства, а при ответе на последующий вопрос исключили из действий подсудимых какую-либо договоренность. Кроме того, наличие существенных противоречий в вердикте не позволяет сделать однозначный вывод о виновности или невиновности Ильина и Николаева в убийстве [2].

Отменяя приговор Ростовского областного суда от 13 апреля 2012 г., вынесенный на основании вердикта присяжных заседателей, в отношении Бацкиной С.В. ВС РФ в своем кассационном определении от 14 августа 2012 г. № 41-О12-47СП указал, что вердикт присяжных содержит существенные противоречия, поскольку из ответа на вопрос № 1 следует, что равным количеством голосов факт совершения преступления, в котором обвинялась Бацкина С.В., признан недоказанным. Отрицательный ответ на первый вопрос исключал ответы на последующие вопросы и старшина должен был вписать в вердикт слова «без ответа». Однако коллегия присяжных

принимала ответы на остальные вопросы голосованием, и при ответе на вопрос № 4 присяжные заседатели указали, что Бацкина С.В. заслуживает снисхождения, т. е. признали ее виновной, но заслуживающей снисхождения при назначении ей наказания. При наличии таких противоречий в вердикте председательствующий не выполнил требования ч. 2 ст. 345 УПК РФ, а именно: не указал на его неясность коллегии присяжных заседателей и не предложил им вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист. ВС РФ указал, что поскольку постановленный приговор не может считаться законным и обоснованным, он подлежит отмене, а дело – направлению на новое рассмотрение [5].

В кассационном определении от 24 сентября 2012 г. № 84-О12-19СП Верховный суд указал на то, что в вердикте присяжных заседателей между вопросами № 2, 9, поставленными в отношении подсудимого Валайтиса, и вопросами № 5, 12, 19 в отношении подсудимого Сергеева имеются неустрашимые противоречия.

Так, из вопросного листа следует, что присяжные заседатели, отвечая на сформулированные в вердикте вопросы в отношении Валайтиса (вопрос № 2), признали доказанным, что участником организованной группы, которого Валайтис привлек к участию в убийстве В., являлся Сергеев. Присяжные заседатели признали доказанным, что именно Сергеев по указанию Валайтиса осуществлял подготовку к убийству В. и выступил непосредственным исполнителем убийства, расстреляв потерпевшего В. При ответе на вопрос № 9 присяжные заседатели установили, что Сергеев в составе организованной Валайтисом устойчивой группы уничтожил идентификационный номер и номер двигателя транспортного средства в целях эксплуатации транспортного средства. Однако, отвечая на вопросы, поставленные отдельно в отношении Сергеева (вопросы № 5, 12, 19), присяжные заседатели посчитали недоказанным его причастность к убийству В., равно как и к другим преступлениям.

Аналогичным образом присяжные заседатели признали доказанным в вопросе № 2, что Валайтис осуществлял подготовку к убийству В. в составе организованной группы, давал распоряжение о подготовке автомобиля, отслеживании маршрута потерпевшего. И те же действия Валайтиса в вопросе о виновности Сергеева (вопрос № 5) признали недоказанными.

Таким образом, присяжные заседатели установили, что именно Сергеев являлся исполнителем преступлений в составе организованной группы, установили последствия совершенного преступления, однако, отвечая на вопросы о тех же действиях, но в отношении Сергеева – признали указанные

действия недоказанными [6]. Подобный противоречивый вывод присяжных заседателей не позволяет вынести справедливый и законный приговор по делу, однако председательствующий не посчитал данные противоречия существенными.

Отметим, что знание и понимание законов логики позволяет судьям на практике своевременно устранять встречающиеся логические противоречия, с которыми приходится сталкиваться. Необходимость следования основным законам логики при осуществлении правосудия обусловлена тем, что несоблюдение установленных правил влечет негативные юридические последствия и чаще всего это не просто отмена или изменение приговора. Никогда не следует забывать о том, что от принимаемых в суде решений зависят жизни конкретных людей, и цена совершенной ошибки может быть непомерно высокой.

- *Признание невиновности лица в совершении преступления при признании доказанными события преступления и причастности к преступлению подсудимого.* Несмотря на то что в законодательстве (ч. 3 ст. 343 УПК РФ) прямо предусмотрена возможность вынесения оправдательного вердикта в тех случаях, когда присяжные дали отрицательный ответ хотя бы на один из трех основных вопросов, указанных в ч. 1 ст. 339 УПК РФ. На практике приговоры, постановленные на основании подобных вердиктов присяжных заседателей, ставятся под сомнение государственными обвинителями, которые считают, что вердикты содержат в себе неясности и противоречия.

Уже ставший классическим пример – дело Веры Краскиной, которое было рассмотрено в 1995 г. Ивановским областным судом. Фабула дела проста: 60-летняя Вера Краскина обвинялась в умышленном убийстве своего сожителя Смирнова по п. «и» ст. 102 УК РСФСР. В качестве причины убийства подсудимая сослалась на беспробудное пьянство Смирнова, постоянное вымогательство им денег на приобретение спиртного. Эти тяжелые жизненные обстоятельства толкнули женщину на убийство. В ходе судебного разбирательства подсудимая согласилась с предъявленным обвинением, свою вину признала. Показания, данные Краскиной, подтверждались и исследованными доказательствами.

Казалось бы, все собранные по делу материалы свидетельствовали в пользу виновности подсудимой. Однако присяжные, признав доказанным событие преступления и причастность к нему Краскиной, отрицательно ответили на вопрос о её виновности, вынеся оправдательный вердикт.

Государственный обвинитель в кассационном протесте ссылался на противоречивость вердикта, что, по его мнению, привело к постановлению незаконного оправдательного приговора. Однако Верховный суд признал приговор законным, оставив кассационный протест без удовлетворения [3].

Еще один пример, когда сторона обвинения попыталась обжаловать оправдательный вердикт присяжных заседателей, ссылаясь на доказанность совершения подсудимыми противоправного деяния, отражен в кассационном определении Верховного суда Российской Федерации от 30.07.2009 № 20-О09-21СП. В данном случае судебная коллегия пришла к выводу о том, что положительные ответы на вопросы о наличии события преступления, о доказанности совершения преступления подсудимым и отрицательный ответ о виновности Магомедова А.А. в совершенном преступлении не являются неясностью и противоречивостью вердикта и не могут служить основанием к отмене оправдательного вердикта, поскольку ч. 3 ст. 343 УПК РФ прямо предусматривает правовые последствия дачи отрицательного ответа хотя бы на один из трех основных вопросов. Как правильно указала судебная коллегия, оправдательный вердикт считается принятым, если за отрицательный ответ на любой из поставленных в вопросном листе вопросов проголосовало не менее шести присяжных заседателей [15].

В определении Верховного суда РФ от 06.07.2010 № 89-О10-11СП Судебная коллегия указывает, что как следует из вопросного листа, на основные вопросы № 3, 9 в отношении соответственно Умарова А.К. и Засорина Д.В. присяжные заседатели ответили утвердительно о доказанности совершения ими разбойного нападения на пассажиров автомашины С., К., Ш., Ш., Т. и К., сопряженного с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предметов, используемых в качестве оружия, группой лиц по предварительному сговору, в целях завладения имуществом в особо крупном размере. Однако на основные вопросы № 4, 10 о виновности в совершении преступления присяжные ответили отрицательно в отношении Умарова А.К. (большинством голосов) и Засорина Д.В. (единодушно).

Таким образом, оправдательный приговор в отношении четырех лиц, а также этот же приговор в части осуждения пятого оставлен без изменения, так как оснований для признания вердикта присяжных противоречивым и, соответственно, для отмены оправдательного приговора, не имеется [13].

Во всех приведенных выше ситуациях государственные обвинители ссылались на то, что вердикт присяжных заседателей содержит противоречия и просили приговор отменить, а дело направить на новое рассмотрение.

Однако во всех случаях вышестоящая инстанция обоснованно признавала законными оправдательные приговоры со ссылкой на п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, оставляя их без изменений, а кассационные представления без удовлетворения.

Следует отметить, что одна из особенностей рассмотрения дел с участием присяжных заседателей заключается в том, что при ответе на вопрос о виновности подсудимого присяжные не связаны ответами на первые два вопроса, обозначенные в ст. 339 УПК РФ. Признание подсудимого невиновным при наличии очевидных доказательств во многом объясняется особенностями как рассматриваемого дела, так и самого института присяжных заседателей.

Действительно, в соответствии с ч. 1 ст. 17 УПК РФ присяжные заседатели, как и иные участники процесса, должны оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Несмотря на очевидность данной нормы, принимаемые присяжными заседателями решения не всегда поддаются логическому объяснению. Как указывает И.В. Овсянников: «отвечая на вопрос о виновности подсудимого в совершении деяния, присяжные заседатели говорят о наличии или отсутствии вины с точки зрения нравственности, опираясь на общественную мораль, носителями и выразителями которой они являются» [12].

Принимая то или иное решение, присяжные обращают внимание прежде всего на личность не только подсудимого, но и потерпевшего. Присяжные могут испытывать сострадание к лицу, которое совершило преступление и негативные эмоции к пострадавшему (как это и случилось в деле Краскиной, когда на присяжных негативное впечатление произвела личность погибшего сожителя подсудимой, а также возраст последней, длительное содержание её под стражей, тяжелые жизненные обстоятельства, которые побудили Краскину на совершение преступления).

Несогласие с существующим законом (когда присяжные считают существующие меры наказания слишком суровыми), недоверие к стороне обвинения, которая, по мнению присяжных, может недобросовестно выполнять свои обязанности, неспособность сторон, участвующих в процессе, понятным и доступным языком излагать присяжным сложную юридическую информацию по делу – все эти обстоятельства могут стать причиной вынесения не всегда обоснованных оправдательных вердиктов присяжными заседателями.

Проанализировав ошибки, которые возникают на практике, связанные с этапом проверки и провозглашения вердикта присяжных заседателей, можно сделать следующие выводы.

В случае, когда не представляется возможным точно установить, какое решение было принято присяжными заседателями хотя бы по одному из вопросов, отраженных в вопросном листе, либо содержание данных присяжными ответов будет допускать различные интерпретации – такой вердикт будет признан неясным.

Вердикт будет признан противоречивым в случае констатации несоответствия между содержанием вопросного листа и ответов, данных присяжными. Как показывает проведенный анализ правоприменительной практики, это могут быть ситуации, когда ответ на один из вопросов исключает ответ на все последующие вопросы, однако присяжные все равно принимают по ним решения. В ситуациях, когда ответы присяжных и итоги голосования (или разъяснения по ответам) являются взаимоисключающими, вердикт также будет признан противоречивым. В случае, если присяжные признают один и тот же факт как доказанным, так и недоказанным одновременно, принимая взаимоисключающие и противоречащие друг другу ответы, приговор, постановленный на основании вердикта присяжных заседателей, также будет признан противоречивым и будет подлежать отмене.

Какими бы ни были причины, по которым присяжные заседатели допускают противоречия в вердикте, основную ошибку, влекущую за собой отмену приговора, совершает судья, не принявший меры к выявлению и устранению противоречий и неясностей.

Обстоятельством, порождающим эти ошибки, является отсутствие в законе регламентированной процедуры проверки вердикта председательствующим судьей. Из положений УПК РФ неясно, должен ли судья проверять вердикт в зале суда в присутствии коллегии присяжных и сторон или может удалиться в совещательную комнату; если вердикт содержит большое количество вопросов, может ли судья объявить перерыв для отдыха в ночное время; где в это время должен храниться вердикт – у старшины присяжных или у судьи. Не восполнил этот пробел и Верховный суд в постановлении № 23 от 22 ноября 2005 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» [8].

Разработка и внесение соответствующих изменений в УПК РФ способствовали бы устранению судебных ошибок.

Список литературы

1. Апелляционное определение Верховного суда РФ от 18.05.2017 № 16-АПУ17-4СП // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
2. Апелляционное определение Верховного суда РФ от 22.03.2016 № 87-АПУ16-1СП // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

3. Вердикт «на всю Ивановскую» – как коллегия присяжных признала убийство, а подсудимую невиновной: [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/process/view/123310/> (дата обращения: 09.01.2018).
4. Закон противоречия: Википедия – свободная энцикл.: [Электрон. ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 09.01.2018).
5. Кассационное определение Верховного суда РФ от 14.08.2012 № 41-О12-47СП // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
6. Кассационное определение Верховного суда РФ от 24.09.2012 № 84-О12-19СП // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
7. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Рос. газета. – № 122. – 08.06.2007.
8. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: постановление Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 22.12.2015) // Рос. газета. – № 272. – 02.12.2005.
9. Обзор по делам, рассмотренным судами с участием присяжных заседателей в 2003 г.: обзор судебной практики Верховного суда РФ // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
10. Обзор практики Кассационной палаты Верховного суда РФ за 2002 год по делам, рассмотренным краевыми и областными судами с участием присяжных заседателей: обзор судебной практики Верховного суда РФ // Бюл. Верховного суда РФ. – 2003. – № 5.
11. Обзор судебной практики рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей: обзор судебной практики Верховного суда РФ // Бюл. Верховного суда РФ. – 2002. – № 7.
12. Овсянников И.В. Основания оправдания в суде присяжных (критический анализ судебной практики) // Рос. юстиция. – 1999. – № 7. – С. 10–11.
13. Определение Верховного суда РФ от 06.07.2010 № 89-О10-11СП // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
14. Определение Верховного суда РФ от 12.10.2006 № 42-о06-11СП // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
15. Определение Верховного суда РФ от 30.07.2009 № 20-О09-21СП // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 21.01.2018) // СЗ РФ. – 24.12.2001. – № 52 (Ч. I). – Ст. 4921.
17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.04.2007, с изм. от 16.05.2007) // Рос. газета. – № 249. – 22.12.2001.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341.241:347.82

А. В. Прозванченков, Р. А. Шахбазов

Договорная система в авиакомпании

В статье содержится анализ правовых норм, научных взглядов и доктринальных положений по вопросу понимания сущности договоров, заключаемых авиакомпаниями. На примере разновидностей договоров основное внимание уделяется рассмотрению и анализу проблемных вопросов правового регулирования функционирования договорной системы в авиакомпании.

The article contains analysis of legal standards, scientific views and doctrinal issues, on the issue of understanding the essence of contracts entered into by the airline. On the example of the types of contracts authors have focused on the review and analysis of problematic issues in legal regulation of the functioning of the treaty system in the airline.

Ключевые слова: договор, договорная система, договорная работа, правовое регулирование, типовой договор, локальные акты авиакомпании.

Key words: contract, treaty system, contract work, legal regulation, standard contract, local acts of the airline.

Договор является важнейшим средством правового регулирования коммерческой деятельности авиакомпании, поэтому его заключение ведет к установлению юридической связи между его участниками, тогда как издание законов и иных правовых актов, определяющих правила поведения широкого круга лиц, само по себе не порождает взаимоотношений между ними [5, с. 15]. Употребление в повседневной работе термина «договор» исключительно в узком смысле, т. е. как документа, определяющего условия взаимодействия сторон, безусловно, является ошибочным, так как это не позволяет охватить все многообразие возможных форм существования договорных отношений [6, с. 136]. Поэтому будет полезным рассмотрение классификации договоров в авиакомпании, что поможет рассмотреть существующую палитру договорной работы, а также позволит лучше понять сущность договора и договорных отношений.

Научное познание сущности договорной системы в авиакомпании будет абсолютно скудным без рассмотрения классификации договоров, представляющих собой важнейшие качественные характеристики и ориентиры не только собственно должностных лиц авиакомпании, но и в целом ее политики на рынке оказания услуг. В этом случае важно подчеркнуть, что договор является основной разновидностью сделок, а следовательно, положения о классификации последних распространяются и на договоры. Таким образом, среди договоров мы можем выделить консенсуальные и реальные, возмездные и безвозмездные и др.

Исходя из объекта и содержания правового отношения, порождаемого договором, принято выделять имущественные (возникает имущественно-правовая связь, перемещение материальных благ, товарообмен) и организационные договоры (направлены на обеспечение и упорядочение возникающих в будущем имущественных отношений), при этом абсолютное большинство составляют именно имущественные договора.

По степени свободы волеизъявления сторон договоры можно подразделить на свободные и обязательные. Свободные – это договоры, заключение которых зависит от усмотрения сторон, обязательные – это договоры, заключение которых обязательно для одной или обеих сторон в силу указаний закона или добровольно принятого сторонами обязательства (например, договор об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика) [4].

Каждая из сторон договора обладает принципиальной свободой в выражении своей воли при выборе контрагента, вида договора, его условий и т. п. Отсутствие существенных разногласий в этом плане свидетельствует о совпадении воли сторон договора относительно предложенных условий, что будет располагать контрагентов к заключению договора. В большей степени приведенный пример касается разовых сделок и в меньшей характеризует заключение договоров в сфере предпринимательской деятельности. Безусловно, весьма трудоемкими будут проработка и увязывание с правовыми нормами согласованных сторонами различных условий каждого из множества возможных договоров с в авиакомпании. Хорошим подспорьем в этом случае может быть использование типизации договорных форм и разработка примерных образцов.

Этот вопрос закреплен, в частности, ст. 427 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ), которая относится в равной мере к случаям разработки формуляра договора и включения в какой-либо документ отдельных примерных условий договора. Указанная норма нацеливает

на существующие правовые последствия использования примерных форм договора. Во-первых, для договоров соответствующего вида разрабатываются свои примерные (специализированные) формы, а во-вторых, они должны быть опубликованы в печати. Последнее связано с безусловной презумпцией: каждый из контрагентов знал о существовании таких примерных форм.

Учитывая допущение п. 3 ст. 427 ГК РФ изложения примерных условий в виде примерного договора или любого иного документа, следует обратить внимание на существующие особенности подобных форм договоров. Прежде всего к таковым необходимо отнести наличие в договоре условий, облеченных в стандартную форму в результате кропотливой работы и тщательных переговоров контрагентов по согласованию взаимных интересов. Безусловно, подобные наиболее часто встречаются при крупных коммерческих операциях, например: чартеры, страхование предпринимательских рисков и т. п.

Другая категория иногда именуется «договорами присоединения». Условия договоров этой категории очень редко согласовываются: вместо этого их подготавливает одна сторона, которая эффективно воздействует на другую сторону: *«Если хотите делать со мной бизнес, Вы должны принять мои условия»* [1, с. 141].

Продолжительное время в отношениях между организациями, а также между юридическими и физическими лицами, достаточно широко применялись типовые договоры. Они разрабатывались применительно ко всему спектру однотипных договоров или для одной из его разновидностей, а возможно, также и под договоры, по условиям которых происходит реализация определенного вида товара, работ или услуг. Конечно, использование на практике типовых договоров влечет за собой значительное упрощение процесса возникновения договорных отношений, что является важной составляющей в случае массовой реализации продукции (работ или услуг).

Однако существует весьма важное отличие типовых договоров от примерных. Заключая конкретный договор на основе примерного, стороны свободны в выборе любого иного, отличного от примерного договора, варианта. Типовые договоры утверждаются государственным или иным органом, который в силу своей компетенции вправе устанавливать обязательные для сторон правила. Таким образом, с точки зрения его юридической силы любой типовой договор в зависимости от того, кто именно его утвердил, может занимать одно место с подзаконными нормативными актами.

Типовые договоры могут быть представлены в трех основных вариациях. Одни из них устанавливают права и обязанности сторон, другие определяют, как и какие условия должны фиксироваться в договоре, третьи указывают графы, содержащие существенные условия конкретного договора.

«Многочисленные гражданско-правовые договоры обладают как общими свойствами, так и определенными различиями, позволяющими отграничивать их друг от друга. Для того чтобы правильно ориентироваться во всей массе многочисленных и разнообразных договоров, принято осуществлять их деление на отдельные виды. В основе такого деления могут лежать самые различные категории, избираемые в зависимости от преследуемых целей» [2, с. 11].

Рассматривая классификации договоров в авиакомпании, следует за основу взять следующие их критерии:

1) по видам (внешнеэкономические и внутриэкономические – по СНГ);

2) по отраслевому регулятору (гражданско-правовые и трудовые);

3) по сроку действия (срочные, бессрочные с автоматической пролонгацией, рамочные договоры – срок не определен, не приветствуются авиакомпанией);

4) отдельное внимание заслуживает критерий классификации договоров по видам услуг:

✓ наземное обслуживание (аэропорт, воздушные суда), поставка бортового питания (кейтеринг);

✓ аэронавигационное и метеорологическое обслуживание;

✓ авиа ГСМ (топливо и масла);

✓ техническое обеспечение;

✓ сопутствующие услуги (гостиницы, доставка багажа, такси, трансферы авиакомпании);

✓ неаэропортовая деятельность;

✓ авиационная безопасность;

✓ информационные технологии;

✓ PR-договоры;

✓ аренда помещений и др.;

5) по коммерческому назначению (договор перевозки с пассажирами, договоры Код-Шеринг и чартеры);

6) договор в пользу третьего лица характеризуется тем, что последнее приобретает соответствующие права или обязанности, хотя не участвовало лично или через представителей в его заключении. Например, заключенный

авиакомпанией договор обязательного страхования жизни, здоровья пассажира и его багажа порождает обязанность выплаты страховой суммы самому застрахованному лицу при наступлении соответствующих условий (страхового случая). При этом пассажир не лишен возможности отказаться от осуществления права, предоставленного ему по договору. Исходя из вышесказанного авиакомпания, заключившая подобный договор со страховой компанией, не сохраняет возможности требовать от последней исполнения договора в свою пользу.

Рассматривая договорную систему авиакомпании прежде всего следует выделить внешние и внутренние договоры. Внешние договоры можно разделить на основные, вспомогательные, обеспечительные договоры, а также договоры социальной направленности. При этом основные договоры занимают 65 % общей доли в объеме договорных отношений. К ним относятся следующие:

Договор перевозки. «В соответствии с п. 1 ст. 786 ГК РФ по договору перевозки пассажира перевозчик обязуется перевезти пассажира в пункт назначения, а в случае сдачи пассажиром багажа также доставить багаж в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение багажа лицу; пассажир обязуется уплатить установленную плату за проезд, а при сдаче багажа – и за провоз багажа». По своей юридической природе договор перевозки багажа является консенсуальным, двусторонним и возмездным, а также публичным.

Коммерческие договоры. В соответствии со ст. 423 ГК РФ коммерческие договоры как договоры, совершаемые в процессе предпринимательской деятельности, направлены на извлечение сторонами определенной выгоды и всегда носят возмездный характер. В авиакомпании примером коммерческого договора может служить договор Код-Шеринг. «Практика код-шеринга широко распространена в гражданской авиации и основана на соглашениях, заключаемых между авиаперевозчиками. Код-шеринг (совместная эксплуатация рейсов) – форма сотрудничества между авиакомпаниями, когда одно направление обслуживается двумя или несколькими перевозчиками. При этом одна из авиакомпаний непосредственно выполняет рейс, а другая авиакомпания является партнером на направлении с правом продажи билетов на рейс под собственным кодом» [7].

Договор воздушного чартера. Статья 104 ВК РФ указывает, что «по договору фрахтования воздушного судна (воздушному чартеру) одна сторона (фрахтовщик) обязуется предоставить другой стороне (фрахтователю) за плату для выполнения одного или нескольких рейсов одно или несколько

воздушных судов либо часть воздушного судна для воздушной перевозки пассажиров, багажа, грузов или почты».

Также следует выделить *договоры наземного обслуживания* (аэропорт, воздушное судно, поставка бортового питания – кейтеринг), аэронавигационного и метеорологического обслуживания, на оказание услуг по обеспечению АвиаГСМ и др.

Техническое обеспечение: собственно плановые договора на материально-техническое обеспечение, а также разовые внеплановые договоры (на разные виды услуг).

Вспомогательные договоры занимают 5 % общей доли в объеме договорных отношений. К ним относятся договоры с гостиницами, такси, договоры по доставке багажа, трансферы авиакомпании.

Обеспечительные договоры, т. е. для собственных нужд, занимают 5 % общей доли в объеме договорных отношений. Эти договоры включают в себя договоры в сфере информационных технологий и пиар-договоры.

Социальные договоры занимают 5 % общей доли в объеме договорных отношений и являются безвозмездными. Эти договоры направлены на санитарно-курортное лечение персонала, на предоставление льготных авиабилетов, проезд персонала и медицину. Кроме того, к этой же категории договоров следует отнести контракты, заключаемые с учебными заведениями о прохождении стажировок и практик студентами и преподавателями, а также различные договора в порядке спонсорской помощи и благотворительных акций.

Внутренние договоры занимают 20 % общей доли в объеме договорных отношений. Это договоры гражданско-правового и трудового характера, а именно: договоры аренды помещений, собственно трудовые договоры, ученические договоры с учебными учреждениями, договоры о материальной ответственности, о дополнительных мерах материального стимулирования сотрудников и др.

Исходя из специфики перевозки пассажиров воздушным транспортом, организации, являющиеся операторами аэропортов, являются естественными монополистами. Поэтому деятельность, осуществляемая авиакомпанией (перевозчиком), невозможна без взаимодействия с оператором. Последний же, пользуясь своим исключительным положением в качестве монополиста, навязывает свои услуги и завышает тарифы, а именно умышленно ставит перед контрагентом условия, заведомо невыгодные для авиакомпании. Аэропорты регистрируют тарифы в ЦРТ (Центр расписания и тарифов) и предлагают свои услуги согласно прейскуранту [8].

Так как данный вопрос достаточно сложный, он требует всесторонней проработки. Для решения этой проблемы, предлагается внести изменения в соответствующий приказ Минтранса России [3], которые бы регламентировали верхний и нижний пределы тарифов, устанавливаемых аэропортами и, кроме того, прописывали бы возможность добровольного выбора какой-либо услуги авиакомпанией. Иными словами, необходимо определить, какие услуги должны быть обязательными, а какие дополнительными (на выбор авиакомпании).

Таким образом, подводя итог, следует подчеркнуть, что договорная система в авиакомпании – это совокупность заключаемых договоров, организационно-правовые основы организации договорной работы, включая формы и методики разработки проектов договоров, их заключение и реализация, а также деятельность должностных лиц в сфере функционирования договорной работы.

Список литературы

1. Договорное право: Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований: в 2 т. Кн. 5: Т. 1 / Брагинский М.И., Витрянский В.В. – М.: Статут, 2006. – 736 с.
2. Калемина В.В., Рябченко Е.А. Договорное право: учеб. пособие. – 9-е изд., испр. – М.: Омега-Л, 2015. – 256 с.
3. Об аэронавигационных и аэропортовых сборах, тарифах за обслуживание воздушных судов в аэропортах и воздушном пространстве Российской Федерации: приказ Минтранса России от 17.07.2012 № 241 (ред. от 06.02.2017) // Рос. Газета. – № 186. – 15.08.2012.
4. Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном: федер. закон от 14.06.2012 № 67-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // СЗ РФ. – 2012. – № 25. – Ст. 3257.
5. Петров И.В., Симатова Е.Л., Романова Е.Н., Шаповал О.В. Договорное право в частных и международных отношениях. – Краснодар: Изд-во ЮИМ, 2014. – 314 с.
6. Прозванченков А.В., Шахбазов Р.А. Сущность и источники правового регулирования договорной работы в авиакомпании // Ленингр. юрид. журн. – 2017. – № 2(48). – С. 136–143.
7. URL: <http://www.aeroflot.ru/ru-ru/about/flight>
8. URL: <https://www.tch.ru/ru-ru/Stc-and-statistics/Schedule-and-tariffs/Pages/Fees-Charges-Ground-Handling.aspx>

Особенности юрисдикции МЦУИС по урегулированию инвестиционных споров

В статье рассматриваются особенности юрисдикции Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС). Анализируется соотношение понятий «юрисдикция» (jurisdiction), «компетенция» (competence) и «приемлемость спора» (admissibility) в теории и в практике разрешения инвестиционных споров в рамках МЦУИС. Освещаются основные проблемы, которые могут возникнуть при передаче возникшего спора на разрешение в МЦУИС.

The article deals with the peculiarities of jurisdiction of the International Centre for Settlement of Investment Disputes (ICSID). The author analyses the connection between the terms «jurisdiction», «competence» and «admissibility» of the dispute in theory and practice of settlement of investment disputes within the framework of ICSID. The article highlights the main problems that may arise when the dispute is resorted to the ICSID.

Ключевые слова: МЦУИС, Вашингтонская конвенция, инвестиционный арбитраж, юрисдикция, инвестиционный спор, принцип компетенции-компетенции, Дополнительные правила МЦУИС.

Key words: ICSID, ICSID Convention, investment arbitration, jurisdiction, investment dispute, competence-competence, ICSID Additional Facility Rules.

Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) является одним из самых известных и авторитетных институтов, занимающихся рассмотрением и разрешением инвестиционных споров. Он был учрежден в 1966 г. в результате вступления в силу Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (ИКСИД/ICSID) (заключена в г. Вашингтоне 18.03.1965) (далее – «Вашингтонская конвенция»).

Для возможности разрешения споров в рамках МЦУИС необходимы определенные основания, при наличии которых посредники в примирительной процедуре или арбитры в арбитражном процессе наделяются полномочиями по

урегулированию того или иного спора. Основания юрисдикции МЦУИС установлены в гл. II Вашингтонской конвенции (*Компетенция центра*).

Согласно п. 1 ст. 25 Вашингтонской конвенции МЦУИС обладает юрисдикцией по рассмотрению правовых споров, «возникающих непосредственно из отношений, связанных с инвестициями», между договаривающимся государством и физическим либо юридическим лицом другого договаривающегося государства, которые в письменной форме выразили свое согласие передать такой спор на разрешение в МЦУИС. Таким образом, для рассмотрения спора в рамках МЦУИС необходимо в совокупности наличие следующих обстоятельств:

1) возникновение правового спора, который непосредственно (прямо) следует из инвестиций (*ratione materiae*);

2) сторонами инвестиционного спора являются договаривающееся государство и частное лицо другого договаривающегося государства (*ratione personae*);

3) согласие на примирительное производство или арбитраж, выраженное в письменной форме.

При рассмотрении вопроса об юрисдикции МЦУИС следует обратить внимание на положения п. 3 ст. 28, п. 3 ст. 36 Вашингтонской Конвенции, согласно которым генеральный секретарь вправе отказать в регистрации просьбы о возбуждении примирительного производства либо об арбитраже, если спор «явно» выходит за пределы юрисдикции МЦУИС. Как указывается в Докладе исполнительных директоров от 18 марта 1965 г. (*Report of the Executive Directors on the Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States. International Bank for Reconstruction and Development March 18, 1965*), данное полномочие призвано предотвратить урегулирование споров в ситуациях, когда стороны очевидно не дали свое согласие [13]. С другой стороны, в соответствии с п. 1 ст. 32, п. 1 и 2 ст. 41 Вашингтонской конвенции посредники и арбитры самостоятельно решают вопрос о своей компетенции либо в качестве предварительного вопроса, либо совместно при рассмотрении спора по существу, что является отражением соблюдения принципа компетенции-компетенции (*competence-competence* или *kompetenz-kompetenz*) [6, p. 271]. Арбитры и посредники тем не менее вправе признать отсутствие компетенции в тех случаях, когда генеральный секретарь уже зарегистрировал просьбу заявителя о рассмотрении спора (п. 2 ст. 32, п. 2 ст. 41 Вашингтонской конвенции).

Интересно обратить внимание на различие в терминологии, используемой в текстах Вашингтонской конвенции на разных языках в части определения юрисдикции МЦУИС. В русском и французском текстах Вашингтонской конвенции используется термин «компетенция» (*compétence*) [18, para. 17 p. 86]. В то же время в английском и испанском текстах указывается именно о «юрисдикции» МЦУИС (*jurisdiction/jurisdicción*). Более верным является говорить о юрисдикции МЦУИС, но о компетенции посредников или арбитров (суда или трибунала). Как было указано в Докладе исполнительных директоров от 18 марта 1965 г., использование термина «юрисдикция» продиктовано необходимостью определения границ действия положений Вашингтонской конвенции и администрирования МЦУИС [13]. Например, при рассмотрении доводов сторон в деле *Azurix Corp. v. The Argentine Republic* арбитры применительно к МЦУИС оперировали термином «юрисдикция», а в отношении полномочий арбитров – термином «компетенция» [5]. Состав арбитров недвусмысленно указал, что вопрос о наличии либо отсутствии юрисдикции по урегулированию спора решается в соответствии со ст. 25 Вашингтонской конвенции, а вопрос о наличии либо отсутствии компетенции арбитражного суда – нормами документа, в котором выражено согласие сторон на арбитраж. Таким образом, наличие юрисдикции МЦУИС не всегда означает наличие компетенции посредников или арбитров рассматривать спор [5, p. 230]. В связи с этим в теории выделяются концепция «объективной юрисдикции», согласно которой юрисдикция МЦУИС определяется в соответствии с положениями Вашингтонской конвенции, и концепция «специальной юрисдикции», которая определяется арбитражным соглашением, так как оно может предусматривать специальные основания для возможности разрешения споров в МЦУИС.

Профессор Шабтай Розен указал, что компетенция, в отличие от юрисдикции, характеризуется большей «субъективностью» и является составляющей для определения надлежащего осуществления юрисдикции [8, p. 15]. Таким образом, в то же время можно выделить юрисдикцию МЦУИС в узком смысле, которая определяется критериями, установленными в ст. 25 Вашингтонской конвенции, и в широком смысле, которая охватывает в том числе основания компетенции арбитражного суда.

Сторонники консенсуальной природы арбитража указывают, что при определении юрисдикции основополагающим является именно согласие сторон [18, p. 82, 83]. Так, возражения ответчика по делу могут основываться

на положениях договора, закона соответствующего государства, двусторонних или многосторонних инвестиционных соглашений, которые являлись основанием передачи спора на разрешение в МЦУИС. В деле *Helnan International Hotels A/S v. Arab Republic of Egypt* ответчиком на основании ст. 12 двустороннего инвестиционного соглашения между Королевством Дания и Арабской Республикой Египет заявлялось о несоблюдении *ratione temporis*. Спор между сторонами возник в связи с составленной программой приватизации, частью которой был отель, являющийся объектом инвестирования. Ответчик заявлял, что спор не может быть рассмотрен в рамках МЦУИС, так как он возник до 29 января 2000 г., т. е. до вступления двустороннего инвестиционного соглашения в силу [9]. Однако арбитры, рассмотрев фактические обстоятельства дела, отклонили данное возражение, так как разногласия между сторонами спора не могли возникнуть ранее 15 октября 2002 г., даты заключения дополнительного соглашения, где и было сторонами подтверждено, что отель входит в программу приватизации [9, para. 56].

При определении юрисдикции МЦУИС необходимо различать критерии юрисдикции (*jurisdiction*) и приемлемости спора для рассмотрения (*admissibility*). Определение приемлемости спора для рассмотрения позволяет установить, обладает ли состав арбитров полномочиями урегулировать данный конкретный спор [11]. Как указывается в юридической литературе, компетенция арбитража (*competence*) и категория приемлемости спора для рассмотрения (*admissibility*) одинаково отражают возможность разрешения конкретного спора, которая определяется соглашением сторон, но с разных позиций. С одной стороны, с позиции полномочий состава арбитров (*competence*), с другой, – приемлемости спора к рассмотрению, т. е. характеристики самого конкретного отношения (*admissibility*) [8, p. 13]. Так, разрешая вопрос о компетенции, арбитры одновременно устанавливают, приемлем ли спор к рассмотрению и наоборот.

Необходимость разграничения юрисдикции (*jurisdiction*) и приемлемости спора для рассмотрения (*admissibility*) была подчеркнута в деле *SGS Société Générale de Surveillance S.A. v. Republic of the Philippines*, где рассматривался вопрос о том, может ли спор, следующий из контракта, который предусматривает юрисдикцию национального суда, быть переданным на рассмотрение в МЦУИС в соответствии с двусторонним инвестиционным соглашением. Арбитры указали, что такой вопрос является не вопросом юрисдикции, а именно допустимости предъявления требования, исходящего из контракта, который предусматривает отличный от международного договора порядок разрешения спора. В конечном итоге арбитраж приостановил

рассмотрение спора до момента, когда требование о допустимости будет соблюдено, т. е. будет принято решение национального суда, так как арбитраж не обладает юрисдикцией по рассмотрению спора, следующего из контракта, в котором стороны согласовали исключительный порядок его урегулирования. Однако было оговорено, что его соблюдение не требуется при возникновении обстоятельств непреодолимой силы, например военного конфликта [16, paras. 1, 154–155, 170–174]. Иного рода возражение было заявлено в деле *Enron Corporation and Ponderosa Assets, L.P. v. Argentine Republic*. Ответчик заявлял, что истцы уже обратились за защитой своих прав в государственный суд, таким образом воспользовавшись опцией, предусмотренной в международном договоре: возможность передачи спора в МЦУИС или государственный суд (*fork in the road* или принцип *electa una via*). Так называемый пункт *fork in the road* одновременно устанавливает, что как только выбор компетентной инстанции истцом сделан, опция избрать другое учреждение для разрешения спора становится недоступна [10, р. 231]. Однако арбитраж отклонил указанное возражение, так как истцом в споре, рассматриваемом в государственном суде, являлись не сами инвесторы, а компания, акциями которой владели инвесторы; ответчиком являлось не государство, а регионы Аргентинской Республики. Кроме того, предмет спора, рассматриваемый в государственном суде, касался не нарушений положений международного договора, а национального законодательства [10, paras. 96, 98]. Таким образом, при определении приемлемости спора следует руководствоваться не только положениями соответствующего акта, где содержится согласие на передачу спора в МЦУИС, но принимать во внимание фактические обстоятельства для верного определения компетентной инстанции для разрешения спора и защиты прав инвесторов.

В качестве возражения о недопустимости рассмотрения спора в МЦУИС ответчик может также заявлять о несоблюдении требования о мирном урегулировании спора (*cooling-off period*). Так, в деле *RREEF Infrastructure (G.P.) Limited and RREEF Pan-European Infrastructure Two Lux S.à r.l. v. Kingdom of Spain* ответчик в соответствии со ст. 26 Договора к энергетической хартии (подписан в г. Лиссабоне 17.12.1994) указывал о необходимости соблюдения трехмесячного срока для подачи требования в арбитраж. Арбитры указали, что МЦУИС не обладает юрисдикцией в случаях, если требование истца будет признано в деле недопустимым [14, paras. 202, 203, 226]. Интересным является противоположное заключение арбитров по делу *Abaclat and Others v. Argentine Republic (formerly Giovanna a Becsara and Others v. The Argentine Republic)*. Арбитры признали, что требование провести мирные переговоры в соответствии с двусторонним

инвестиционным соглашением не является обязательным для сторон, так как оно может быть реализовано сторонами по спору только добровольно. Несоблюдение срока для мирного урегулирования спора, как было указано в решении, всего лишь означает, что условия для мирного урегулирования спора не были созданы, что не может служить препятствием для признания спора приемлемым к рассмотрению составом арбитров [3, paras. 564, 566].

В практике выражена позиция, в соответствии с которой разграничение критериев юрисдикции и приемлемости рассмотрения спора не является обязательным в контексте Вашингтонской конвенции, так как она не содержит критериев приемлемости спора для рассмотрения, а только основания юрисдикции МЦУИС. Так, в деле *Enron Corporation and Ponderosa Assets, L.P. v. Argentine Republic* вопрос о квалификации миноритарных акционеров в качестве инвесторов оспаривался Аргентинской Республикой в качестве возражения на допустимость рассмотрения спора. Арбитраж сделал оговорку о том, что указанный вопрос требует разрешения, независимо от того, является ли он проблемой юрисдикцией или допустимости рассмотрения спора. Однако в указанном деле все же было сделано некоторое разграничение рассматриваемых понятий. Так, арбитры определили, что недопустимость рассмотрения спора влечет за собой отказ в иске по основаниям, связанным с существом спора [7]. Тем самым подтверждается, что несмотря на наличие юрисдикции МЦУИС, состав арбитров вправе отказать в иске при неприемлемости спора к рассмотрению при наличии определенных нарушений, касающихся предмета спора.

Несмотря на то что Вашингтонская конвенция не содержит норм, касающихся условий допустимости спора к рассмотрению или компетенции арбитров, разграничение оснований юрисдикции МЦУИС и приемлемости спора к рассмотрению имеет основополагающее значение в случае оспаривания вынесенных решений по делу. В соответствии с п. 1(б) ст. 1 Вашингтонской конвенции основанием отмены решения является превышение арбитражем полномочий. Принимая во внимание, что арбитражное решение по существу спора не подлежит пересмотру, а возражения на приемлемость спора касаются предмета спора, можно заключить, что комитет *ad hoc* в процессе оспаривания решения может пересматривать только решения в отношении юрисдикции МЦУИС, но не вопросы приемлемости спора для разрешения. В связи с этим для разграничения решений в отношении юрисдикции и приемлемости спора в научной литературе предлагается поставить вопрос, намеривались ли стороны исключить возможность рассмотрения данного спора в принципе (т. е. спор неприемлем к рассмотрению вообще

или до выполнения соответствующих условий) или все же сохранить вероятность его разрешения какой-либо другой инстанцией (что говорит об отсутствии юрисдикции МЦУИС, но о возможности передачи спора, например в государственный суд) [12, р. 608, 616, 617]?

Необходимо принимать во внимание, что рассмотрение споров в рамках МЦУИС возможно не только на основании положений Вашингтонской конвенции. Стороны могут согласиться на рассмотрение спора в соответствии с Правилами МЦУИС о дополнительных средствах администрирования Секретариатом процесса урегулирования инвестиционных споров (*Rules Governing the Additional Facility for the Administration of Proceedings by the Secretariat of the International Centre for Settlement of Investment Disputes / Additional Facility Rules*) (далее – «Дополнительные правила»). Дополнительные правила были впервые приняты в 1978 г., в настоящее время действуют Дополнительные правила, принятые в 2006 г. Согласно их положениям МЦУИС обладает юрисдикцией в следующих случаях:

1) государство-реципиент не является участником Вашингтонской конвенции, любое физическое или юридическое лицо не обладают национальностью договаривающегося государства;

2) правовой спор не следует непосредственно из инвестиций, однако возник между договаривающимся государством и физическим или юридическим лицом другого договаривающегося государства;

3) в процессе необходимо установление только фактических обстоятельств, а не разрешение правового спора [4].

Так, спор с участием Российской Федерации, не ратифицировавшей Вашингтонскую конвенцию, тем не менее может быть передан на разрешение в МЦУИС в соответствии с Дополнительными правилами на основании норм Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в Нью-Йорке в 1958 г.) (далее – «Нью-Йоркская конвенция») при наличии соответствующего письменного соглашения или иного международного соглашения [1]. Например, в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений предусматривается, что если Вашингтонская конвенция не вступила в силу для любой из договаривающихся сторон, то спор может быть передан на рассмотрение в МЦУИС в соответствии с Дополнительными правилами МЦУИС [2]. Однако при этом необходимо принимать во внимание, что порядок исполнения решений в соответствии с Нью-Йоркской и Вашингтонской конвенциями будет различным. По информации, имеющейся в электронной базе данных МЦУИС, по

состоянию на 31 декабря 2017 г. споры с участием Российской Федерации еще не передавались на разрешение в МЦУИС [17].

Таким образом, юрисдикция МЦУИС обладает особенностями, которые выделяют его среди иных арбитражных центров. Принимая во внимание существующие разночтения в теории и практике МЦУИС по вопросу юрисдикции (*jurisdiction*), компетенции (*competence*) или приемлемости спора для разрешения (*admissibility*), разграничение указанных понятий позволит раскрыть и понять принцип построения процесса урегулирования инвестиционных споров в рамках МЦУИС в целом и обеспечит соблюдение прав спорящих сторон, в том числе при возникновении необходимости оспаривания решений в отношении юрисдикции МЦУИС.

Список литературы

1. Лисица В.Н. Об инвестиционных спорах с участием Российской Федерации и их подсудности международному центру по урегулированию инвестиционных споров // Закон. – 2013. – № 3. – С. 113–118 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. Версия «Проф».
2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики и поощрении и взаимной защите капиталовложений, п. 2(б) ст. 9 // www.mid.ru. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-122/45914 (дата обращения: 05.01.2018).
3. *Abaclat and Others v. Argentine Republic*, ICSID Case No. ARB/07/5 (formerly *Giovanna a Beccara and Others v. The Argentine Republic*), Decision on Jurisdiction and Admissibility, 04 August 2011, paras. 564, 566 // www.italaw.com. – URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0236.pdf> (дата обращения: 25.12.2017).
4. Additional Facility Rules, 2006, Art. 2 // www.icsid.worldbank.org. URL: https://icsid.worldbank.org/en/Documents/icsiddocs/AFR_English-final.pdf (дата обращения: 28.01.2017).
5. *Azurix Corp. v. The Argentine Republic*, ICSID Case No. ARB/01/12, Decision on Jurisdiction, 08 December 2003, paras. 50–52 // www.italaw.com. – URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0060.pdf> (дата обращения: 03.12.2017).
6. Born G.B. *International Arbitration: Cases and Materials* // The Netherlands: Kluwer Law International BV. – 2015. – P. 3083.
7. *Enron Corporation and Ponderosa Assets, L.P. v. Argentine Republic*, ICSID Case No. ARB/01/3 (also known as: *Enron Creditors Recovery Corp. and Ponderosa Assets, L.P. v. The Argentine Republic*), Decision on Jurisdiction, 14 January 2004, paras. 33–35, 95, 96, 98 // www.italaw.com. – URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0290.pdf> (дата обращения: 31.12.2017).

8. Heiskanen V. *Ménage à trois? Jurisdiction, Admissibility and Competence in Investment Treaty Arbitration*. ICSID Review. – 2013. – P. 1–16. – URL: http://www.lalive.ch/data/publications/icsidreview_sit033_full.pdf (дата обращения: 13.01.2018).

9. *Helnan International Hotels A/S v. Arab Republic of Egypt*, ICSID Case No. ARB/05/19, Decision of the Tribunal on Objection to Jurisdiction, 17 October 2006, para. 41 // www.italaw.com. – URL: https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0398_0.pdf (дата обращения: 02.01.2018).

10. Moses M.L. *The Principles and Practice of International Commercial Arbitration*. – New York: Cambridge University Press. – 2008. – P. 340.

11. Newcombe A. *The Question of Admissibility of Claims in Investment Treaty Arbitration* // Kluwer Arbitration Blog. 2010. URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2010/02/03/the-question-of-admissibility-of-claims-in-investment-treaty-arbitration/> (дата обращения: 08.01.2018).

12. Paulsson J. *Jurisdiction and Admissibility*. – Global Reflections on International Law, Commerce and Dispute resolution. ICC Publishing, Publication 693. – 2005. – P. 601–617. – URL: http://www.arbitration-icca.org/media/0/12254599444060/jasp_article_-_jurisdiction_and_admissibility_-_liber_amicorum_robert_briner.pdf (дата обращения: 08.01.2018).

13. Report of the Executive Directors on the Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States. International Bank for Reconstruction and Development, 18 March 1965, Section V, para. 22 // www.icsid.worldbank.org. – URL: <https://icsid.worldbank.org/ICSID/StaticFiles/basicdoc/partB-section02.htm> (дата обращения: 29.01.2017).

14. RREEF Infrastructure (G.P.) Limited and RREEF Pan-European Infrastructure Two Lux S.à r.l. v. Kingdom of Spain, ICSID Case No. ARB/13/30, Decision on Jurisdiction, 06 June 2016, paras. 202–203, 226 // www.italaw.com. – URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw7429.pdf> (дата обращения: 05.01.2018).

15. Schreuer Ch.H., Malintoppi L., Reinisch A., Sinclair A. *The ICSID Convention: A Commentary* // London, Cambridge University Press. – 2nd edition. – 2009. – P. 1524.

16. *SGS Société Générale de Surveillance S.A. v. Republic of the Philippines*, ICSID Case No. ARB/02/6, Decision on Jurisdiction, 29 January 2004, paras. 1, 154–155, 170–174 // www.italaw.com. – URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0782.pdf> (дата обращения: 24.12.2017).

17. URL: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/cases/searchcases.aspx> (дата обращения: 05.01.2018).

18. Wehland H. *Jurisdiction and Admissibility in Proceedings under the ICSID Convention and the ICSID Additional Facility Rules*. – P. 227–347. – URL: http://www.lenzstaehelin.com/uploads/tx_netvlsldb/Hanno_Wehland_Jurisdiction_and_Admissibility.pdf (дата обращения: 24.12.2017).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

УДК 342.9(470):349.6

Л. С. Булгакова

Административная деятельность таможенных органов Российской Федерации в области охраны окружающей среды и природопользования

В статье рассматриваются вопросы административной деятельности таможенных органов Российской Федерации в области охраны окружающей среды и природопользования. Анализируются преимущественные функции указанного органа исполнительной власти. Сформулированы выводы об имеющихся правовых пробелах в сфере закрепления за таможенными органами Российской Федерации функций, при наличии имеющихся в настоящее время правовых актов.

The article is devoted to the administrative activities of the customs bodies of the Russian Federation in the field of environmental protection and nature management. The author analyzes the primary functions of the said executive authority. Conclusions are drawn about the existing legal gaps in the sphere of assigning functions to the customs bodies of the Russian Federation, in the presence of currently available legal acts.

Ключевые слова: таможенные органы, животный и растительный мир, окружающая среда, контрабанда, административная деятельность, функции таможенных органов.

Key words: customs authorities, flora and fauna, environment, smuggling, administrative activities, customs functions.

Согласно Федеральному закону от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [11] (далее – Федеральный закон об охране окружающей среды) на органы государственной власти, осуществляющие функции государственного управления в сфере охраны окружающей среды и природопользования, закреплены следующие правовые основы:

- осуществление отдельных методов экономического регулирования в области охраны окружающей среды;
- экологические виды нормирования, лицензирования и сертификации;

- обеспечение установленных правовых режимов при природопользовании и осуществлении иной хозяйственной деятельности;
- объявление и установление режима зон экологического бедствия, установление защиты окружающей среды в зонах чрезвычайных ситуаций;
- обеспечение сохранения флоры и фауны;
- осуществление государственного экологического мониторинга и государственного экологического надзора;
- выявление, оценка и учет объектов накопленного вреда окружающей среде и иное.

Ряд вышесказанных функций возложен на таможенные органы Российской Федерации, и в отраслевом законодательстве Российской Федерации их правовое определение имеет свои особенности.

Согласно п. 3 ст. 60 Федерального закона об охране окружающей среды ввоз и вывоз из Российской Федерации, а также транзитная перевозка, оборот редких растений, животных и других организмов регулируется с учетом требований международного права. Однако большое количество функций таможенных органов Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды и природопользования, которые закреплены в вышеуказанном федеральном законе, выявляются с учетом отсылочного характера многих его норм.

Так, например, ст. 17 Федерального закона об охране окружающей среды помимо установления налоговых и иных льгот, может быть применено освобождение от уплаты таможенных сборов [9], следовательно, таможенные органы осуществляют экономическое регулирование в области охраны окружающей среды.

В диспозиции ст. 45, 47, 55, 54, 69.1 напрямую указывается, что таможенные органы Российской Федерации играют важную роль в обеспечении правовых режимов при использовании природных ресурсов, а также осуществляют иную хозяйственную деятельность. На таможенные органы также возложены функции правоохранительного характера, так, согласно ст. 75 Федерального закона об охране окружающей среды за контрабанду особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов предусмотрена уголовная ответственность, в том числе имеются составы административных правонарушений в области охраны окружающей среды именно в области таможенного дела.

Функции таможенных органов в сфере охраны окружающей среды и природопользования закреплены в ряде правовых актов в области таможен-

ного дела: Федеральном законе от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [5] (далее – Федеральный закон о таможенном регулировании). На основании указанной правовой нормы её принимаются федеральные законы, а также таможенное законодательство Таможенного союза в рамках Евразийского экономического союза.

Пунктом 9 ч. 1 ст. 12 Федерального закона о таможенном регулировании закреплены основные функции таможенных органов и установлено, что они «содействуют осуществлению мер по защите ... животных и растений, охране окружающей природной среды». Данная функция устанавливает, что животные и растения рассматриваются объектом административно-правовой защиты, а окружающая среда – объектом административно-правовой охраны, однако понятия «охрана» и «защита», являются разными видами правоохранительной деятельности, охрана осуществляется постоянно и обозначает возможность осуществления права, а защита всегда используется только в отношении нарушенного права, она и есть одна из форм охраны.

Статьей 12 Федерального закона о таможенном регулировании закреплены иные обязанности таможенных органов, так например, соблюдение запретов и ограничений в отношении товаров, ввозимых в Российскую Федерацию и вывозимых из Российской Федерации и иное.

Среди законодательных актов, напрямую не относящихся к таможенной сфере, можно выделить Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [10], предусматривающий отсутствие лицензии в сфере внешней торговли товарами, которые могут оказать неблагоприятное воздействие на ... окружающую среду, жизнь или здоровье животных и растений, и является основанием для отказа в выпуске товаров таможенными органами Российской Федерации и иное.

Согласно Федеральному закону от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» [6] в таможенные органы при ввозе в Российскую Федерацию продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия, одновременно с таможенной декларацией представляются документы о признании результатов подтверждения соответствия. Одним из блоков таможенных органов являются оперативные подразделения, которые осуществляют оперативно-розыскную и иную деятельность на основании в том числе Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [8].

Закрепленные в вышеизложенных правовых положениях функции сводятся к тому, что таможенные органы осуществляют защитную и охранную функцию объектов природопользования путем таможенного контроля от негативного воздействия на них как в результате внешнеторговой деятельности, так и в области таможенного дела.

Сравнивая функции таможенных органов в области охраны окружающей среды и природопользования, закрепленные в Федеральном законе об охране окружающей среды и в законодательстве о таможенном деле, в последнем случае законодатель отказался от выделения в природоохранной деятельности таможенных органов борьбы с контрабандой, нарушениями таможенных правил и пресечения незаконного оборота через таможенную границу Российской Федерации видов животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения, их частей и девиантов и вернулся к более общему обозначению выполняемых таможенными органами природоохранных функций; систематизировал все функции с учетом наличия в настоящее время в Российской Федерации двухуровневого таможенного регулирования, наднациональный уровень которого включает Таможенный кодекс Таможенного союза [15], Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [1], а в перспективе – Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [14] и соответствующие решения Евразийской экономической комиссии, которые должны будут вступить в силу в ближайшее время.

Одной из задач таможенных органов, согласно Таможенному кодексу Таможенного союза (далее – ТК ТС), является обеспечение в пределах компетенции мер по защите животного и растительного мира, окружающей среды государств – членов Таможенного союза. Вместе с тем данная задача отличается от содержания, закрепленного в Федеральном законе о таможенном регулировании.

Так например, если ТК ТС определяет «основные задачи», то Федеральный закон о таможенном регулировании – «основные функции (обязанности)» таможенных органов; по содержанию рассматриваемой задачи как «животный и растительный мир», так и «окружающая среда» рассматриваются в ТК ТС только объектами административно-правовой защиты; согласно ТК ТС таможенные органы не «содействуют осуществлению мер по защите...», а «обеспечивают меры по защите...» и иное.

С учетом выделенных в пределах своей компетенции задач таможенных органов по охране окружающей среды государств – членов Таможенного союза по-иному закреплены в ТК ТС и функции таможенных органов

в области природоохранной деятельности. Так, выявление, предупреждение и пресечение административных преступлений на основании законодательства государств – членов Таможенного союза являются одной из основополагающих задач таможенных органов на территории Таможенного союза.

В законодательстве Российской Федерации правоохранительная деятельность таможенных органов, на наш взгляд, прописана бессистемно, в ТК ТС данная деятельность систематизирована в ст. 7, например производство дознания по делам о контрабанде и иных преступлениях и иное. В ТК ТС в настоящее время вновь закреплены контрольные функции таможенных органов, используемые ранее, а именно в Таможенных кодексах Российской Федерации 1993 г. и 2003 гг., но вместе с тем исключенные из Федерального закона о таможенном регулировании, так при существовании угрозы окружающей среде таможенные органы вправе проводить таможенный досмотр в отсутствие декларанта и иных лиц.

В ТК ТС закреплена такая цель по применению системы управления рисками, как «обеспечение в пределах компетенции таможенных органов мер по ... охране окружающей среды».

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что компетенционные нормы административно-правового статуса таможенных органов в сфере охраны окружающей среды и природопользования, закрепленные в различных отраслях законодательства Российской Федерации, в связи с интенсивным изменением законодательства Российской Федерации в современных условиях быстро устаревают и, учитывая развитие международной региональной интеграции, нуждаются в гармонизации и (или) унификации.

Важно отметить, что в рамках Таможенного союза и единого экономического пространства правовое обеспечение функций таможенных органов в области охраны окружающей среды и природопользования обеспечивает право Евразийского экономического союза. В частности, учитывая классификацию природных ресурсов, а также запретов и количественных ограничений экспорта и импорта товаров на таможенной территории Союза, Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС, Договор) устанавливает правовые функции таможенных органов в области охраны окружающей среды, например, при ввозе и (или) вывозе отдельных товаров могут применяться меры (запреты и количественные ограничения экспорта и импорта товаров на таможенной территории Союза), в случае если эти меры необходимы для охраны ... окружающей среды, животных и растений и иное.

Внедряемые стандарты и тенденции в рамках Евразийского экономического союза создают скорые перспективы для развития таможенного дела в Российской Федерации.

После вступления в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) и решений Евразийской экономической комиссии произойдут значительные изменения функций таможенных органов в рассматриваемой сфере. ТК ЕАЭС одновременно определяет функции и задачи таможенных органов и в том числе одной из задач указанных органов является «защита ... животного и растительного мира, окружающей среды» в пределах компетенции.

Согласно контрольным функциям таможенных органов, которые прописаны в других статьях ТК ЕАЭС, в указанном законе также закреплены предметные положения контрольных функций, например, таможенная процедура уничтожения не применяется, если уничтожение товаров может причинить вред окружающей среде. Также в ТК ЕАЭС приобретен системный характер правоохранительной деятельности таможенных органов для решения задач по защите окружающей среды.

Положение о Федеральной таможенной службе определяет предметно-отраслевые функции федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области таможенного дела, и организацию деятельности по их осуществлению и закрепляет, что она «содействует осуществлению мер по защите ... животных и растений, охране окружающей природной среды» [7].

В Общем положении о региональном таможенном управлении и Общем положении о таможене, утвержденных приказом ФТС России от 04.09.2014 № 1700 [12], а также Общем положении о таможенном poste, утвержденном приказом ФТС России от 04.09.2014 № 1701 [13], закреплены аналогичные полномочия таможенных органов в данной сфере: «обеспечение в пределах своей компетенции мер по защите ... животного и растительного мира, окружающей среды».

Как следует из вышесказанного, отдельные важные элементы компетенционной части административно-правового статуса таможенных органов, прописанные в ТК ЕАЭС в области «защиты ... животного и растительного мира, окружающей среды» (а не «содействия осуществлению мер по защите...» и не «обеспечения в пределах своей компетенции мер по защите ...»), в положениях о таможенных органах пока не закреплены, а методология правового определения функций таможенных органов как органов специальной компетенции государственного управления в области

охраны окружающей среды и природопользования (цель определяет задачи, на основе которых формулируются функции, каждая из которых обеспечивается полномочиями) имеет недостатки.

Как и нормы законодательства Российской Федерации в области таможенного дела, устанавливающие административно-правовой статус таможенных органов в области охраны окружающей среды и природопользования, нормы по указанному предмету регулирования, закрепленные в подзаконных актах указанного законодательства, нуждаются в гармонизации и (или) унификации в соответствии с правом Евразийского экономического союза.

Так, например, в связи с заключением 01.01.2015 и 08.05.2015 новой редакции Договора о ЕАЭС вступили в силу новые правила перемещения товаров через таможенную границу Российской Федерации. Из-за образовавшегося в связи с этим в Российской Федерации одновременного действия ряда законов и подзаконных актов, возникла проблема с единообразным применением таможенных правил, нарушение которых является, в том числе и уголовным преступлением – контрабандой.

Пленумом Верховного суда Российской Федерации 27.04.2017 г. принято в новом виде Постановление о судебной практике по делам о контрабанде [4]. Согласно данной редакции, установлено, что при рассмотрении судами уголовных дел о контрабанде, им надо учитывать, что правовое регулирование таможенных отношений в Российской Федерации осуществляется в соответствии с международными договорами и законодательством Российской Федерации о таможенном деле, которое включает себя ТК ТС и Договор о ЕАЭС.

В частности, несмотря на то что в ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, подп. 3 и подп. 4 п. 1 ст. 29 Договора о ЕАЭС допускают ограничения в порядке функционирования внутреннего рынка товаров, если такие ограничения необходимы для «охраны окружающей среды» и «охраны животных и растений». В отношении отдельных подобных товаров ограничения на территории Российской Федерации дополнительно могут устанавливаться национальным законодательством. Однако перечни таких товаров законодательством не определены. В связи с этим следует помнить, что одним из наиболее эффективных международных соглашений в области охраны животного и растительного мира является Конвенция СИТЕС от 3 ноября 1973 г.

Учитывая, что в ближайшее время в силу вступит ТК ЕАЭС, соответствующие решения Евразийской экономической комиссии, с учетом новой

редакции Федерального закона о таможенном регулировании, Федеральной таможенной службой утверждена Комплексная программа развития ФТС России на период до 2020 года [3] (далее – Комплексная программа). Комплексная программа ФТС России по сути дублирует ТК ЕАЭС, в числе четырех основных функций таможенных органов выделяется защита окружающей среды. Комплексной программой установлена единая система приоритетов и целевых ориентиров с учетом экономических преобразований и внешнеполитических интересов Российской Федерации, определены направления развития таможенных органов, одним из основных из которых является совершенствование правоохранительной деятельности: «весьма важную роль играет деятельность таможенных органов, направленная на ... борьбу с острыми экологическими проблемами».

Направлением международного сотрудничества с таможенными органами государств – участников Конвенции СИТЕС от 3 марта 1973 г. определен обмен сведениями о выданных этими органами разрешениях (сертификатах) СИТЕС, а с государствами, являющимися участниками Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой, 16 сентября 1987 г. [2], – обмен сведениями о перемещении таких веществ.

Основные усилия правоохранительной деятельности таможенных органов в соответствии с Комплексной программой должны быть направлены на «предупреждение, выявление и раскрытие преступлений и административных правонарушений, отнесенных к компетенции таможенных органов, пресечение каналов контрабанды ...», а одной из основных задач по развитию правоохранительной деятельности определено «повышение эффективности деятельности оперативно-розыскных подразделений таможенных органов по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений, связанных ... с борьбой с особо опасными видами контрабанды».

Совершенствование деятельности таможенных органов в части обеспечения соблюдения запретов и ограничений, а также защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в отношении ввозимых (вывозимых) товаров предусматривает «сохранение потенциала системы таможенных органов по недопущению причинения вреда в интересах защиты ... животного и растительного мира, окружающей среды...».

С учетом изложенного, следует обратить внимание и на меры по концептуальному пересмотру Федерального закона о таможенном регулировании в части установления административно-правового статуса таможенных органов как органов специальной компетенции государственного управления в области охраны окружающей среды и природопользования.

В частности, если в действующем в настоящее время Федеральном законе о таможенном регулировании закреплены «функции (обязанности) таможенных органов», то в подготовленном (по состоянию на 22.08.2017) Минфином России проекте Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» – «функции и задачи таможенных органов». При этом определяется, что таможенные органы в пределах своей компетенции обеспечивают на территории Российской Федерации выполнение задач и функций, установленных ст. 351 ТК ЕАЭС, а также выполняют иные (перечисляемые при этом) функции.

Таким образом, можно сделать выводы, что в новом проекте Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» функции таможенных органов Российской Федерации в области охраны окружающей среды и природопользования как органов специальной компетенции определены более полно, но вместе с тем отдельные положения статей указанного проекта, несмотря на их систематизированный и одновременно отсылочный характер, нуждаются в уточнениях и пояснениях.

Так например, термин «функции и задачи таможенных органов» с методологической точки зрения является недостаточно верным, поскольку функции формулируются на основе задач, а не задачи на основе функций.

Кроме того, функции, установленные ст. 351 ТК ЕАЭС, дублируют правоохранительные функции таможенных органов, закрепленные в 354 ТК ЕАЭС. При этом ключевые слова, используемые составителями нового проекта Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» в отношении правоохранительной деятельности и образуемые на их основе словосочетания, воспринимаются сложнее.

Все это указывает на то, что в рамках пересмотра и (или) принятия новых правовых актов в связи с закреплением за таможенными органами такой задачи, как «защита... животного и растительного мира, окружающей среды...», предстоит большая работа.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союз от 29.05.2014 (г. Астана) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
2. Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой от 16.09.1987 (г. Монреаль) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
3. О Комплексной программе развития Федеральной таможенной службы России на период до 2020 года: решение коллегии Федеральной таможенной службы России от 25.05.2017 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

4. О судебной практике по делам о контрабанде: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.04.2017 № 12 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
5. О таможенном регулировании в Российской Федерации: федер. закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
6. О техническом регулировании: федер. закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
7. О Федеральной таможенной службе: постановление Правительства Российской Федерации от 16.09.2013 № 809 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
8. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
9. Об освобождении от уплаты таможенных сборов за совершение действий, связанных с выпуском товаров, при ввозе на территорию Российской Федерации уловов водных биологических ресурсов и произведенной из них рыбной и иной продукции: постановление Правительства Российской Федерации от 10.02.2011 № 63 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
10. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: федер. закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
11. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
12. Об утверждении Общего положения о региональном таможенном управлении и Общего положения о таможне: приказ Федеральной таможенной службы России от 04.09.2014 № 1700 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
13. Об утверждении Общего положения о таможенном poste: приказ Федеральной таможенной службы России от 04.09.2014 № 1701 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
14. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2007) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
15. Таможенный кодекс Российской Федерации // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

Эволюция нормативно-правовой базы прямых иностранных инвестиций в Российской Федерации

В статье разносторонне раскрыты основные тенденции эволюции нормативно-правовой базы прямых иностранных инвестиций в Российской Федерации. Показано гармоничное сочетание принципа стабильности законодательства и принципа его актуализации. Приоритетными векторами совершенствования российского инвестиционного законодательства являются систематическое повышение полноты охвата проблем регулирования иностранных инвестиций и четкость в определении механизмов такого регулирования. Обоснован вывод о том, что антироссийские санкции с точки зрения научной теории следует рассматривать как «лжерепрессалии».

The article diversifies the main trends in the evolution of the regulatory framework for foreign direct investment in the Russian Federation. A harmonious combination of the principle of stability of legislation and the principle of its actualization is shown. The priority vectors for improving Russian investment legislation are the systematic increase in the coverage of the problems of foreign investment regulation and the clarity in determining the mechanisms for such regulation. The conclusion is substantiated that the anti-Russian sanctions from the point of view of the scientific theory should be considered as "Izherepressalii".

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, нормативно-правовая база, инвестиционная политика, инвестиционный климат, правовой режим, инвестиционная безопасность, международный лизинг; иностранный капитал, мониторинг прямых иностранных инвестиций.

Key words: foreign direct investment, regulatory framework, investment policy, investment climate, legal regime, investment security, international leasing; foreign capital, monitoring of foreign direct investment.

Иностранные инвестиции составляют необходимое условие устойчивого развития экономики страны в эпоху глобализации, так как они обеспечивают интеграцию национальной экономики в мировое хозяйство,

способствуют ее модернизации и привлечению новых технологий, ноу-хау, овладению современным менеджментом.

Приток иностранных инвестиций в экономику страны определяется комплексом макроэкономических, правовых, политических и иных условий. К сожалению, до сих пор не преодолены отмеченные Паулем Фишером еще в 2002 г. слабые стороны российской экономики, затрудняющие формирование благоприятного инвестиционного климата, к числу которых относятся [8]:

- несбалансированная отраслевая структура национальной экономики;
- незрелая конкурентная среда;
- слабая ориентация на рост качества продукции;
- низкий уровень конкурентоспособности национальных предприятий;
- неэффективность корпоративного управления и деловой этики.

В комплексе взаимосвязанных факторов и условий, определяющих инвестиционный климат в стране, одно из ведущих мест принадлежит нормативно-правовой базе – основному инструменту регулирования притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ). В инвестиционном законодательстве ключевыми элементами выступают государственная политика в области иностранных инвестиций, правовой режим иностранных инвестиций, эффективная деятельность органов исполнительной власти, ответственных за соблюдение законодательства и координацию привлечения прямых иностранных инвестиций.

Базовым документом, регулирующим в Российской Федерации отношения в области ПИИ, является Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в российской Федерации» от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ (с последующими изменениями). Основной сферой применения этого закона является формирование и регулирование отношений, связанных с государственными гарантиями прав иностранных инвесторов при осуществлении ими инвестиций на территории Российской Федерации. Государственный контроль за соблюдением иностранными инвесторами требований российского законодательства осуществляется посредством их аккредитации.

В Законе № 160-ФЗ закреплена следующая формулировка понятия прямых иностранных инвестиций: «приобретение иностранным инвестором не менее 10 процентов доли, долей (вклада) в уставном (складочном) капитале коммерческой организации, созданной или вновь создаваемой на территории Российской Федерации в форме хозяйственного товарищества или общества в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации, вложение капитала в основные фонды филиала иностранного

юридического лица, создаваемого на территории Российской Федерации иностранным инвестором как арендодателем финансовой аренды (лизинга) оборудования, указанного в разделах XVI и XVII единой товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (далее – Таможенный союз), таможенной стоимостью не менее 1 млн рублей».

В ст. 4 данного федерального закона представлены основные положения по вопросу о правовом режиме деятельности иностранных инвесторов и коммерческих организаций с иностранными инвестициями. Однако формулировка самого понятия «правовой режим иностранных инвестиций» в законе не дана. В научных же кругах отсутствует единое мнение по этому вопросу.

Более широкое понятие – «правовой режим» как научную категорию авторы обычно определяют либо путем перечисления составляющих его элементов (правовые принципы, средства и способы правового регулирования, правовые гарантии), либо в более общей форме – как одно из направлений нормативного права со специфическим порядком регулирования отношений в конкретной сфере общественной жизни и с учетом его функций и целей. Неоднозначность подходов к трактовке сущности понятия «правовой режим» обусловлена сложностью и многогранностью данного правового явления.

Также отсутствует единообразное толкование более конкретного термина – «правовой режим иностранных инвестиций» (или «правовой режим деятельности иностранных инвесторов»). Наиболее распространенным является его понимание как комплекса условий и юридических норм, принципов, в рамках которых осуществляется международная инвестиционная деятельность, основу которых составляет система гарантий прав и законных интересов иностранных инвесторов и комплекс предоставляемых им льгот.

Правовой режим ПИИ представляет собой область отношений, где пересекаются интересы государства-реципиента, на территории которого осуществляется инвестиционная деятельность, и государства-экспортера, из которого вывозятся инвестиции. При этом целостная система правового регулирования иностранной инвестиционной деятельности должна опираться на принцип суверенного равенства государства-реципиента и государства-экспортера инвестиций [6].

Существует классификация правовых режимов иностранных инвестиций. Прежде всего различают режимы абсолютный и относительный. Первый состоит в обеспечении принимающей страной полной защиты и

гарантий для иностранных инвесторов в соответствии с принципами международного права. Второй возможен в двух формах – «национальный режим» и «режим наибольшего благоприятствования».

Как справедливо отметил С.Е. Нарышкин, «приоритетами российского законодательства по иностранным инвестициям неизменно были и остаются поддержание единого инвестиционного режима, защита прав всех инвесторов, приведение российского законодательства об иностранных инвестициях в соответствие с действующими международными нормами, естественно с учетом инвестиционной безопасности». Но вместе с тем следование принципам национального режима и режима наибольшего благоприятствования не препятствует селективному подходу к иностранным инвестициям, ориентированному на первоочередное привлечение инвесторов, активизирующих инновационный комплекс экономики России [5].

Особая сложность правового регулирования ПИИ определяется тем, что оно является одновременно объектом как международного, так и национального права стран-реципиентов и стран-экспортеров прямых инвестиций, где могут не совпадать подходы к вопросам политики в области управления ПИИ. В результате этого сложилась ситуация, при которой, как было отмечено А.А. Данельян:

- темпы роста прямых иностранных инвестиций опережают международно-правовое регулирование инвестиционной деятельности;

- вследствие этого международные договоры в сфере инвестиционной деятельности являются основной правовой формой обеспечения международно-правового режима иностранных инвестиций, среди которых доминирующими являются двусторонние инвестиционные договоры;

- среди рисков субъектов инвестиционной деятельности особую и получающую все большее распространение группу составляют политико-правовые риски и в том числе – национальные санкции, являющиеся современной разновидностью реторсий/репрессалий [2, с. 3, 14].

По поводу последнего выдвинутого А.А. Данельян положения считаем необходимым прокомментировать ситуацию применительно к проблеме антироссийских санкций. Введенные Российской Федерацией ответные ограничения на так называемые санкции ряда западных стран действительно являются реторсией, т. е. ограничительными мерами, предпринимаемыми государством в ответ на аналогичные действия другого государства, наносящие экономический или моральный ущерб [3]. Но санкции, введенные западными странами относительно России, отнюдь не являются ни реторсиями, ни репрессалиями. По словарю Д.Н. Ушакова [7],

репрессарии – это репрессивные меры, применяемые к иностранному государству или его гражданам в ответ на неправомерные действия с его стороны. Большой юридический словарь дает следующее определение: репрессарий – это правомерные принудительные действия государства, направленные на восстановление своих прав, нарушенных другим государством [1].

Поскольку Российская Федерация не нарушала прав других государств, то антироссийские санкции могут быть названы не более, чем лже-репрессалиями – Россия неизменно соблюдает требования международного инвестиционного права.

Важно подчеркнуть также систематическое совершенствование процесса правового регулирования ПИИ в Российской Федерации, что можно проследить на примере Федерального закона 1999 г. № 160-ФЗ. Наиболее значимые принципиальные поправки и дополнения к данному закону имели следующую направленность:

1. В 2008, 2011, 2017 гг. были внесены поправки в ст. 6 вышеуказанного закона. Данная статья – «Гарантии использования иностранными инвесторами различных форм осуществления инвестиций на территории Российской Федерации» – имеет ключевое значение для государственного регулирования ПИИ. В первоначальной редакции 1999 г. вопрос о гарантиях был изложен в предельно сжатой общей форме и ограничивался тремя пунктами. Внесенные поправки конкретизируют условия и механизмы реализации гарантий для иностранных инвесторов.

2. В 2008 г. текст ст. 6 был дополнен четвертым пунктом (его редакция уточнена в 2011 г.). Данный пункт предусматривает необходимость предварительного согласования инвестиционных сделок в случаях, когда имеется угроза блокирования иностранным инвестором решений органов управления российского хозяйственного общества с участием зарубежного капитала. Тем самым усиливается инвестиционная безопасность экономики России.

3. В 2017 г. ст. 6 была дополнена еще тремя пунктами (частями). Частью пятой уточняются виды сделок и категории инвесторов, относительно которых действует требование предварительного согласования сделки. Действие данной нормы направлено на обеспечение обороны страны и безопасности государства.

Частью шестой ст. 6 уточняется механизм реализации требований части пятой. В части седьмой ст. 6 определены последствия нарушений требований данной статьи. Исключительно велико значение ст. 21 закона,

содержание которой регулирует отношения, влияющие на объем и состав сегмента экономики России, где представлены ПИИ, что особенно важно с точки зрения обеспечения экономической безопасности государства.

Данная статья подверглась радикальной переработке, включая изменение самого названия статьи, которое в современной редакции таково: «Создание, открытие на территории Российской Федерации филиала, представительства иностранного юридического лица, прекращение деятельности этих филиалов, представительств. Аккредитация филиала, представительства иностранного юридического лица. Государственный реестр аккредитованных филиалов, представительств иностранных юридических лиц».

В первоначальной редакции ст. 21 носила преимущественно декларативный характер. В 2014 и 2017 гг. в нее были внесены изменения. Сформировано 11 пунктов, определяющих конкретный порядок открытия на территории России иностранных филиалов и представительств, прекращения их деятельности. Особенно тщательно прописан механизм их аккредитации и ведения реестра.

Отношения в области ПИИ регулируются также федеральным законом № 57-ФЗ от 29.04.2008 г. «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства». Тенденции развития нормативно-правовой базы ПИИ в России прослеживаются и на примере этого закона. Так, в 2010, 2011, 2014 и 2017 гг. были внесены поправки в ряд статей, в результате которых более четко определялась направленность закона на обеспечение безопасности и конкретизированы механизмы ее реализации, уточнен перечень видов деятельности, имеющих стратегическое значение для России.

В целом тенденции развития нормативно-правовой базы ПИИ в Российской Федерации имеют две особенности. Во-первых, систематически повышаются, как было показано выше, полнота охвата проблем регулирования иностранных инвестиций и четкость в определении механизмов такого регулирования. Во-вторых, соблюдается крайне важный для потенциальных иностранных инвесторов принцип стабильности законодательной базы. По ряду ключевых вопросов правовые нормы сохранялись неизменными в своей первоначальной редакции. Таковы, например, положения ст. 23 «Разработка и реализация государственной политики в области иностранных инвестиций» закона № 160-ФЗ от 09.07.1999 г. В Федеральном законе № 57-

ФЗ от 29.04.2008 г. не изменялся текст статей, определяющих условия предварительного согласования сделок (ст. 4) и правовые последствия несоблюдения требований закона (ст. 23).

Особая значимость государственной инвестиционной политики, закрепленной в нормативно-правовых документах, является важнейшей предпосылкой выбора оптимального вектора развития инновационной сферы и ее эффективности. При этом ПИИ составляют важнейший сегмент инновационной сферы. Активная инвестиционная политика является одной из приоритетных функций государства при регулировании макроэкономических отношений.

Инвестиционная политика является также важным инструментом в решении таких задач (актуальность которых для России отмечает Е.С. Янковская [9, с. 74; 10, с. 96–97]), как оптимизация на паритетной основе межстрановых финансовых потоков и диверсификация видов внешнеэкономической деятельности.

Направленность и содержание государственной политики в отношении ПИИ взаимосвязаны с другими компонентами государственной политики и конъюнктурой национальной и мировой экономики. Так, например, одной из наиболее эффективных форм ПИИ является международный и прежде всего долгосрочный лизинг. Его преимущества состоят в меньшей степени финансовых рисков и гибкости, в меньшем риске морального и физического износа имущества, что способствует обновлению технологических систем. Лизинг особенно перспективен в капиталоемких отраслях, в форме государственно-частного партнерства, для малых и средних предприятий.

В Федеральном законе от 29.10.1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» в ст. 36 «Меры государственной поддержки лизинговой деятельности» предусмотрены, с одной стороны, меры государственного протекционизма в сфере разработки, производства и использования наукоемкого высокотехнологичного оборудования, а с другой стороны, создание фонда государственных гарантий по экспорту при осуществлении международного лизинга отечественных машин и оборудования.

Законом № 164-ФЗ определены условия участия России в международном лизинге. Так, в ст. 4 «Субъекты лизинга» указано, что любой из субъектов лизинга может быть резидентом Российской Федерации или нерезидентом Российской Федерации. Аналогично в ст. 5 отмечено, что учредителями лизинговых компаний могут быть как резиденты, так и нерезиденты РФ и сформулировано определение понятия «лизинговая ком-

пания нерезидент РФ» – это иностранное юридическое лицо, осуществляющее лизинговую деятельность на территории РФ. Лизинговые компании имеют право привлекать средства юридических лиц, являющихся и резидентами, и нерезидентами РФ, для осуществления лизинговой деятельности в установленном законодательством РФ порядке. Как указано в ст. 7, различают две формы лизинга – внутренний и международный. При осуществлении международного лизинга лизингодатель (или лизингополучатель) является нерезидентом РФ.

Разработку и реализацию государственной политики по привлечению иностранных инвестиций в российскую экономику осуществляет Минэкономразвития. Государственная политика в области ПИИ должна быть направлена на устойчивое улучшение инвестиционного климата и повышение инвестиционной привлекательности России. Она ориентирована на активизацию притока ПИИ в экономику страны при одновременной защите своих национальных интересов от рисков и угроз. Уже в 1994 г. было принято постановление Правительства РФ №1108 «Об активизации работы по привлечению иностранных инвестиций в экономику РФ».

Данным документом предусматривалось: создание системы страхования и гарантирования ПИИ; учет антимонопольных требований в процессе привлечения ПИИ; ограничение и запрет на осуществление иностранных инвестиций по ряду видов деятельности и территорий; проведение переговоров с иностранными государствами по заключению соглашений о взаимной защите и поощрении инвестиций; совершенствование системы информационного обеспечения иностранных инвесторов по вопросам российского инвестиционного законодательства; совершенствование системы регистрации и статистической отчетности предприятий с иностранными инвестициями на территории России; совершенствование в регионах страны работы по привлечению иностранных инвестиций; координация деятельности уполномоченных государственных органов исполнительной власти в области регулирования и контроля иностранных инвестиций (Минэкономразвития, Минфин, Центральный банк России, Консультативный совет по иностранным инвестициям при Правительстве РФ и др.).

С 2002 г. принципиальные изменения в положения данного постановления не вносились, что можно рассматривать как подтверждение стабильности российской государственной политики по вопросам ПИИ.

Ввиду важности прямых инвестиций из-за рубежа для развития экономики России предусмотрено осуществление мониторинга данного процесса как одной из существенных составляющих комплекса международных

финансовых потоков. Непосредственной целью данного мониторинга является создание и актуализация реестра организаций, получающих прямые инвестиции из-за рубежа. Нормативно-правовую основу данного учетного инструмента составляют: Гражданский кодекс РФ; Федеральный закон 1999 г. № 160-ФЗ; постановление Правительства РФ от 29.09.1994 г. № 1108 «Об активизации работы по привлечению иностранных инвестиций в экономику РФ»; приказ Минфина России от 29.04.2008 г. № 48н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету “Информация о связанных сторонах” ПБУ 11/2008».

С учетом заложенных в нормативно-правовой базе требований Росстатом был утвержден 07.07.2009 г. приказом № 131 специальный документ – «Методические рекомендации по созданию реестра финансовых связей организаций, получающих прямые инвестиции из-за рубежа». Данный документ предусматривал: порядок мониторинга ПИИ с годовой периодичностью с использованием информационного фонда Статистического регистра Росстата для формирования групп предприятий, получающих ПИИ; принципы и методику формирования базы данных по группам предприятий; методику организации статистического наблюдения за группами взаимосвязанных организаций, получающих ПИИ; порядок практического применения получаемых в ходе мониторинга данных финансовой статистики, содержащихся в реестре групп взаимосвязанных организаций, получающих ПИИ. Реализация программы мониторинга ПИИ в рамках финансовой статистики позволяет оценивать эффект фактического влияния иностранного капитала на экономику России и получать на постоянной основе необходимую информацию об эффективности движения иностранного капитала внутри страны в динамике. Кроме того, в оперативном режиме данная информация может быть использована налоговой и таможенной службой, банками, муниципалитетами, научными центрами в текущей работе государственных органов и организаций, участвующих в организации, регулировании, анализе ПИИ.

Список литературы

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Б. Борисова. – М.: Кн. мир, 2012.
2. Данельян А.А. Международный правовой режим иностранных инвестиций: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016. – 49 с.
3. Кураков Л.П., Кураков В.Л., Кураков А.А. Экономика и право: слов.-справ. – М.: Вуз и шк., 2004.

4. Методические рекомендации по созданию Реестра финансовых связей организаций, получающих прямые инвестиции из-за рубежа. – М.: Росстат, 2009.
5. Нарышкин С.Е. Иностранные инвестиции и развитие экономики России: автореф. дис. ... д-ра экон. наук, 2010. – СПб. – 47 с.
6. Селим Р.А. Сравнительно-правовой анализ взаимодействия норм международного права и национального законодательства Российской Федерации, регулирующих инвестиционную деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2008.
8. Фишер П. Привлечение в Россию прямых иностранных инвестиций: стратегический подход: дис. д-ра экон. наук. – М., 2002.
9. Янковская Е.С. Обеспечение национальной безопасности в системе приоритетов государственной политики в Российской Федерации // Вестн. С.-Петерб. юрид. акад. – 2017. – № 3 (36). – С. 69–75.
10. Янковская Е.С. Правовые средства в системе мер по обеспечению экономической безопасности на микро- и макроуровнях // Вестн. С.-Петерб. юрид. акад. – 2016. – № 2 (31). – С. 94–98.

**Участие частных медицинских организаций
в реализации программы государственных гарантий
бесплатного оказания гражданам медицинской помощи
как механизм государственно-частного взаимодействия
в сфере здравоохранения**

В данной статье дан анализ состояния системы здравоохранения РФ. В свете недофинансирования отрасли из государственных источников сделан вывод о необходимости участия частных медицинских организаций в реализации программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в рамках государственно-частного взаимодействия в сфере здравоохранения. Рассмотрены факторы, сдерживающие участие частных медицинских организаций в реализации программы ОМС. Определена роль нормативно-правового обеспечения и реформирования медицинских правовых основ на процесс стимулирования участия частных медицинских организаций в реализации программы ОМС.

This article analyzes the current state of the health system of the Russian Federation. In light of the underfunding of the sector from government sources, the conclusion about the necessity of participation of private medical organisations in the implementation of the programme of state guarantees of free rendering to citizens of medical aid in the framework of public-private cooperation in the health sector. Examines the factors hindering the participation of private medical organisations in the implementation of the MLA. Defines the role of normative-legal support of reforming the medical and legal basis of the process of stimulating the participation of private medical organisations in the implementation of the MLA.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, обязательное медицинское страхование, система здравоохранения, финансирование здравоохранения, гарантии защиты здоровья граждан, учреждения здравоохранения, частная система здравоохранения, инвестиции, правовое регулирование.

Key words: state-private partnership, compulsory health insurance, health system, health financing, protection of health of citizens, health institutions, private health care system, investments, legal regulation.

Основные задачи государственной власти на ближайшую перспективу состоят в установлении баланса между доходами и расходами и укреплении обороны, что влечет за собой экономию на социальных отраслях. С учетом изменения макроэкономических показателей, таких как цена на нефть и курс доллара, следует ожидать реального сокращения расходов на здравоохранение.

Расходы бюджета на здравоохранение в 2017 г. по сравнению с 2016 г. сократились на 59 млрд р. и составили 447 млрд р. против 506 млрд в 2016 г. В соответствии с Федеральным законом от 05.12.2017г. № 362-ФЗ «О федеральном бюджете на 2018 и плановый период 2019–2020 годов», в 2018 г. расходы на здравоохранение составят 460 млрд р., в 2019 г. – 428 млрд р.

Таким образом, в условиях существенного сокращения финансовых возможностей государственного сектора, высокого физического и морального износа значительной части основных фондов сферы здравоохранения, неудовлетворительной обеспеченности современными объектами здравоохранения многих российских регионов, поддержание необходимых темпов обновления материальной базы здравоохранения требует совершенствования механизма инвестирования в развитие инфраструктуры здравоохранения. Значительные возможности для этого связаны с активизацией государственно-частного партнерства.

С 1 января 2016 г. в силу вступил Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Государственно-частное партнерство (ГЧП) в сфере здравоохранения – это сотрудничество органов государственной власти и местного самоуправления, частных структур и некоммерческих организаций, целью которых является достижение наилучших финансовых результатов с максимально обоюдной выгодой и обеспечение эффективного выполнения задач публично-правовых образований в сфере здравоохранения путем привлечения возможностей, ресурсов и квалификации партнеров для создания, реконструкции, управления, содержания инфраструктуры здравоохранения или предоставления услуг.

Государство не меньше самих бизнесменов заинтересовано в привлечении средств в медицинскую отрасль, реализации крупных коммерческих проектов. В условиях страховой модели это может сэкономить серьезные государственные средства [5]. Российский рынок платных медицинских услуг постоянно растёт с 2002 г., но развитие этого сегмента сдерживается тем, что большая часть населения нашей страны не привыкла к платной ме-

дицинской помощи и придерживается мнения о необходимости предоставления бесплатных медицинских услуг. Это обусловлено как менталитетом, так и низкой платежеспособностью значительной части пациентов. Поэтому необходимость обеспечения доступности и качества медицинской помощи приводит к поиску наиболее рациональных форм предоставления медицинских услуг на территории Российской Федерации, прежде всего в рамках совершенствования системы обязательного медицинского страхования (ОМС). Сравнительный анализ международных практик ГЧП в здравоохранении показывает, что участие частных медицинских организаций в системе государственных медицинских гарантий приводит к экономии около 10 % государственных ресурсов [1].

Согласно п. 8 ст. 3 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», базовая программа ОМС – составная часть программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, определяющая права застрахованных лиц на бесплатное оказание им за счет средств ОМС на всей территории Российской Федерации медицинской помощи и устанавливающая единые требования к территориальным программам ОМС. Основная цель программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи состоит в обеспечении конституционных прав граждан на оказание им медицинской помощи за счет средств бюджетов различных уровней, а также государственного и территориальных внебюджетных фондов обязательного медицинского страхования. Программа устанавливает виды, формы и условия оказания бесплатной медицинской помощи населению, а также перечень заболеваний и состояний, при которых медицинская помощь может быть оказана бесплатно, средние нормативы ее объема и средние подушевые нормативы, порядок и структуру процесса расчета тарифов на медицинскую помощь и некоторые другие вопросы. Программа ОМС представляет собой финансовую основу всей системы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи.

В ст. 15 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» закреплено право осуществления медицинской деятельности в сфере обязательного медицинского страхования медицинским организациям любой организационно-правовой формы, которая предусматривается законодательством Российской Федерации, а также индивидуальным предпринимателям, осуществляющим медицинскую деятельность.

В то же время оплата медицинских услуг по программе ОМС пока не играет существенной роли в доходах большинства частных медицинских организаций. В структуре доходов частных медицинских организаций большую часть занимают прямые платежи от пациентов (86,0 %), оплата услуг в рамках ДМС составляет 9,7 %, оплата услуг в рамках ОМС – 1,3 %. Остальные источники доходов, связанные с реализацией различных государственных программ, а также пожертвований, составляют 3,0 % [2].

Рассмотрим факторы, сдерживающие участие частных медицинских организаций в реализации программы ОМС.

Основная трудность при реализации концессионных соглашений в сфере оказания медицинских услуг в системе ОМС связана с низкой величиной тарифов. В большинстве случаев тарифы не обеспечивают покрытие капитальных затрат инвестора на строительство или реконструкцию помещений и приобретение оборудования, что приводит к снижению заинтересованности представителей частного бизнеса в участии в данных проектах. Кроме того, за счет средств ОМС не предусматривается приобретение медицинского оборудования, стоимостью более ста тысяч рублей за единицу, что в особенности затрудняет оказание высокотехнологичной помощи, для которой требуется использование современного и дорогостоящего оборудования.

Пунктом 6 ст. 14 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» устанавливается целевой характер финансирования для средств, предназначенных для оплаты медицинской помощи. В п. 7 ст. 35 данного Федерального закона определен перечень статей расходов, связанных с осуществлением деятельности в системе ОМС. Прибыль медицинской организации в составе этих расходов не предусмотрена. Однако целью коммерческих организаций, в том числе имеющих медицинский профиль, согласно ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации, является получение прибыли.

В целях привлечения большего числа частных медицинских организаций к работе в системе ОМС следует пересмотреть структуру тарифа оказания медицинской помощи путем включения инвестиционной составляющей для проектов, реализуемых на условиях соглашений о ГЧП. Также следует предусмотреть возможность приобретения за счет средств ОМС медицинского оборудования стоимостью свыше ста тысяч рублей за единицу.

Следующим фактором, сдерживающим участие частных медицинских организаций в программе ОМС, является заключение договора по оказанию медицинской помощи в рамках программы ОМС сроком на один год. Для стимулирования участия частных медицинских организаций в реализации программы ОМС необходимо на законодательном уровне увеличить срок действия соответствующего договора до трех лет, а в случае создания частным инвестором нового объекта инфраструктуры здравоохранения для оказания услуг в рамках программы ОМС – до пяти лет. Это позволит снять риск неполучения заказа на оказание медицинских услуг по программе ОМС на период окупаемости инвестиций [3].

Также необходимо налоговое стимулирование деятельности медицинских организаций негосударственной формы собственности, оказывающих медицинские услуги в ходе реализации проектов ГЧП по программе ОМС, с использованием механизма налоговых льгот по налогу на имущество организаций и земельному налогу.

Таким образом, проведенный анализ показал, что системообразующую роль в российской системе здравоохранения играют бесплатные для населения медицинские услуги, оказываемые в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, причем проведенные реформы позволяют участвовать в ее реализации и частным медицинским организациям. Все больше обсуждается необходимость интеграции представителей частного сектора в систему ОМС как на правительственном уровне, так и на уровне частных структур стартовали пилотные проекты в некоторых субъектах Российской Федерации. Основной сложностью становления государственно-частного партнерства в области здравоохранения является недостаточность законодательного закрепления данного вида отношений и его определения, отсутствие четкого понимания процедуры государственно-частного партнерства. Важно также отметить, что законодательное закрепление определения государственно-частного партнерства на уровне субъектов Российской Федерации не всегда согласуется с федеральным законодательством, отличается друг от друга и не оперирует правовыми понятиями.

Список литературы

1. Анесянц С.А., Голотина В.Ю. Проблемы развития государственно-частного партнерства в области здравоохранения в условиях современной России // Новые технологии. – 2015. – № 2.
2. Развитие рынка частных медицинских услуг в России: проблемы, тенденции, перспективы [Электронный ресурс] // РБК RESEARCH. – URL: <http://conference.apcmed.ru/download/>
3. Сизова Е.С. Развитие инфраструктуры здравоохранения и качества услуг с использованием механизма государственно-частного партнерства: дис. ... канд. экон. наук. – М., 2016. – 179 с.
4. Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать. – 2-е изд. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. – 704 с.
5. Шубин А.Г. Анализ предпосылок и рисков инвестирования в медицинский бизнес на примере Саратовской области // Из доклада члена правления СРО НП «Объединение медицинских учреждений Поволжья» (г. Саратов). III национальный конгресс частных медицинских организаций «Формирование благоприятного делового климата и повышение безопасности медицинских услуг. – М., 2015.

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.8:342.543.1

А. В. Стремоухов

Политико-правовой дискурс по проблеме депутатского мандата и его видах

В рамках института депутатского мандата в статье исследуются определение понятия «мандат депутата Государственной думы», возможные виды мандата парламентария: императивного, свободного и полусвободного. Раскрывается их содержание, достоинства и недостатки. Показаны значение мандата вообще и привлекательность каждого вида.

Within the Institute mandate this article takes a look at the definition of the mandate of the Deputy of the State Duma, possible types of mandate of parliamentarian: mandatory, free and semi-custodial. Disclosed their contents, advantages and disadvantages. Showing the value of the mandate in General and the attractiveness of each species.

Ключевые слова: депутатский мандат, мандат депутата Государственной думы, императивный мандат, свободный мандат, полусвободный мандат, избиратели, депутат.

Key words: parliamentary mandate, the mandate of the Deputy of the State Duma, the imperative mandate, the free mandate partial mandate, voters said.

Для исследования и познания конституционно-правовых основ парламентской деятельности депутата Государственной думы как народного представителя ключевое значение имеет вопрос о характере депутатского мандата. Поэтому важно установить, что есть мандат депутата, какие его виды существуют в различных государствах и каков мандат депутата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации в настоящее время. Вопросы эти непростые, потому что мандат депутата играет немаловажную роль в осуществлении эффективной парламентской деятельности последнего.

В науке конституционного права депутатский мандат (лат. *mandatum* – поручение) понимается как публичная представительская функция, возлагаемая на депутата парламента избирателями и содержание которой определяется Конституцией и другими конституционными актами.

Проблема мандата депутата Государственной думы – это реальная политико-правовая и дискуссионная проблема, благодаря правильному решению которой определяются возможность или невозможность действовать только в соответствии со своими убеждениями; степень учёта депутатом воли избирателей; мера его ответственности перед ними за свою деятельность. То или иное решение проблемы даёт возможность определить, какой мандат целесообразнее взять за основу: императивный, свободный или полусвободный? Принятие того или иного вида мандата депутата определяется уровнем социально-экономического развития, правовой культурой, традициями парламентаризма и политической ситуацией в конкретном государстве.

В последние десятилетия в отечественном конституционном праве дискутируются три вида мандатов: императивный, свободный и полусвободный. Но ни Конституция РФ, ни Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (Далее – Закон о статусе депутата или Федеральный закон от 8 мая 1994 г.) не содержат прямого указания на императивность, свободу или полусвободу депутатского мандата. Этот пробел в какой-то степени устранил Конституционный суд РФ в постановлении от 12 апреля 2002 г. № 9-П. Учитывая особое положение парламента как представительного органа, необходимость обеспечить его самостоятельность в системе разделения властей и независимость его членов, суд сделал вывод о свободном характере депутатского мандата на федеральном уровне (п. 2.1), позволив депутатам Государственной думы при осуществлении своих полномочий следовать лишь Конституции РФ и своей совести.

Казалось, точка над *i* поставлена. Однако научные дискуссии возобновились с новой силой после внесения в 2005, 2006 и в 2014 гг. изменений и дополнений в Закон о статусе депутата, особенно в условиях перехода к избирательной системе пропорционального представительства и закрепления лишь за политическими партиями права выдвижения кандидатов в депутаты.

В связи с этим возникает вопрос, зачем заострять внимание на трёх видах мандата, если из существа ныне действующих норм Конституции РФ

и Федерального закона от 8 мая 1994 г., следует, что у депутата Государственной думы мандат свободный? Дело в том, что в разное время отдельные депутаты (С. Миронов, И. Дроздов, А. Свинцов, Н. Харитонов, В. Черешнев, В. Тюльпанов, Ю. Шамков и др.) и отдельные правове­ды в своих выступлениях и научных статьях высказываются о необходимости замены свободного мандата императивным. Такие высказывания звучат потому, что существуют: 1) практика неисполнения депутатами предвыборных обещаний; 2) пропуск ими заседаний Думы, 3) защита интересов ограниченных групп населения, а также 4) предоставление депутатам непомерных для них социальных гарантий. В апреле 2014 г. справедливороссы даже внесли в Госдуму законопроект об императивном мандате. По свидетельству социологов, только 8–10 процентов населения России полностью доверяют своим избранникам и положительно оценивают их деятельность. По мнению избирателей, императивный мандат депутата является формой непосредственной демократии, которая предоставляет им значительные возможности для создания дееспособного состава представительного органа, а также увеличивает ответственность депутатов в связи с тем, что избирателям даётся право их отзыва. Спор между приверженцами императивного и свободного мандатов тянется уже больше двухсот лет. Но и сегодня невозможно представить ту или другую позицию, которая бы перевесила в своих теоретических обоснованиях или в силу доказанной на практике эффективности.

Чтобы уйти от крайностей императивного и свободного мандатов, сначала учёные-правоведы обосновали необходимость введения для депутата мандата третьего (срединного) вида – полусвободного («гибридного»), смешанного, императивного партийного), а затем в 2005 г. законодатели, по сути, официально ввели его, приняв Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации». Этим законом ч. 3 ст. 4 Закона о статусе депутата была дополнена нормой о том, что полномочия депутата Государственной думы прекращаются в случае несоблюдения требования ч. 2 ст. 7.1 Федерального закона от 8 мая 1994 г. Эта норма законодательно подтвердила, что депутат не полностью свободен. Он зависим ещё и от воли фракции (ч. 1, 2 ст. 7.1). А Федеральным законом от 3 мая 2016 г. в ч. 4 Закона о статусе депутата дополнительно включена п. 3_1, в соответствии с которой полномочия депутата могут быть прекращены досрочно решением Государственной думы по инициативе фракции, в которой он состоит или по инициативе комитета, членом которого он является.

Виды депутатских мандатов и их характеристика:

Императивный мандат. Анализ института императивного мандата является важной проблемой науки конституционного права. Она представляет значительный научный и практический интерес. В недалёком прошлом ею занимались многие государствоведы. Однако сегодня императивный мандат изучается или как историческое прошлое, или как функция депутата представительного органа субъекта РФ, но не как функция депутата Государственной думы. По своему содержанию понятие «императивный мандат» достаточно ёмкое. Он означает обязательное веление, наказ, поручение.

Императивный мандат – это функция и форма правоотношений депутата как народного представителя со своими избирателями, состоящие из четырёх главных элементов: 1) наказов избирателей депутату, 2) отчетности депутатов перед избирателями, 3) ответственности и 4) отзыва депутата. Названные элементы императивного мандата впервые в отечественной юридической литературе выделил В. Ф. Коток. Сущность императивного мандата депутата в том, что его деятельность зависит от воли избирателей.

Как институт народного представительства императивный мандат свою историю начал ещё в эпоху разложения феодального строя, когда основными политическими правами пользовались графства и города. Депутаты от этих субъектов получали от общности «наказ», которому они обязаны были следовать. Невыполнение «наказа» вышеназванных субъектов могло вызвать отзыв депутата и взыскание с него причиненного имущественного ущерба.

Но с приходом к власти буржуазия отказывается от этого института и переходит к свободному мандату народных представителей. Но Парижская коммуна 1871 г. вновь подчинила депутатов избирателям. Входившие в состав Парижской коммуны избранники народа «должны были строго придерживаться *mandat impératif* (точной инструкции) своих избирателей и могли быть сменены во всякое время». Принципы Парижской коммуны были восприняты и в России.

После Великой Октябрьской социалистической революции декретом ВЦИК от 21 ноября (4 декабря) 1917 г. «О праве отзыва делегатов» в стране был введён императивный мандат. Депутат был обязан отчитываться о своей работе и работе Совета перед избирателями, выполнять их указы. Императивный мандат включал и право избирателей досрочно отозвать депутата из Совета. Такой подход к мандату депутата даже в годы советской власти разделялся не всеми учёными (И.А. Азовкин, А.А. Безуглов, Г.С. Гурвич). Императивность депутатского мандата высших представительных органов в

России просуществовала до декабря 1993 г., когда была принята Конституция РФ, в которой указание на императивность депутатского мандата отсутствует. Однако на региональном уровне законодатели повсеместно вводят в практику императивный депутатский мандат.

Свободный мандат. Принцип императивности депутатского мандата, по мнению адептов буржуазии, был неэффективен, так как «наказы» тормозили деятельность законодательного органа, а иногда делали ее невозможной. Поэтому Конституция Франции 1791 г. отрицала императивный мандат. В ней сказано: «Представители, избранные по департаментам, являются представителями не отдельного департамента, но всей нации; избиратели не могут выдавать им никаких наказов». Таким образом, был юридически учрежден принцип свободного мандата.

Свободный мандат депутата Государственной думы – это функция и форма правоотношений (способ взаимосвязи) депутата как представителя всей нации со своими избирателями, в основе которых лежат полная свобода действий и мнений первого и невозможность лишения депутата полномочий вторыми.

В российском парламентаризме свободный мандат впервые был законодательно закреплён 6 августа 1905 г. в подписанном Николаем II Указе «Об учреждении Государственной Думы». Ст. 14 «Учреждения» устанавливала, что члены Думы пользуются полною свободой суждений и мнений по делам, подлежащим ведению Думы, и не обязаны отчетом перед своими избирателями.

В Конституции РФ, хотя и нет специальной нормы о запрете императивного мандата, как это сделано, например, в ст. 27 Конституции Франции, тем не менее, четко прослеживается идея свободного мандата. Кроме того, ни в Конституции РФ, ни в ст. 1 Федерального закона от 8 мая 1994 г., в которой даётся определение термину «депутат», не упоминается необходимость выражения воли и интересов избирателей. В названном законе также нигде не говорится о таких важнейших элементах императивного мандата, как указы и отзыв депутата. Особенность свободного мандата закреплена также в ч. 3 ст. 8 рассматриваемого закона. В ней указано, что депутат Государственной думы информирует избирателей о своей деятельности. И хотя информация – это уже не отчёт, тем не менее, это законная обязанность депутата Думы.

Депутат Государственной думы связан крепкими узами с выдвинувшей его партией. Он не может быть полностью независимым от партии. Это

объясняется тем, что он ответственен за свою деятельность в парламенте перед партией, которая поддержала его на выборах; обязан соблюдать партийную дисциплину, поддерживать программу и политику партии. Получается парадоксальная ситуация: свободный мандат не означает полную свободу действий депутата.

Следовательно, свободному мандату присущи не только достоинства, но и недостатки, к числу которых необходимо отнести нижеследующие:

1) абсолютная свобода действий депутата. Она неминуемо выступает как мера ограничения свободы избирателей. Чтобы этого не допустить, депутатам необходимо постоянно самоограничивать и самообязывать себя в пользу избирателей. Реализация такой необходимости возможна лишь при существовании полусвободного мандата;

2) наличие возможности для злоупотребления депутатами свободой и независимостью от избирателей и политических партий, от которых они были избраны. Многие депутаты Думы используют свободный мандат не для интересов избирателей, а для удовлетворения собственных интересов. Яркий тому пример – деятельность бывших депутатов Г. Гудкова и А. Митрофанова;

3) возможность отстаивания депутатами Государственной думы интересов неширокой социальной группы под видом национальных интересов;

4) неподконтрольность избирателям. Свободный мандат депутата делает его абсолютно неподконтрольным избирателям своего округа и всецело зависящим от партийных решений или интересов поддерживавшей его на выборах группы. Поэтому права Н. В. Щербакова, когда пишет, что при наличии свободного мандата отсутствует необходимость принудительной силы права.

Таким образом, законодательные установления и теоретические положения о свободном мандате не соответствуют настоящей общественной практике. Идеальная модель свободного мандата сегодня нереальна, потому что не лишена недостатков. В ней объективно присутствуют элементы императивности. Разрешение этого противоречия заключается в уходе от крайностей императивного и свободного мандатов, и признанию на законодательном и доктринальном уровне модели полусвободного мандата депутата Государственной думы.

Полусвободный мандат. Полусвободный мандат как реальность появился в доктрине конституционного права в противовес не вполне совершенным императивному и свободному мандатам. Впервые термин «полусвободный мандат» был предложен судьёй Конституционного суда

РФ Н.В. Витруком 24.12.1996 г. в особом мнении по делу о конституционности закона Московской области «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы» от 28 апреля 1995 г. Несмотря на то что этот термин был применён к мандату депутата законодательного органа субъекта Федерации, теперь, спустя более двух десятилетий, его «на законных основаниях» можно применять и к мандату депутата Государственной думы. В настоящее время наряду с полусвободным мандатом отдельными авторами используются термины «смешанный мандат депутата» и «императивный партийный мандат». Эти термины юридически некорректны. Конструкция «смешанный мандат», некорректна, потому что слово «смешанный» не из юридического лексикона. Обычно в юриспруденции ни что, ни с чем не смешивают. Использование конструкции «императивный партийный мандат» применительно к депутату неправомерно в принципе, потому что эта конструкция распространяется на депутата – представителя партии, а не на депутата – представителя народа.

Итак, по отношению к уровню депутата Государственной думы следует применять конструкцию – «полусвободный мандат». Как будет показано ниже, он содержит элементы свободного мандата и некоторые элементы императивности, обусловленные принадлежностью депутата к той или иной политической партии.

Исследование норм Федерального закона от 8 мая 1994 г. и работ конституционалистов позволило нам выделить признаки собственно полусвободного мандата депутата Государственной думы, которые названы ниже:

- запрет defection (англ. defection – отступничество) – переход депутатов из одной партийной фракции представительного органа власти в другую. Это явление запрещено нормой ст. 7.1 Закона о статусе депутата. Поводом для такого запрещения стала относительная «легкость» вхождения депутата во фракцию или депутатскую группу, а также выхода из нее, существовавшая до принятия указанной нормы. Так, например, в Государственной думе первого созыва меняли фракцию 96 депутатов, второго – 25, третьего – 19.

Депутаты Государственной думы четвертого и пятого созывов пошли ещё дальше. Большинство тех из них, кто был избран по одномандатным округам, вступили во фракцию политической партии «Единая Россия» вне зависимости от того, какая политическая партия их выдвигала и от того, что они позиционировали себя на выборах как «независимые» кандидаты. Это

обстоятельство послужило причиной того, что законодатель в Законе о статусе депутата закрепил норму, запрещающую переход депутата во фракцию, созданную не той политической партией, которая его выдвинула;

• возможность лишения мандата депутата Государственной думы в случае его отступления от партийной дисциплины или утраты связи с партией. Основаниями для лишения мандата депутата Закон от 8 мая 1994 г. устанавливает следующие:

1) выход депутата по личному заявлению из состава фракции, в которой он состоит в соответствии со ст. 7.1 указанного закона (п. «б» ч. 3 ст. 4);

2) прекращение депутатом, входящим во фракцию, членства той политической партии, в составе федерального списка кандидатов которой он был избран депутатом Государственной думы (ч. 2 ст. 7.1);

3) прекращение деятельности политической партии в связи с ее ликвидацией или реорганизацией со дня внесения в единый государственный реестр юридических лиц соответствующей записи (ч. 5 ст. 7.1);

4) если депутат, избранный в составе федерального списка кандидатов политической партии, прекратившей свою деятельность в связи с ее ликвидацией или реорганизацией, вступит в другую политическую партию, которая имеет свою фракцию в Государственной думе и войдет в эту фракцию, а затем выйдет из неё (ч. 7 в совокупности с ч. 5 ст. 7.1);

• обязательность для депутата Государственной думы исполнения указаний политической партии, от которой он был избран. Часть 1 ст. 36 Федерального закона от 11 июля 2001 г. «О политических партиях» определяет, что политическая партия является единственным видом общественного объединения, которое обладает правом выдвигать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты. Это означает, что партия имеет право предписывать депутату линию его поведения в Государственной думе. Она обладает всеми средствами воздействия на депутата, если последний отступает от этой линии или интересов партии, включившей его в федеральный список кандидатов. Депутат вынужден ориентироваться на фракционную дисциплину. Из п. 3 ст. 10 Федерального закона «О политических партиях» следует, что депутаты Государственной думы связаны решениями соответствующей политической партии при исполнении своих депутатских полномочий. Следовательно, и в этом случае говорить о независимости депутата и его свободном мандате нелогично, так как он находится в полной зависимости от политической партии;

• представительство депутатом Государственной думы интересов своей партии. В условиях отсутствия наказов избирателей и существования

обязательности исполнения партийных указаний становится более чем очевидным, что депутат представляет скорее не народ России, а свою партию;

- подконтрольность депутата Государственной думы партийной фракции;
- отсутствие отчётности перед избирателями и отзыва;
- наличие обязанности информировать избирателей о своей деятельности, обеспечивать их права и интересы, руководствоваться предвыборной программой.

Положительное значение полусвободного мандата состоит в том, что подчинение депутатов дисциплине партийных фракций облегчает работу Государственной думы, делает ход её работы предсказуемым. При условии установки лидера партии на выполнение своих предвыборных обещаний полусвободный мандат может способствовать реализации надежд избирателей. Если допустить отказ депутата от какой бы то ни было связи с партией, выдвинувшей его, а также свободу перехода в другую партию, то это затруднило бы представление своих политических интересов партией, членом которой является депутат. Данное свойство этого мандата, по нашему мнению, и является причиной его фактического закрепления в законодательстве РФ.

Недостатки полусвободного мандата: 1) полусвободный мандат превращает депутата Государственной думы из самостоятельного субъекта государственно-правовых отношений в покорного воле руководителей политической партии исполнителя; 2) этот вид мандата, содержит в себе опасность пренебрежения мнением избирателей, хотя официально депутат и не ставит интересы политической партии выше, чем интересы электората; 3) возможность бюрократизации и коррумпированности партийных лидеров, что, безусловно, может негативно отразиться на системе государственной власти.

Список литературы

1. Алейник А. А. Правовая природа мандата представительного (законодательного) органа в Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1997. – № 3.
2. Варлен М. В. Институт депутатского мандата в теории и практике народного представительства в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001.
3. Васькова Л. Г. Партийный императивный мандат – новая модель взаимоотношений депутата и избирателей // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 11. – С. 21.
4. Васькова Л. Г. Конституционно-правовое регулирование мандата депутата современного парламента: дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2007.

5. Гессен В. М. Государственная Дума // Конституционное государство: сб. стат. – СПб., 1905.
6. Дмитриев С. В. Императивный мандат в России // Конституционное и муниципальное право. – № 1. – 2001.
7. Коток В. Ф. Наказы избирателей в социалистическом государстве (Императивный мандат). – М., 1967.
8. Литвиненко И. В. Императивный мандат в новом облачении // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 2.
9. Масленникова С. В. Народное представительство и права граждан. – М., 2001.
10. Нудненко Л. А. Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации. – СПб., 2004.
11. Стремоухов А. В., Стремоухов А. А. Конституционно-правовые основы парламентской деятельности депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: моногр. – Рязань, 2014.
12. Тахтарев К. От представительства к народовластию. – СПб., 1907.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 342.9:347.998.85

Е. А. Нахова

Особенности определения предмета доказывания и распределения обязанностей по доказыванию по отдельным категориям административных дел в административном судопроизводстве

В статье проанализированы особенности определения предмета доказывания и распределения обязанностей по отдельным категориям административных дел. Задачами судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений. Правильное определение судом предмета доказывания по делу имеет огромное практическое значение. Неправильное определение судом обстоятельств предмета доказывания является основанием для отмены состоявшегося судебного акта.

The article analyzes the peculiarities of determination of subject of proof and the allocation of responsibilities for certain categories of administrative cases. The objectives of the proceedings are correct and timely consideration and resolution of cases in order to protect violated or disputed rights, freedoms and legitimate interests of subjects of legal relations. The correct determination by the court of the subject of proof in the case is of great practical importance. Incorrect determination by court of circumstances of the subject of proof is the basis for cancellation of the taken place judicial act.

Ключевые слова: административное судопроизводство; отдельные категории административных дел; предмет доказывания; распределение обязанностей по доказыванию.

Key words: administrative proceedings; special categories of administrative cases; subject of proof; allocation of responsibilities for proof.

Решение о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар в недобровольном порядке принимается исключительно судом. Так, территориальным органом Росздравнадзора в ходе внеплановой

выездной проверки соблюдения областным наркологическим диспансером законодательства выявлены нарушения Порядка оказания медицинской помощи по профилю «наркология», утвержденного приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 15 ноября 2012 г. № 929н¹, в части штатного обеспечения и материально-технического оснащения, а также порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации, утвержденного приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 5 мая 2012 г. № 502н, поскольку приказом главного врача областного наркологического диспансера на врачебную комиссию стационара возложена функция принятия решения о недобровольной госпитализации больного в стационар в соответствии со ст. 29 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Проверкой установлено, что больные алкоголизмом (наркоманией, токсикоманией) помещались в стационар в принудительном порядке без судебного решения на длительное время. Не согласившись с результатами проверки, областной наркологический диспансер обратился в суд. Решением районного суда заявление об оспаривании акта проверки и предписания территориального органа Росздравнадзора удовлетворено частично. Признаны незаконными акт проверки и предписание в части указания на то, что в нарушение п. 4 Порядка создания и деятельности врачебной комиссии врачебная комиссия областного наркологического диспансера принимает решение о недобровольной госпитализации пациентов. При этом суд исходил из того, что принудительная госпитализация лиц, страдающих тяжелыми расстройствами, вызванными употреблением психоактивных веществ, соответствует конституционным целям ограничения прав и свобод граждан, не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку в настоящее время процедура госпитализации в наркологический диспансер больного наркоманией (алкоголизмом, токсикоманией) без его согласия законом не урегулирована. Процедура обращения в суд с соответствующим заявлением для получения судебного решения о принудительной госпитализации требует времени и не может применяться для больных наркоманией (алкоголизмом, токсикоманией), поскольку, как правило, таким лицам требуется немедленное оказание медицинской помощи со стороны врачей-наркологов.

¹ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 15 ноября 2012 г. № 929н // Российская газета (специальный вып.), № 90/1 (утратил силу).

В связи с этим принудительная госпитализация больных наркоманией и алкоголизмом по решению врачебной комиссии без получения судебного решения является разумной и законной. Соглашаясь с такими выводами, суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменил, признал незаконными акт проверки и предписание в части указания на то, что Порядок оказания медицинской помощи по профилю «наркология» областным наркологическим диспансером не соблюдается применительно к штатному обеспечению и материально-техническому оснащению. В остальной части решение суда оставлено без изменения. Судебная коллегия по административным делам Верховного суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее. Действующее законодательство не предусматривает возможности недобровольной госпитализации граждан, страдающих синдромом зависимости от алкоголя, наркотических или токсических средств. Сами по себе такие заболевания, как алкоголизм, наркомания и токсикомания, к категории тяжелых психических расстройств не относятся и не могут служить основанием для принудительной госпитализации. Больные алкоголизмом (наркоманией, токсикоманией) подлежат недобровольной госпитализации только при наличии тяжелого психического расстройства, а не в связи с их нуждаемостью в лечении как таковом. Недобровольная госпитализация гражданина, страдающего психическим расстройством, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, возможна только по решению суда и в случаях, предусмотренных ст. 29 Закона о психиатрической помощи, но не на основании решения врачебной комиссии, которая лишь представляет в суд мотивированное и надлежащим образом оформленное заключение о необходимости пребывания гражданина в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях [6].

В силу ч. 3, 4 ст. 275 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) в административном исковом заявлении о госпитализации гражданина в недобровольном порядке или о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке должны быть указаны основания для госпитализации гражданина в недобровольном порядке в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, а также должны содержаться ссылки на заключение комиссии врачей и иные данные, обосновывающие

эти сведения [3]. К административному исковому заявлению о госпитализации гражданина в недобровольном порядке или о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке должны прилагаться: 1) мотивированное и надлежащим образом оформленное заключение комиссии врачей-психиатров о необходимости пребывания гражданина в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, с указанием диагноза, тяжести психического расстройства и критериев его определения, описанием общего состояния гражданина и его поведения и иные материалы, с учетом которых принято решение о помещении гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке; 2) документы, на основании которых составлено заключение комиссии врачей-психиатров о помещении гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, а также документы, свидетельствующие об отказе гражданина от госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в добровольном порядке; 3) мотивированное и надлежащим образом оформленное заключение комиссии врачей-психиатров о том, позволяет ли гражданину его психическое состояние лично участвовать в судебном заседании, в том числе в помещении суда.

На основании ч. 1 ст. 278 КАС РФ в предмет доказывания по делам о госпитализации в недобровольном порядке или о продлении срока госпитализации в недобровольном порядке входят следующие обстоятельства: имеется ли у гражданина тяжелое психическое расстройство; влечет ли тяжелое психическое расстройство последствия в виде непосредственной опасности для гражданина или для окружающих, беспомощности гражданина и (или) возможности причинения существенного вреда его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если гражданин будет оставлен без психиатрической помощи; являются ли обследование и лечение гражданина возможными лишь в условиях медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях; наличие факта отказа или уклонения гражданина от госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в добровольном порядке либо от продления такой госпитализации².

² Справка по результатам обобщения судебной практики по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке и по делам о госпитализации

Обязанность доказывания обстоятельств по административному делу о госпитализации гражданина в недобровольном порядке или о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке лежит на лице, обратившемся в суд с таким заявлением. При необходимости суд может истребовать доказательства по своей инициативе.

На основании ч. 6 ст. 280 КАС РФ в предмет доказывания по административным делам о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке входят следующие обстоятельства: имеются ли сведения о совершении гражданином действий, которые дают основания предполагать наличие у него тяжелого психического расстройства; влечет ли тяжелое психическое расстройство последствия в виде беспомощности гражданина и (или) возможности причинения существенного вреда его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если гражданин будет оставлен без психиатрической помощи; наличие факта отказа или уклонения гражданина от психиатрического освидетельствования в добровольном порядке.

К административному исковому заявлению о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке прилагаются мотивированное заключение врача-психиатра о необходимости такого освидетельствования в качестве необходимого доказательства. Суд принимает решение об удовлетворении административного иска о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке, если признает его обоснованным. При отсутствии оснований для направления гражданина на психиатрическое освидетельствование в недобровольном порядке суд отказывает в удовлетворении административного иска и в психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке.

Так, ГБУЗ г. Москвы Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н.А. Алексеева (далее ПКБ № 1 им. Н.А. Алексеева) обратилось в суд с указанным выше административным иском, ссылаясь на необходимость лечения П.Н.К. в условиях стационара в связи с имеющимся у нее заболеванием.

Требования мотивированы тем, что в силу своего психического состояния, подтвержденного заключением комиссией врачей-психиатров, П.Н.К. в случае ее оставления без оказания психиатрической помощи в условиях стационара, может нанести существенный вред своему здоровью.

гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке (подготовлена Курским областным судом 06.09.2017) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

Решением Симоновского районного суда города Москвы от 29 мая 2017 года постановлено: административное исковое заявление ПКБ № 1 им. Н.А. Алексеева о госпитализации П.Н.К. удовлетворить; госпитализировать П.Н.К., <...> года рождения в ГБУЗ г. Москвы "ПКБ № 1 им. Н.А. Алексеева Департамента здравоохранения г. Москвы" в недобровольном порядке с 29 мая 2017 года.

В апелляционной жалобе адвоката Белова Б.О. ставится вопрос об отмене решения.

Судом при рассмотрении дела установлено, что 28 мая 2017 года П.Н.К. была доставлена в ПКБ № 1 им. Н.А. Алексеева по направлению дежурного психиатра, в связи с неадекватным поведением.

Согласно заключению комиссии врачей-психиатров ПКБ № 1 им. Н.А. Алексеева от 29 мая 2017 года П.Н.К. поставлен диагноз – шизофрения параноидная, эпизодический тип лечения с нарастающим дефектом, неполная ремиссия. В обоснование заключения указывается, что П.Н.К. была направлена в ПКБ № 1 им. Н.А. Алексеева дежурным психиатром, в связи с острым психотическим, бредовым восприятием окружающего, риском импульсивных поступков, нарушением сна, отсутствием критики к своему состоянию. П.Н.К. указывала, что ее и мужа хотят убить, отказалась от еды, не спит две ночи.

Недобровольная госпитализация обоснована и обусловлена галлюцинаторными, бредовыми переживаниями. Нуждается в обязательном лечении в стационарных условиях, так как может быть нанесен существенный вред ее здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если будет оставлена без психиатрической помощи.

Поскольку выводы о психическом состоянии здоровья человека относятся к исключительной компетенции врачей-психиатров, суд обоснованно принял во внимание представленное заключение о нуждаемости П.Н.К. в оказании ей помощи в стационарных условиях.

Разрешая спор по существу и удовлетворяя административное исковое заявление, суд руководствовался тем, что имеются предусмотренные законом основания для принудительной госпитализации П.Н.К. в психиатрический стационар для оказания ей психиатрической помощи.

Данные выводы суда мотивированы, подтверждаются имеющимися в материалах дела доказательствами и оснований для признания их незаконными по выводам апелляционной жалобы не имеется [2].

В силу ч. 1, 3, 4 ст. 281 КАС РФ в отношении гражданина, больного заразной формой туберкулеза и неоднократно нарушавшего санитарно-противоэпидемический режим либо умышленно уклоняющегося от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза, может быть подано административное исковое заявление о его госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке. Действующее процессуальное законодательство наделяет прокурора правом

на обращение в суд с административным иском о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке в интересах неопределенного круга лиц [5].

В административном исковом заявлении о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке должны быть указаны установленные федеральным законом основания для госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке, а также содержаться указания на заключение комиссии врачей и иные данные, обосновывающие требования административного истца. Необходимыми доказательствами по делу являются: истории болезни гражданина; заключение комиссии врачей противотуберкулезной медицинской организации с указанием диагноза, тяжести заболевания, обязанности диспансерного наблюдения, а также иные материалы, подтверждающие необходимость госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке; документы, на основании которых составлено заключение комиссии врачей противотуберкулезной медицинской организации о помещении гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке; документы, подтверждающие неоднократное нарушение гражданином, в отношении которого подано административное исковое заявление о госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке, санитарно-противоэпидемического режима либо умышленное уклонение гражданина от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза.

На основании ст. 284 КАС РФ в предмет доказывания по данной категории дел входят: наличие у гражданина, в отношении которого решается вопрос о госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке, заболевание заразной формой туберкулеза; наличие фактов неоднократного нарушения гражданином, в отношении которого решается вопрос о госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке, санитарно-противоэпидемического режима либо умышленного уклонения от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза.

Обязанность доказывания обстоятельств по административному делу о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке лежит на административном истце. При необходимости суд может истребовать доказательства по своей инициативе.

Так, ГБУЗ города Москвы «Московский городской научно-практический центр борьбы с туберкулезом Департамента здравоохранения города Москвы» (ГБУЗ «МНПЦ борьбы с туберкулезом ДЗМ») обратилось в суд с административным иском к В. о госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке, мотивируя свои требования тем, что В. с октября 2015 года состоит на учете в указанном учреждении с диагнозом: "****", I А МБТ (+) группа диспансерного учета, страдает заразной формой туберкулеза. В. на многократные проводимые с ним и его родными беседы медицинским персоналом о необходимости получения лечения не реагирует, филиал ГБУЗ «МНПЦ борьбы с туберкулезом ДЗМ» по СЗАО г. Москвы не посещает, нарушает санитарно-противоэпидемиологический режим, не лечится, тем самым подвергает опасности инфицирования окружающих его людей и ставит под угрозу эпидемиологическое благополучие в городе Москве. Заключение врачебной комиссии подтверждается, что В. страдает заразной формой туберкулеза, представляет опасность для окружающих, нуждается в принудительной госпитализации для целей обследования и лечения.

Судебная коллегия, проверяя решение суда в апелляционном порядке, нашла выводы суда первой инстанции правильными, основанными на нормах действующего законодательства, соответствующими установленным обстоятельствам дела.

Административным истцом доказано наличие у В. заразной формы туберкулеза, лечение которого необходимо осуществлять только в стационарных условиях, поскольку пациент, уклоняясь от посещения диспансера, неоднократно нарушая санитарно-эпидемиологический режим и умышленно уклоняясь от лечения, подвергает окружающих опасности заражения туберкулезом, что подтверждается протоколом № 246 заседания ЦВК ГКУЗ МНПЦ борьбы с туберкулезом ДЗМ от 16.12.2015 г., согласно которому решением ЦВК В., установлен диагноз: "****" (посев от 27.10.2015 г.); диагноз до настоящего времени у лица не снят.

Таким образом, суд первой инстанции обоснованно принял во внимание представленные медицинские заключения о нуждаемости В. в оказании ему помощи в стационарных условиях. Сомнения в компетентности специалистов лечебного учреждения отсутствуют.

Каких-либо данных о заинтересованности врачей в госпитализации В. жалоба не содержит, ходатайств о назначении экспертизы лицами, участвующими в деле, в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции не заявлено.

При конкретных обстоятельствах дела, суд установил наличие названных в законе оснований для принудительной госпитализации В., обусловленных имеющимся у ответчика инфекционным заболеванием, неоднократно нарушающего санитарно-эпидемиологический режим, умышленно уклоняющегося от обследования в диспансере и категорически отказавшегося от его лечения в условиях диспансера, пришел к правильному выводу о необходимости его госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке для лечения.

Заявителем не приведены доказательства, свидетельствующие об отсутствии у В. заразной формы туберкулеза; вышеуказанный диагноз пациенту не снят; ссылка на имеющийся диагноз: соединительно-тканная недостаточность (признаки синдрома Марфана), на отсутствие туберкулеза заразной формы не указывает.

Вопреки доводам заявителя, все юридически значимые обстоятельства по административному делу, предусмотренные статьей 284 КАС РФ, по настоящему административному делу установлены и подтверждают правомерность вывода суда об удовлетворении административного иска [7].

В силу ч. 1–3 ст. 285.1 КАС РФ административное исковое заявление о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, может быть подано в суд в случае отказа одного из родителей или иного законного представителя несовершеннолетнего, не достигшего возраста, с которого пациент самостоятельно дает информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство в соответствии с законодательством об охране здоровья, либо законного представителя лица, признанного в установленном порядке недееспособным, от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни представляемого лица. Административное исковое заявление предъявляется к административному ответчику – лицу, отказавшемуся от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни представляемого лица. В административном исковом заявлении должны быть указаны установленные федеральным законом основания для защиты интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа одного из родителей или иного законного представителя несовершеннолетнего, не достигшего возраста, с которого пациент самостоятельно дает информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство в соответствии с законодательством об охране здоровья, либо законного представителя лица, признанного в установленном порядке недееспособным, от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни представляемого лица, а также должны содержаться указание на заключение врачебной комиссии медицинской организации и иные данные, обосновывающие требования административного истца. Необходимыми доказательствами по делу являются: медицинская документация гражданина, в защиту интересов которого подается административное исковое заявление; заключение врачебной комиссии медицинской организации с указанием диагноза, тяжести заболевания, описанием состояния, требующего спасения жизни пациента, а также иные материалы, подтверждающие необходимость проведения медицинского вмешательства в целях спасения

жизни пациента и возможность его присутствия в судебном заседании в силу состояния здоровья; документы, подтверждающие отказ законного представителя несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни представляемого лица; документы, подтверждающие уведомление органа опеки и попечительства о подаче административного искового заявления о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни представляемого лица.

В силу ст. 285.4 КАС РФ в предмет доказывания по делу входят следующие обстоятельства: требуется ли гражданину, в защиту интересов которого подано административное исковое заявление, медицинское вмешательство в целях спасения жизни; имелся ли отказ законного представителя гражданина, в защиту интересов которого подано административное исковое заявление, от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни представляемого лица. Обязанность доказывания обстоятельств по административному делу лежит на административном истце. При необходимости суд может истребовать доказательства по своей инициативе.

В силу ч. 2–3 ст. 287 КАС РФ в административном исковом заявлении должны быть указаны: наименование обязательного платежа, подлежащего взысканию, размер денежной суммы, составляющей платеж, и ее расчет; положения федерального закона или иного нормативного правового акта, предусматривающие уплату обязательного платежа; сведения о направлении требования об уплате платежа в добровольном порядке; размер и расчет денежной суммы, составляющей санкцию, если она имеет имущественный характер, и положения нормативного правового акта, устанавливающие санкцию; сведения об отмене судебного приказа по требованию о взыскании обязательных платежей и санкций, вынесенного в порядке, установленном гл. 11.1 КАС РФ. К административному исковому заявлению о взыскании обязательных платежей и санкций в качестве необходимых доказательств прилагаются документы, подтверждающие указанные в административном исковом заявлении обстоятельства, включая копию направленного административным истцом требования об уплате взыскиваемого платежа в добровольном порядке; копия определения судьи об отмене судебного приказа по требованию о взыскании обязательных платежей и санкций.

В предмет доказывания по делам указанной категории входят следующие обстоятельства: наличие у органа, обратившегося с требованием о

взыскании обязательных платежей и санкций, соответствующих полномочий (отнесение административного истца к числу контролирующих органов); наличие у ответчика задолженности по обязательным платежам; размер задолженности; наличие оснований для взыскания суммы задолженности и наложения санкций; направление (предъявление) требования контрольного органа об уплате взыскиваемой денежной суммы в досудебном порядке; неисполнение в добровольном порядке требования контрольного органа об уплате взыскиваемой денежной суммы в установленный срок; соблюдение срока подачи административного искового заявления о взыскании обязательных платежей и санкций, а в случае пропуска срока – наличие или отсутствие уважительных причин обращения в суд с пропуском срока [8].

На основании ч. 4 ст. 289 КАС РФ обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для взыскания обязательных платежей и санкций, возлагается на административного истца.

Так, Крымская таможенная обратилась в Армянский городской суд Республики Крым с вышеуказанным иском в порядке главы 32 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

В обоснование административного иска указано на то, что 31 мая 2016 г. в 10:47 в МАПП «Армянск» в целях убытия с таможенной территории Таможенного союза прибыло транспортное средство марки «MERCEDEN BENZ SPR 311CDI», кузов №, государственный регистрационный знак №, 2005 года выпуска, цвет белый, постоянно зарегистрированный в Украине, следующий из Российской Федерации в Украину, под управлением гражданина Российской Федерации ФИО12 с пассажиром К.И. Согласно предъявленной в ходе проведения таможенного контроля пассажирской таможенной декларации №, указанное транспортное средство было временно ввезено на таможенную территорию ЕвразЭС 18 августа 2015 г. гражданином Украины М. Для замены декларанта по ПТД М. не обращался. В связи с обнаружением факта неуплаты таможенных платежей, выявленного в результате проведения таможенного контроля, Крымской таможней в отношении М. составлен акт об обнаружении факта неуплаты таможенных платежей от 5 сентября 2016 г. № и ему выставлено требование об уплате таможенных платежей от 8 сентября 2016 г. №. Сумма задолженности по оплате таможенных платежей составляет 249255,95 руб., сумма задолженности по оплате пени – 47169,61 руб. Указанное требование получено административным ответчиком 7 февраля 2017 г.

Определением Армянского городского суда Республики Крым от 27 июня 2017 г. к участию в деле в качестве заинтересованного лица привлечена К.И.

Решением Армянского городского суда Республики Крым от 7 августа 2017 г. административное исковое заявление удовлетворено.

Суд первой инстанции, удовлетворяя административное исковое заявление, исходил из того, что требование об уплате таможенных платежей и пени является законным и обоснованным, таможенные платежи рассчитаны в соответствии с действующим законодательством. Административное исковое заявление о взыскании таможенных платежей таможенным органом подано в установленный процессуальным законом срок.

Судебная коллегия соглашается с выводами суда первой инстанции. Доводы К.И., указанные в апелляционной жалобе, не опровергают правомерность обжалуемого судебного акта, поскольку направлены на переоценку фактических обстоятельств дела, представленных доказательств и выводов суда первой инстанции, основаны на неверном толковании норм права, в связи с чем не могут служить основанием к отмене судебного решения.

Мотивы принятого решения подробно изложены в обжалуемом судебном акте, выводы соответствуют нормам, регулирующим возникшие отношения, а также материалам административного дела [1].

Список литературы

1. Апелляционное определение Верховного суда Республики Крым от 04.12.2017 по делу № 33а-9634/2017 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.07.2017 по делу № 33а-2513/2017 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Российская газета. – № 49. – 11.03.2015.
4. Нахова Е.А. Предмет доказывания в гражданском процессе и административном судопроизводстве: науч.-практ. пособие. – СПб.: Изд-во «ВВМ», 2018. – 422 с.
5. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного суда РФ 26.04.2017) // Солидарность. № 19. 17 - 24.05.2017 (извлечение).
6. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного суда РФ 23.12.2015) (ред. от 26.04.2017) // Бюллетень Верховного суда РФ. № 9. Сентябрь. 2016 (извлечение).
7. Определение Московского городского суда от 02.10.2017 № 4га-10565/2017 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
8. Решетникова И.В., Куликова М.А., Царегородцева Е.А. Справочник по доказыванию в административном судопроизводстве. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.

Сведения об авторах

Агаев Гююлоглан Али оглы – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: guloglanmvd@gmail.com

Акишин Михаил Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Новосибирского национального государственного университета. E-mail: akishin-mo@yandex.ru

Алексеева Юлия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики. E-mail: alexus606@gmail.com

Бородушко Ирина Васильевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: bi08@me.com

Булгакова Луиза Сираджединовна – прокурор отдела, Прокуратура Санкт-Петербурга. E-mail: bluiza@mail.ru

Бялт Виктор Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: victorkwr@mail.ru

Власова Екатерина Дмитриевна – аспирантка, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: evlasova1804@gmail.com

Воскресенская Елена Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор, Высшая школа юриспруденции и судебно-технической экспертизы. E-mail: elenvoskr@mail.ru

Грандонян Карапет Андраникович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, декан, Саратовский социально-экономический институт (ф) РЭУ им. Г.В. Плеханова. E-mail: karap.grand@mail.ru

Демидов Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: sandem@bk.ru

Кокорин Игорь Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, завкафедрой гражданского и международного частного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: only_igor@mail.ru

Колениченко Василий Васильевич – преподаватель, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина. E-mail: koleni4enko77@mail.ru

Лодыженская Ирина Игоревна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет, председатель Ленинградского областного суда в отставке. E-mail: Lodizhenskaya.I@jurfak.spb.ru

Макарова Радмила Владимировна – соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: Radmila-b@yandex.ru

Максимов Виталий Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: maximovva@mail.ru

Малышева Д. Д. – студентка, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: dasha092008@yandex.ru

Манакова Лидия Константиновна – независимый исследователь. E-mail: lidiya_manakova@mail.ru

Нахова Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: nahova.elena@yandex.ru

Нефедова Светлана Александровна – аспирант, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. E-mail: gbu_srt@mail.ru

Оганезова Светлана Романовна – аспирант, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина. E-mail: sveta.oganezova@mail.ru

Парганаева Дарина Николаевна – студентка, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: www.darina.prut@yandex.ru

Петров Константин Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, завкафедрой теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: 1petrov_kv@mail.ru

Прозванченков Александр Васильевич – старший преподаватель, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: prozvanchenkov@mail.ru

Северцев Роман Викторович – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: roma_nord@mail.ru

Скрябин Игорь Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). E-mail: ig1012008@yandex.ru

Смирнова Марина Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Степанов Юрий Иванович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: guloglanmvd@gmail.com

Стремоухов Алексей Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук. E-mail: stremouhov@pisem.net

Тотров Цара – аспирант, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. E-mail: dzagurova@mail.ru

Шаповалов Алексей Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Саратовский социально-экономический институт (ф) РЭУ им. Г.В. Плеханова. E-mail: usrex34@yandex.ru

Шахбазов Роман Агамедович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации. E-mail: romanalog@rambler.ru

Шубников Юрий Борисович – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой гражданского права, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: shubnikovub@mail.ru

Шумский Виктор Васильевич – старший преподаватель, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина. E-mail: viktor.shumskiy.68@mail.ru

АВТОРАМ СТАТЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В ЖУРНАЛ

К публикации в Ленинградском юридическом журнале принимаются статьи, отражающие широкий спектр вопросов современной юриспруденции.

Необходимым условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя. Рецензирование поступивших в редакцию материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Материалы, направляемые в редакцию по электронной почте lenjurmag@lengu.ru, должны быть представлены тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Фамилия автора помещается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

Ссылки на литературу оформляются постранично, нумерация сквозная.

В конце статьи приводится список литературы (не менее 5–7 позиций).

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить стилистическую и корректорскую правку (не меняющую смысл) авторского текста.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

*196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское ш., 10
тел. 8 (812) 470-56-74, 8 (812) 451-83-49*

Для заметок

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2018
№ 1 (51)

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Е. Ю. Березина*
Оригинал-макет *Е. Ю. Березиной*

Подписано в печать 30.03.2018. Формат 70х90 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 14,6. Тираж 500 экз. Заказ № 1431

Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., 10